

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,

тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Масловская Е. В.</i> Право как социальный контроль: русская традиция в зарубежной социологии права.....	6
<i>Окулов С. М., Разова Е. В.</i> Знания или компетенции? («Ложится мгла на старые ступени»)	15
<i>Подлевских Л. Г.</i> К формированию исторической эпистемологии.....	22
<i>Рыбальченко В. А.</i> Философские аспекты эволюции физической формы материи	27
<i>Наймушина А. Н.</i> Ментальные профили восприятия аниме как показатель диффузии культуры.....	31

ИСТОРИЯ

<i>Нечаев М. Г.</i> Провинциальный взгляд на церковные преобразования в годы революции 1905–1907 гг.: на материалах уральских отзывов по вопросам церковной реформы.....	36
<i>Лицарев М. Ю.</i> Пропагандистская и агитационная деятельность в Вятской губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг.	48
<i>Герштейн И. З.</i> Фактор мессианизма во внешней политике СССР.....	52

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Балыбердин Ю. А.</i> Деятельность социал-демократов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны	58
<i>Вычужганин А. Л.</i> Особенности деятельности кредитных кооперативов в Тобольской губернии в период Первой мировой войны.....	67
<i>Белова И. Б.</i> Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект	72

ПРАВО

<i>Артемьев Н. С., Розуван А. М., Семенов А. В.</i> Соблюдение законности и соблюдение прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы	78
<i>Лодыгин С. Н., Ложкина Т. Е.</i> Прокуратура Российской Федерации: вопросы взаимодействия с органами, осуществляющими предварительное расследование	81
<i>Коротаева О. А.</i> Административные регламенты в реализации контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти	86

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Осипова Н. О.</i> Икона как образ и текст в поэзии русской эмиграции	93
<i>Колесникова О. И.</i> Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе	100
<i>Шевелёва Т. Н.</i> Проблема соответствия христианскому идеалу в творчестве Чарльза Диккенса	108
<i>Сыромятников О. И.</i> Антихрист в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»	112
<i>Толстоброва Л. В.</i> Интертекстуальные мотивы и образы в лирике И. В. Елагиной	122
<i>Набиева У. А.</i> «Китаби-Деде Горгуд» – древний памятник озанского репертуара	127

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Азизова И. Ю.</i> Принцип культуротворчества в условиях гуманитаризации методической подготовки будущих учителей биологии	133
<i>Зубова Н. В.</i> Комплексная кейс-технология как средство формирования профессиональных компетенций при обучении физике студентов технического вуза	137
<i>Трефилова Т. Ю.</i> Балльно-рейтинговая система как способ реализации компетентностного подхода в среднем профессиональном образовании	144
<i>Ханжин А. В.</i> Причины низкой эффективности действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств и методические направления по ее совершенствованию	148
<i>Караваева Т. Л.</i> Методический подход к совершенствованию физической подготовки учащихся профильных медицинских классов	155
Сведения об авторах	163
Information about authors	165

CONTENTS

- Maslovskaya E. V.* Right as social control: the Russian tradition in foreign sociology of law
- Okulov S. M., Razova E. V.* Knowledge or competences? (A Gloom is Cast upon the Ancient Steps)
- Podlevskich L. G.* To the formation of historical epistemology
- Rybalchenko V. A.* Philosophical aspects of evolution of the physical form of matter
- Naimushina A. N.* Mental profiles of anime perception as indicator of culture diffusion
- Nechayev M. G.* Provincial view on church transformations during Revolutionary years of 1905–1907: based on materials of the Ural opinions about questions of church reforms
- Lytsarev M. U.* Propaganda and campaigning activities in Vyatka province during the First Russian Revolution 1905–1907
- Gerstein I. Z.* The factor of messianism in foreign policy of USSR
- Balyberdin Yu. A.* Activities of Social Democrats in the Vyatka Province during World War I
- Vychurghanin A. I.* Specialities of work of credit cooperatives in Tobol province during the First World War
- Belova I. B.* The return of Russian prisoners of the First world war to Soviet Russia: the historiographic aspect
- Artemyev N. S., Rozuvan A. M., Semeno A. V.* Observance of lawfulness and respect for human rights in the institutions and in the bodies of the penal system
- Lodygin S. N., Lozhkina T. E.* The Prosecutor's office of the Russian Federation: issues of interaction with the bodies in charge of preliminary investigation
- Korotaeva O. A.* The Administrative regulationses in realization checking authority organ executive authorities
- Osipova N. O.* The Icon as an Image and a Text in the Poetry of the Russian Emigration
- Kolesnikova O. I.* The signals of the aesthetic information as factors of the persuasion in book reviews
- Sheveleva T. N.* The problem of compliance to the Christian ideal in the works of Charles Dickens
- Syromyatnikov O. I.* Antichrist in F.M. Dostoyevsky's novel «Besy» (“Demons”)
- Tolstobrova L. V.* Intertextual motives and images in the lyrics of I. V. Yelagin
- Nabieva U. A.* “Kitabi-Dede Gorgud”, is the ancient memorial of Ozan's repertoire
- Azizova I. J.* Principle culture creativity in the conditions of humanitarization of methodical training of the future teachers of biology
- Zubova N. V.* The content of the case in the implementation of the integrated case-technologies in teaching physics in technical universities
- Trefilova T. Yu.* Score rating system as a way of implementation of a competence approach in the secondary vocational education
- Hanzhyn A. V.* Reasons of low efficiency of current system of force department staff physical education and methodical ways of its perfecting
- Karavaeva T. L.* Methodical approach of perfecting of profile medical groups students' physical education

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 340.11:316

Е. В. Масловская

Право как социальный контроль: русская традиция в зарубежной социологии права

В статье обсуждаются особенности становления русской традиции в социологии права. Выделяется анализ проблематики социального контроля в работах отечественных исследователей. Характеризуется историческая роль русской традиции, ее влияние на зарубежную социологию права. Подчеркивается, что труды русских ученых способствовали институционализации социологии права в ряде европейских стран и США.

The article discusses the peculiarities of formation of the Russian tradition in sociology of law. The analysis of the problem of social control is singled out. The historical role of the Russian tradition and its influence on western sociology of law are characterized. It is emphasized that the works of Russian scholars contributed to institutionalization of sociology of law in some European countries and the USA.

Ключевые слова: история социологии, социология права, социальный контроль, Л. Петражицкий, Ж. Гурвич, Н. Тимашев, П. Сорокин.

Keywords: history of sociology, sociology of law, social control, L. Petrazycki, G. Gurvitch, N. Timashev, P. Sorokin.

В русской науке дореволюционного периода к правовой проблематике обращались представители не только юриспруденции, но и других дисциплин: истории, философии, социологии. В то же время в работах юристов в некоторых случаях присутствовали элементы социологического подхода к анализу правовых институтов. Исследования сферы права нередко являлись междисциплинарными. Не случайно Н. И. Кареев выделял даже целое направление в социологии, представители которого характеризовались им как «русские юристы-социологи» [1].

Наметившаяся тенденция к отходу от формализма правовой теории, большее внимание социальным отношениям, связанным с правом, роли права как формы социального контроля, поиск внеюридических параметров права, однако, не привели к формированию социологии права как отрасли социологии. Для России было характерно сравнительно позднее формирование юридической традиции, сопровождавшееся одновременным развитием различных направлений правовой мысли, которые в западных странах складывались в течение длительного времени. Тем не менее наряду с трудами классиков социологической мысли можно выделить таких авторов, как Л. И. Петражицкий, Н. С. Тимашев, Ж. Гурвич, П. А. Сорокин, работы которых проложили путь для развития социологии права. Важное значение в этом процессе имела не только психолого-правовая теория Л. И. Петражицкого, но и его интерпретация права как средства установления социального контроля.

Собственно социологические теории права представлены в работах Гурвича, Тимашева, Сорокина. Правда, эти работы были опубликованы уже в зарубежный период их научной деятельности. В силу сложившихся исторических обстоятельств начиная с 1920-х гг. носителями русской традиции в социологии права оказались русско-польский (Петражицкий), русско-французский (Гурвич) и русско-американские (Тимашев, Сорокин) ученые. В связи с этим раскрытие влияния идей Петражицкого и его учеников на развитие социологии права –

в институциональном и теоретическом аспектах – в ряде европейских стран и США представляет значительный исследовательский интерес. Это позволит определить историческую роль работ указанных авторов в теоретическом развитии к более зрелой социологии права.

В рамках общей для отечественной правовой мысли начала XX в. тенденции к критике юридического позитивизма Петражицкий стремился обосновать собственно научную теорию права. Именно это, а не привлечение психологии, близкой естественным наукам, согласно точке зрения известного американского исследователя М. Дефлема, и можно рассматривать в качестве заслуги Петражицкого в формировании социологии права, направленной не на решение практических юридических задач, а имеющей скорее академические цели [2].

Согласно взглядам Петражицкого, право, как и мораль, реально существует только в человеческой психике, где право принимает форму психического переживания особого рода. Данная форма правового опыта, с одной стороны, включает обязанность лица (мотивационное давление) совершить какие-либо действия либо воздержаться от них (императивная импульсия), а с другой – притязание другого лица (атрибутивная составляющая) на осуществление этих действий либо воздержание от них. Следовательно, специфичность такого рода психических переживаний состоит в двустороннем, императивно-атрибутивном характере. Тем самым, трактовка права, предложенная Петражицким, выделяет активную мотивацию и активную позицию субъектов права в качестве основных факторов действительности права.

Правом Петражицкий называл все виды этического опыта, содержащие императивно-атрибутивные эмоции, независимо от того, соотносятся ли они с какими-либо нормативными фактами. Главную роль в сфере права, по мнению Петражицкого, играют социально-психические процессы, «которые вызывают появление и определяют направление развития этических эмоционально-интеллектуальных сочетаний... содержание которых соответствует общественному благу в мотивационном и воспитательном отношении» [3]. Тем самым фокус исследовательского интереса Петражицкого был направлен на познание права в действии, «в его функционировании как явления, вплетенного в индивидуальную и коллективную жизнь» [4].

Для социологии права оказались чрезвычайно плодотворными проведенные Петражицким исследования воздействия права на психологию и поведение людей. Его исследования правовой психики продемонстрировали, что правовая действительность намного богаче той, которая регулируется государственным законодательством. Опираясь на психологические критерии, Петражицкий выявил основополагающее для его теории различие между интуитивным и позитивным правом, провел тщательный сравнительный анализ этих объектов, придавая огромное значение исследованию конфликтов между ними.

Интуитивным правом Петражицкий назвал тот опыт, в котором идеи нормативных фактов отсутствуют. Другими словами, Петражицкий считал, что в данном случае правовая эмоция возникала без соотнесения с каким-либо авторитетом. Его источником было автономное определение личности или социальной группы. Интуитивное право Петражицкий называл первичным и древнейшим видом права, которое выступило в качестве бессознательного массового психического приспособления. Оно было ближайшим к природе регулятором, средством мотивационного давления на поведение, приводя к реальному исполнению прав и обязанностей без каких-либо специальных внешних средств принуждения и сформулированных норм – моделей поведения. В результате, как считал Петражицкий, системой подобных психических переживаний и была создана «своеобразная структура человеческих сообществ, состоящая в закреплении за отдельными индивидами известной суммы благ... известной сферы господства и свободы» [5]. Однако объективным свойством интуитивного права Петражицкий признавал его неопределенность и растяжимость, что вызывало групповые или индивидуальные конфликты в человеческом сообществе. Поэтому уже на начальных этапах истории появляются тенденции позитивации, то есть выработки определенного нормативного факта (данное понятие включает явления, которые в традиционной юриспруденции определяются как источники права), в соответствии с которым формируется массовое эмоциональное состояние общества, отдельных групп и индивидов.

Установление позитивного права, в свою очередь, способствовало появлению новых правовых импульсов, которые могли быть преобразованы на интуитивном уровне. В связи с этим особая роль законодателей в осуществлении социальных изменений заключается в

возможности определенным образом направлять эти импульсии. Таким образом, Петражицкий указывал на значимость функции социальной инженерии. Кроме того, существование интуитивного права обеспечивает переход от юридически узаконенных к социально принятым положениям, постоянный обмен между формальной и интуитивной сферами, отражая как обучающее воздействие официального законодательства на общественное мнение, так и кодификацию общественных ценностей. При этом Петражицкий подчеркивал, что «это постоянное взаимодействие есть идеал, лишь отчасти достижимый в реальности» [6]. В действительности взаимное обогащение нередко заменено постоянным конфликтом или отсутствием коммуникации. Тем самым он обозначил одну из актуальных социолого-правовых проблем, связанную с выявлением причин, условий, явных или латентных системно-структурных эффектов данного взаимодействия.

Необходимой предпосылкой для научного понимания социальных изменений и воздействия на них Петражицкий считал изучение индивидуального и группового поведения и того, в какой мере человеческое поведение определяется правовыми нормами. Другими словами, законодатели должны опираться на данные наук – психологии и социологии – с тем чтобы определить влияние их правотворческой деятельности на человеческое сознание. Отказ рассматривать абстрактные нормы в качестве предмета исследования и внимание к конкретному человеческому опыту свидетельствуют о том, что Петражицкий использовал подход, внешне напоминающий разработанный Дюркгеймом социологический подход, согласно которому право является индикатором социальной солидарности. Однако, несмотря на неортодоксально расширительное понимание права, Петражицкий не располагал пространством норм на социальном уровне, в отличие от Дюркгейма [7].

Еще один вид напряженного взаимодействия – официального и неофициального права – был выделен Петражицким и плодотворно развит его учениками. Если первое – это право, подлежащее применению и поддержке со стороны представителей государственной власти [8], то второе – право, которое не имеет такого значения в государстве. Таким образом, официальное право является не только «привилегированным», но вместе с тем отличается лучшей приспособляемостью, по мнению Петражицкого, к удовлетворению потребностей, коренящихся в атрибутивной природе права вообще. В соответствии с учением Петражицкого, к официальному праву относится внутrigосударственное, а также и некоторые негосударственные нормы и системы норм или их части (например, церковное право) [9].

Психолого-правовая теория Петражицкого неоднократно подвергалась критике со стороны юристов. Негативное отношение представителей юриспруденции к данной теории было отчасти связано с тем, что Петражицкий «скептически оценивал попытки абсолютизации естественного права» [10]. Кроме того, критики Петражицкого ставили под сомнение научный характер психологического подхода к анализу правовой сферы, что можно объяснить особенностью понимания науки в юриспруденции. В социологии того времени отношение к идеям Петражицкого также было неоднозначным. Например, Н. И. Кареев считал подход Петражицкого «антисоциологическим». По мнению этого социолога, Петражицкий «подменил понятие права понятием правовой психики, притом психики индивидуальной, что оставляет за бортом право как систему правовых норм, особенно правовые учреждения» [11]. Несмотря на это теория Петражицкого пользовалась широким признанием в российской науке дореволюционного периода. Эта теория получила определенное распространение, хотя и в модифицированном виде, в марксистской юридической мысли 1920-х гг. в России [12]. В целом в развитии социологии права работы Петражицкого институционально сыграли значительную роль, хотя «в теоретическом отношении они и выступали, скорее, в качестве негативной модели» [13], за исключением, пожалуй, концепции польского ученого А. Подгурецкого.

Действительно, Петражицкий внес значительный вклад в формирование социологии права в Польше, куда он переехал в 1919 г. и где основал и возглавил первую кафедру социологии в Варшавском университете. Но за время своей научной деятельности в Польше с 1919 по 1931 г. Петражицкий опубликовал лишь несколько небольших по объему работ. После смерти ученого остались обширные рукописи, которые были утрачены в годы Второй мировой войны. Лишь часть этих трудов была опубликована учениками Петражицкого в 30-е гг. В послевоенный период с установлением в Польше нового политического строя идеи Петражицкого отвергались как противоречащие марксистско-ленинской теории. Однако частич-

ная либерализация режима после 1956 г. сопровождалась ослаблением идеологического контроля в сфере социальных наук. В результате польская социология стала «теоретически и институционально дифференцироваться, она вступает в плодотворный контакт с мировой социологией» [14]. Все это позволило последователям Петражицкого вновь обратиться к его научному наследию. В 1959–1968 гг. ряд работ этого ученого был опубликован на польском языке. После 1989 г. интерес к идеям Петражицкого в польской социологии и философии права еще более возрос [15] в связи, в частности, с тем, что в последнее время в Польше активно формируется корпус классических текстов и классиков национальной школы социологи права.

В то же время в американской и западноевропейской социологии права влияние теории Петражицкого не столь значительно. Восприятию идей Петражицкого долгое время препятствовало отсутствие переводов, в том числе на английский язык. Лишь в 1955 г. в США вышел сборник текстов Петражицкого, объединявший избранные главы из двух его трудов. В 60–70-е гг. публиковались отдельные статьи западных исследователей, посвященные тем или иным аспектам теории Петражицкого. В ряде статей американских социологов проводились параллели между теорией Петражицкого и структурным функционализмом, а также символическим интеракционизмом.

Популяризации идей Петражицкого в зарубежной социологии способствовали работы Ж. Гурвича, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева: «Будучи социологами первой величины, они привлекли внимание к трудам Л. И. Петражицкого как своими оригинальными идеями, вобравшими многое от своего учителя, так и пропагандой и переводами его произведений» [16].

Гурвич, Тимашев и Сорокин – представители школы Петражицкого – внесли существенный вклад в развитие социологии права, в целом отказавшись от абсолютизации психологического понимания права и рассматривая право как социальный институт. Научный анализ отдельных социальных феноменов, в том числе и права, Гурвич развивал на основе своей общей социологической теории. И хотя Н. Тимашев считал, что интерес Гурвича к юридическим вопросам «носит не столько социологический, сколько философский характер» [17], современные исследователи подчеркивают, что Гурвич в той или иной степени испытал влияние классической социологии права в лице Э. Дюркгейма [18] и социологической юриспруденции в лице Е. Эрлиха [19]. Характеризуя его творчество в целом, утверждают, что Гурвич – «пожалуй, первый из социологов, кто после Дюркгейма последовательно реализовывал во Франции программу построения общей социологической теории» [20].

С точки зрения Гурвича, право и социальная действительность неразрывно связаны и не могут мыслиться порознь. Степень связанности права с социальной действительностью даже более интенсивна и прочна, в сравнении с другими формами социального контроля, действующими в обществе. Право нуждается в коллективном признании, поскольку без такого признания невозможно его функционирование. При этом сама социальная действительность представлена в концепции Гурвича в виде социальных структур. Рассмотрение права в связи с социальными структурами позволяет Гурвичу анализировать не только право, но и само общество, а главное, интегрировать социологию права в общую социологию. Однако оригинальность теории Гурвича заключается скорее в его попытке создать типологию социальных структур, которая позволила бы социологу идентифицировать и исследовать все многообразие видов права. Заслугой Гурвича является также переход «от уровня индивидуального сознания к социальной группе как реальности *sui generis*» [21].

Согласно Гурвичу право – это аспект социальной жизни, проявляющий себя не только в институциональной форме, такой как современное государство, но и за пределами «официальной» правовой системы и ее формализованных институтов – во всем многообразии социальных отношений. Эти более спонтанные проявления права не являются просто отражением институционального уровня и не столько определяемы позитивным правом, сколько находятся в оппозиции к нему: неофициальное право «всегда находится до некоторой степени в борьбе с кодифицированным правом» [22].

Понятие спонтанного социального права в работах Гурвича – это своего рода аналитический инструмент, благодаря которому социология права может развивать собственную парадигму права, свободную от юридических дефиниций, сконцентрировав внимание на типах социального поведения и видах социальных отношений, характерных для права как формы социального контроля. При этом социология не связывает все существующие формы

социального контроля с правом. Напротив, социология права стремится продемонстрировать, что отличительной чертой, смыслообразующим началом права, как подчеркивал Гурвич вслед за Петражицким, является справедливость.

Согласно Гурвичу, справедливость выражает необходимость интеграции в обществе и трактуется скорее как динамичный, постоянно изменяющийся баланс между конфликтующими субъективными и объективными социальными ценностями. Поэтому Гурвич подчеркивал, что любой порядок вырабатывается обществом в процессе реализации тех или иных ценностей и идеалов, а право всегда предстает, как «попытка реализовать коллективные ценности, прежде всего – ценность справедливости» [23]. При этом справедливость в сфере юридического опыта не является неизменным элементом, но меняется вместе с правовой действительностью. Говоря о социальных ценностях, Гурвич берет за аксиому выдвинутое Дюркгеймом положение о том, что основой права, морали, религии выступают системы ценностей, источником которых являются коллективные идеи.

В отличие от преобладающего в западноевропейской правовой традиции методологического индивидуализма, Гурвич считал, что первичным субъектом права являются не индивиды, а формы социальности, наиболее нестабильные элементы социальной жизни. Социальное право есть функция форм социальности, и оно не может быть данным извне, а только лишь спонтанно возникшим внутри реальных социальных отношений. С точки зрения Гурвича, право вырабатывается в рамках динамичных, а не статичных социальных единиц. Это еще не формализованное право основывается на нормативных фактах, со свойственным только им ценностным содержанием, от которого и берет свое начало императивный характер правовых предписаний.

Подобно Петражицкому, для Гурвича наполнение догматического понятия «нормативный факт» новым оригинальным содержанием явилось формой объяснения того, как происходит восприятие коллективным сознанием через юридический опыт мира ценностей. Под нормативными фактами Гурвич понимал различные социальные группы, «организация которых порождает само право» [24]. Возникшие спонтанно нормативные факты структурируются в систему социального права и трансформируются в правовые нормы. При этом юридический – в понимании Гурвича – характер спонтанного социального права приносится в жертву политической власти, и господство заменяет право.

Гурвич выделяет следующие типы права: социальное право, которое основано на единстве взаимопроникающих правомочий и обязанностей участников и выполняет функцию интеграции; индивидуальное право, которое базируется на межличностных отношениях, предполагающих не только кооперацию, но и антагонизм; субординационное право, представляющее своего рода соединение социального права и индивидуального. Согласно Гурвичу, хотя социальное право может быть дополнено другими формами права, оно все-таки всегда выступает ядром любого правового порядка. Социальное и индивидуальное право могут быть обнаружены наблюдателем в любой форме коллективности, однако индивидуальное право, скорее, проявлено в ежедневном социальном контексте, в то время как социальное право действует как бы глубоко внутри коллективной жизни и обнаруживает себя лишь в сложные периоды, спровоцированные конфликтами, кризисами, социальными изменениями.

Следует отметить, что общая социологическая теория Гурвича не получила широкого признания во французской социальной науке. Гурвич характеризовался как «фигура в известном смысле нетипичная не только для французской, но и для всей западной социологии своего времени» [25]. При этом критические замечания в адрес Гурвича «в большинстве случаев касаются множества классификаций, которые сопутствуют изложению его социологической системы» [26]. Социально-правовые идеи Гурвича также в целом не соответствовали традиционному для французской социальной науки того времени пониманию права. Однако в США идеи Гурвича активно обсуждались и оказали определенное влияние на эмпирические социально-правовые исследования. Отметим, что и в настоящее время англоязычные исследователи указывают на необходимость обращать большее внимание на идеи Гурвича [27].

При построении научной теории права как актуального социального явления Н. С. Тимашев предлагал использовать в качестве основного метода каузальное исследование, а среди конкретных методов отдавал предпочтение интроспекции, т. е. точному последующему анализу состояния сознания по поводу права. Ссылаясь на Гурвича, Тимашев подчеркивал, что для получения необходимого результата нужно применить постепенную ре-

дукцию или инверсию – метод, аналогичный используемому школой Фрейда при исследовании подсознательных психических процессов. В числе методов исследования Тимашев рассматривал также наблюдение и эксперимент. Для проверки достоверности информации, собранной с помощью наблюдения и эксперимента, предлагал использовать данные этнологии и исторической юриспруденции, а также детской психологии [28].

Изучая право, Тимашев придерживался принципа, согласно которому эмпирическое изучение права должно представлять собой изучение фактов, а не идей. Он также подчеркивал, что реальность права должна подтверждаться на материале биопсихического опыта человека. В отличие от Петражицкого, влияние которого все-таки вполне различимо, Тимашев считал, что биопсихический опыт человека, связанный с правом, носит коллективный характер. Поэтому такой опыт может и должен рассматриваться социологически [29]. Отталкиваясь от теории Петражицкого, Тимашев отмечал, что для научного понимания права важно учитывать в качестве основных два следующих социальных факта: во-первых, наличие в каждой длительно существующей группе такого порядка, который может быть выражен в нормах и который через посредство сложных механизмов делается обязательным для членов группы, во-вторых, наличие социальной власти [30]. Следовательно, в праве «равная интеракция», образующая суть признания норм социальной группой, сочетается с «неравной интеракцией», связанной с властью [31].

Тем самым, сосредоточив внимание на социальном уровне поведенческих моделей, Тимашев утверждал, что правовые нормы содействуют достижению социального порядка посредством, с одной стороны, признания и подчинения им членов общества, с другой – будучи признаваемы центральной властью. В результате нормы, не признанные государством, являются частью обычая или морали, но не правом. В то же время не соответствующее правовым ожиданиям поведение выводит индивида за пределы социального порядка. Другими словами, правомерное поведение и есть нормальное поведение.

Таким образом, согласно Тимашеву, право локализовано на вершине социальной иерархии, в то время как для Гурвича оно рассеяно в силу разрыва между политической и юридической суверенностью. Тимашев рассматривал данные формы суверенности как комплементарные, подчеркивая, что политическая суверенность выражает суть права. Каждый из этих теоретиков отстаивал собственную парадигму развития социологии права.

Работы Тимашева внесли вклад в институционализацию социологии права в США. Следует учитывать, что в американской социальной науке в 40–50-е гг. еще не сложилась развитая традиция исследований правовой сферы с позиций социологии. В частности, в связи с этим труды Тимашева обсуждали главным образом представители правоведения [32]. С другой стороны, тот факт, что «Тимашеву не удалось исследовать причины предполагаемого пересечения функций и последствий права, тем более противоречия между ними, способствовало тому, что его работы в меньшей степени были востребованы в социологии, где функции и последствия права разделяются именно для того, чтобы сделать возможным их анализ» [33]. Идеи этого социолога в целом находились в русле наметившегося в то время перехода от социологической юриспруденции к социологии права. При этом позиция Тимашева, по мнению одного из британских исследователей, кажется близкой той парадигме, которая является основой современных «социально-правовых исследований» в Великобритании [34].

Если Н. С. Тимашев уделял преимущественное внимание именно социолого-правовым проблемам, то для П. А. Сорокина эта проблематика не имела первостепенного значения. Тем не менее Сорокин анализировал с позиций своей общесоциологической теории в том числе и правовые институты. На формирование Сорокина как социолога определенное влияние оказали идеи и методология Петражицкого. Сорокин обращался к социально-правовой проблематике уже в своей ранней работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914). Однако общая социологическая теория Сорокина еще не была сформулирована в момент публикации данного исследования. Основы этой теории были заложены в работе «Система социологии» (1920), в которой рассматривались различные формы социального взаимодействия, давалась классификация социальных групп, характеризовались взаимоотношения между индивидом и обществом.

Основные идеи «Системы социологии» получили развитие в американский период научного творчества Сорокина в работе «Общество, культура и личность: их структура и динамика», где рассматривалось, в частности, групповое регулирование индивидуального пове-

дения. При этом Сорокин стремился объяснить механизмы поддержания социального порядка в различных группах и организациях. Опираясь на методологию Петражицкого, Сорокин предпринял попытку, не ограничиваясь применением термина «официальное право» к государству, перенести различие официального и неофициального в пределы отдельных социальных групп, например семьи, корпорации. Сорокин рассматривал официальное право группы как совокупность правовых норм, обязательных для ее членов, защищаемых и навязываемых всей властью самоуправления группы или самой группой. Другими словами, любая правовая подсистема могла бы квалифицироваться как имеющая собственное официальное право, но по отношению к государству она может быть квалифицирована как обладающая неофициальным правом.

В своем наиболее фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика» Сорокин выдвинул теорию циклического изменения культурных систем, рассматривая три разновидности таких систем: идеациональную, чувственную и идеалистическую. Каждую из этих систем отличают особые формы философии, религии, искусства, науки, этические и правовые нормы, собственная экономическая и политическая организация. Сорокин прослеживает динамику идеациональной и чувственной культуры на примере различных сфер общественной жизни, в том числе этики и права [35].

Оригинальность этого анализа заключается, прежде всего, в широком использовании эмпирических данных в исследовании социальной динамики. Однако изучение права являлось для Сорокина лишь одним из элементов всестороннего исследования социальной динамики. В западной социологии традиционно подчеркивалось значение работ Сорокина 20-х гг., в особенности исследования социальной мобильности, в противовес его концепции социокультурной динамики. Несмотря на сугубо социологический статус работ Сорокина, социолого-правовые аспекты концепции социокультурной динамики не нашли широкого отклика в американской социологии права. Даже ближайший коллега Сорокина Н. С. Тимашев отмечал, что проведенные им аналогии между флуктуациями в эволюции системы наказаний и динамикой культуры в целом «не вполне убедительны» [36]. В настоящее время некоторые западные исследователи указывают, что творчество Сорокина «остаётся за пределами господствующей тенденции современной социологической теории» [37]. Тем не менее в американской социологии сохраняется интерес к теоретическому наследию Сорокина [38].

В целом в работах Гурвича, Тимашева, Сорокина были сформулированы оригинальные социально-правовые концепции, которые занимают достойное место в истории социологии права. Труды этих ученых способствовали институционализации социологии права в период, когда это направление исследований было недостаточно развитым, в особенности в американской социологии. Однако непосредственное влияние данных концепций на современные направления французской и американской социологии права оказалось не столь значительным. С одной стороны, школа Петражицкого «рассеялась географически и распалась в институциональном смысле» [39]. С другой стороны, представители российской традиции продолжали поддерживать идею о роли социологического анализа в привнесении в право большей моральности и справедливости, что не нашло широкого отклика в западной социологии права. Дальнейшее развитие западной социологии права опиралось на иные теоретические источники. В связи с этим заслуживает внимания то, какое место отводится концепциям Петражицкого и его учеников в наиболее значительных обобщающих работах по социологии права современных западных исследователей.

Ж. Карбонье, характеризуя историю социологии права, рассматривает подходы Гурвича и Петражицкого [40], но не упоминает Тимашева и Сорокина. Но следует учитывать, что Карбонье в большей степени ориентируется на европейскую социологию права. Р. Коттерел в своей работе «Социология права» лишь однажды ссылается на труды Петражицкого и Тимашева [41], несколько больше внимания уделяет концепции Гурвича [42] и совсем не ссылается на работы Сорокина. Однако М. Дефлем в своем исследовании исторического развития и современного состояния социологии права посвящает отдельную главу идеям европейских теоретиков, в числе которых он выделяет Петражицкого, Гурвича, Тимашева, Сорокина, а также Е. Эрлиха и Т. Гейгера. Правда, Петражицкого и его учеников этот исследователь относит к «восточноевропейской» традиции в социологии права [43]. Разумеется, идеи Петражицкого принадлежат как российской, так и польской науке. Тем не менее концепция Петражицкого сложилась в российский период его научной деятельности, а Гурвич,

Тимашев и Сорокин также сформировались как ученые еще в России. По-видимому, более правомерно говорить о российской традиции в социологии права, получившей воплощение в трудах указанных социологов [44].

В целом теоретическая традиция, заложенная Петражицким и развитая Гурвичем, Тимашевым и Сорокиным, не стала классической в западной социологии права. В силу различных обстоятельств никто из учеников Петражицкого не создал собственную школу, и непосредственных последователей у этих социологов практически не было. Но следует учитывать тот факт, что в последние годы в социологии права наблюдается рост интереса к теоретическим истокам данной дисциплины. В связи с этим происходит определенная переоценка вклада различных социологов в ее формирование. Во всяком случае, сегодня невозможно игнорировать труды представителей российской традиции при всестороннем изучении истории социологии права.

Примечания

1. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 103–151.
2. Deflem M. *Sociology of law: Visions of a scholarly tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 93.
3. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. С. 544.
4. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. С. 251.
5. Петражицкий Л. И. Очерки философии права. Вып. 1. СПб., 1900. С. 30.
6. Clifford-Vaughan M., Scotford-Norton M. *Legal norms and social order: Petrazycki, Pareto, Durkheim* // *British Journal of Sociology*. 1967. № 2. P. 274.
7. Deflem M. *Op. cit.* P. 94.
8. Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 184.
9. Там же. С. 489.
10. Красовицкая Н. Социологическая школа права в России: Л. И. Петражицкий (1867–1931) // *Рубеж*. 1997. № 10–11. С. 27.
11. Кареев Н. И. Указ. соч. С. 146.
12. Спиридонов Л. И., Честнов И. Л. Петражицкий: жизнь и научное наследие // Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. С. 16–17.
13. Deflem M. *Op. cit.* P. 94.
14. Голенкова З. Т., Нарбут Н. П. История социологической мысли в странах Центральной и Восточной Европы: учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 115.
15. Kojder A. *Leon Petrzycki's socio-legal ideas and their contemporary continuation* // *Journal of Classical Sociology*. 2006. Vol. 6. № 3. P. 349–351.
16. Спиридонов Л. И., Честнов И. Л. Указ. соч. С. 17.
17. Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. С. 486.
18. McDonald P. *The legal sociology of Georges Gurvitch* // *Sociological perspectives on law* / ed. by R. Cotterrell. Aldershot: Ashgate, 2001. Vol. 1. P. 317.
19. Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. С. 113.
20. Гергилов П. Е. Теория и методология социологии Г. Д. Гурвича // *Социологические исследования*. 2008. № 4. С. 129.
21. Deflem M. *Op. cit.* P. 94.
22. Gurvitch G. *Sociology of law*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1947. P. 7.
23. *Ibid.* P. 54.
24. *Ibid.* P. 241.
25. Гофман А. Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 571.
26. Гергилов П. Е. Указ. соч. С. 136.
27. Cotterrell R. *Subverting orthodoxy, making law central: A view of sociolegal studies* // *Journal of Law and Society*. 2002. Vol. 29. № 4. P. 635.
28. Тимашев Н. С. Что такое социология права? // *Социологические исследования*. 2004. № 4. С. 110.
29. Тимашев Н. С. Указ. соч. С. 488.
30. Там же.
31. Тимашев Н. С. Что такое социология права? С. 109–110.
32. Deflem M. *Op. cit.* P. 94.
33. *Ibid.* P. 95.
34. McDonald P. *Op. cit.* P. 328–329.

35. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 494–499.
36. Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера. С. 486.
37. Рутцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. С. 76.
38. Johnston B. Introduction // Sorokin P. On the practice of sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. P. 49–51.
39. Deflem M. Op. cit. P. 82
40. Карбонье Ж. Указ. соч. С. 112–113.
41. Cotterrell R. Op. cit. P. 39.
42. Ibid. P. 302–303.
43. Deflem M. Op. cit. P. 78.
44. Масловская Е. В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. С. 34–48.

Notes

1. Kareev N. I. *Osnovy russkoy sotsiologii* [Fundamentals of the Russian sociology]. Saint-Petersburg. Publ. of Ivan Limbakh, 1996. Pp. 103–151.
2. Deflem M. *Sociology of law: Visions of a scholarly tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 93.
3. Petrazhitzky L. I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [The right and state theory in connection with the moral theory]. Saint-Petersburg: "Lan" Publ., 2000. P. 544.
4. Podguretsky A. *Ocherk sotsiologii prava* [Sketch about sociology of law]. Moscow: Progress, 1974. P. 251.
5. Petrazhitzky L. I. *Ocherki filosofii prava* [Legal philosophy sketches]. Is.1. Saint-Petersburg. 1900. P. 30.
6. Clifford Vaughan M., Scotford Norton M. Legal norms and social order: Petrazhitzky, Pareto, Durkheim // *British Journal of Sociology*. 1967, No. 2. P. 274.
7. Deflem M. Op. cit. P. 94.
8. Petrazhitzky L. I. Spec. work. P. 184.
9. In the same place. P. 489.
10. Krasovitskaya N. *Sotsiologicheskaya shkola prava v Rossii: L. I. Petrazhitzkiy (1867–1931)* [Sociological school of law in Russia: L. I. Petrazhitzky (1867–1931)] // *Rubezh -Boundary*. 1997, No. 10-11, p. 27.
11. Kareev N. I. Spec. work. P. 146.
12. Spiridonov L. I. Chestnov I. L. *Petrazhitzkiy: zhizn i nauchnoe nasledie // Petrazhitzkiy L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [Petrazhitzky: life and scientific heritage // Petrazhitzky L. I. The right and state theory in connection with the moral theory]. Saint-Petersburg: "Lan" Publ., 2000. Pp. 16-17.
13. Deflem M. Op. cit. P. 94.
14. Golenkova Z. T. Narbut N. P. *Istoriya sotsiologicheskoy myсли v stranah Tsentralnoy i Vostochnoy Evropy: ucheb. posobie* [History of sociological thought in the countries of the Central and Eastern Europe: tutorial]. Moscow: Publ. of RUDN, 2003. P. 115.
15. Kojder A. Leon Petrzycki's socio-legal ideas and their contemporary continuation // *Journal of Classical Sociology*. 2006, vol. 6. No. 3, pp. 349-351.
16. Spiridonov L. I. Chestnov I. L. Spec. work. P. 17.
17. Timashev N. S. *Razvitie sotsiologii prava i ee sfera* [Development of sociology of the law and its sphere] // Becker G., Boskov A. *Sovremennaya sotsiologicheskaya teoriya v ee preemstvennosti i izmenenii* [The modern sociological theory in its continuity and change]. Moscow: Publ. of foreign literature. 1961. P. 486.
18. McDonald P. The legal sociology of Georges Gurvitch // *Sociological perspectives on law* / ed. by R. Cotterrell. Aldershot: Ashgate, 2001. Vol. 1. P. 317.
19. Karbonye Zh. *Yuridicheskaya sotsiologiya* [Jural sociology]. Moscow: Progress, 1986. P. 113.
20. Gergilov R. E. *Teoriya i metodologiya sotsiologii G. D. Gurvicha* [Theory and methodology of sociology of G. D. Gurvich] // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological researches*. 2008, No. 4, p. 129.
21. Deflem M. Op. cit. P. 94.
22. Gurvitch G. *Sociology of law*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1947. P. 7.
23. Ibid. P. 54
24. Ibid. P. 241.
25. Hoffman A. B. *Klassicheskoe i sovremennoe: Etyudy po istorii i teorii sotsiologii* [Classic and modern: Etudes on stories and the sociology theory]. Moscow: Science, 2003. P. 571.
26. Gergilov R. E. Spec. work. P. 136.
27. Cotterrell R. Subverting orthodoxy, making law central: A view of sociolegal studies // *Journal of Law and Society*. 2002. Vol. 29. No. 4. P. 635.
28. Timashev N. S. *Chto takoe sotsiologiya prava?* [What is sociology of law?] // *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological researches*. 2004, No. 4, p. 110.
29. Timashev N. S. Spec. work. P. 488.
30. In the same place.

31. Timashev N. S. *Что takoe sotsiologiya prava?* [What is sociology of law?]. Pp. 109-110.
32. Deflem M. Op. cit. P. 94.
33. Ibid. P. 95
34. McDonald P. Op. cit. Pp. 328-329.
35. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obschestvo* [Chelovek. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. Pp. 494-499.
36. Timashev N. S. *Razvitie sotsiologii prava i ee sfera* [Development of sociology of the right and its sphere]. P. 486.
37. Rittser Dzh. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Modern sociological theories]. Saint-Petersburg: St. Petersburg, 2002. P. 76.
38. Johnston B. Introduction//Sorokin P. On the practice of sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1998. P. 49-51.
39. Deflem M. Op. cit. P. 82
40. Karbonye Zh. Spec. work. Pp. 112-113.
41. Cotterrell R. Op. cit. P. 39.
42. Ibid. Pp. 302-303.
43. Deflem M. Op. cit. P. 78.
44. Maslovskaya E. V. *Sotsiologicheskie teorii prava i analiz pravovyih institutov rossiyskogo obschestva* [Sociological theories of the law and analysis of legal institutes of the Russian Publ.society]. N. Novgorod: NISOT B, 2007. P. 34-48.

УДК 378

С. М. Окулов, Е. В. Разова

Знания или компетенции? («Ложится мгла на старые ступени» [1])

На основе сравнения Государственных образовательных стандартов второго и третьего поколений формулируется гипотеза об истинных причинах внедрения последних.

Методологической базой работы является классический системный анализ. Показано, что целостность системы, а высшее профессиональное образование есть сложнейшая система, нарушается. Схема нарушения целостности: перевод элементов системы в другое состояние с размытыми и неопределенными целевыми установками. Они функционируют по-другому и, в целом, система становится другой, решает другие задачи, обладает другими качествами и свойствами. Одним из приемов перевода является внедрение того, что называют «компетентностным подходом». Фактически, осуществлена замена четкой и ясной знаниевой парадигмы образования на совокупность утверждений, из которых логически завершенная система не выстраивается.

On the basis of comparison of the State educational standards of the second and the third generations a hypothesis about the true reasons for the introduction of the latter is formulated. The classic system analysis is the methodological basis of the work. It is shown that the integrity of the system (higher vocational education being a complex system) is disturbed. The scheme of the integrity violations: the system elements are transited into another state with vague and uncertain target installations. They function differently and, in general, the system becomes different, solves other problems, has other qualities and properties. One of the methods of transition is the introduction of what is called "the competency approach". In fact, a concise and clear knowledge paradigm of education is replaced with a set of statements, out of which a logically completed system is not built up.

Ключевые слова: образование, государственные образовательные стандарты, знания, компетенции.

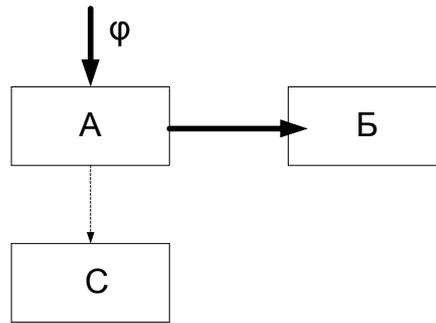
Keywords: education, state educational standards, knowledge, competences.

В высшем профессиональном образовании (ВПО) России фактически осуществлен переход на деятельность в соответствии с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) третьего поколения. Тем самым как бы считалось, что образование по Государственным образовательным стандартам (ГОС) второго поколения не отвечало

требованиям времени, а так как сейчас переход осуществлен (или почти полностью осуществлен), то оно стало отвечать.

Примечание первое, терминологическое. Стандарт – это документ, интегрирующий в себе новейшие результаты науки и практики в определенной области деятельности. Он обязан быть некоей планкой в своей области применения (думается, что не менее половины срока своего существования). Пересмотр стандарта – это сдвиг планки и сдвиг не директивный, а, опять же, на основе очередного витка развития.

Если рассматривать ВПО как систему, то предполагалось, что в результате воздействий φ система из состояния А перешла в состояние Б. При этом предполагается, что состояние Б единственное, что нет другого состояния С, в котором может оказаться система (см. рисунок).

Любая система [2], а ВПО – сложнейшая система, характеризуется своей целостностью, структурой (элементы системы и взаимосвязи между ними), связями управления (в нашем случае – это φ) и, наконец, развитием или деградацией. Другими словами, есть система, она функционирует определенным образом, на неё воздействуют некие управляющие сигналы, в результате чего система начинает функционировать неким другим образом. Она может функционировать или лучше, или хуже в соответствии с некоторыми критериями – целями. Но по логике: если управляющие воздействия и критерии задаются одним лицом, одной структурой, то мы никогда не сможем сказать, развивается или деградирует система – критерии всегда подгоняются под результат управляющих воздействий, и мы можем до бесконечности говорить о развитии. Продолжим еще чуть-чуть из классики системного анализа. Как изменить функционирование системы, как перевести её в другое состояние (мы не говорим – лучшее или худшее)? Решение известно. Требуется лишить систему устойчивости. В этом случае, как правило, существует несколько траекторий выхода. Ситуация с ВПО достаточно наглядна в этом смысле. ВПО как система переведена в эту область, область неустойчивости. Далее, утверждается, что она перейдет в состояние Б. Однако так ли это? Может быть, она перейдет в состояние С, о котором не говорится?

Примечание второе, ограничивающее область анализа. Характеризовать воздействия φ в полном объеме воздержимся. Заметим только, что они традиционны – сверху-вниз. Если раньше это было в приказном порядке от вышестоящих к нижестоящим, то сейчас эта схема не изменилась по сути, просто стала слегка изощреннее: оформить законодательно предполагаемые изменения; провести мероприятия по переводу исходной системы в неустойчивое состояние (в частности, дискредитировать её публично, выпячивая предполагаемые недостатки и не говоря о достоинствах) и продавливать, продавливать, продавливать. По большому счету, в обществе за последние 25 лет формировалась новая элита, естественно правящая (кто-то из мудрых говорил, что история есть кладбище элит). Она преследует свои цели и в рамках её целевых установок требуется то, что произойдет с системой А при как бы переходе в состояние Б.

Ключевыми моментами (выделим только два) деятельности системы в предполагаемом состоянии Б являются ее функционирование по уровневой схеме (бакалавр, магистр) вместо старой ступенчатой (по ГОС второго поколения) и, как бы сердцевина ФГОСов, компетентностный подход.

Примечание третье, как вопрос. Для переноса свойств, качеств одной системы на другую систему требуется выполнить определенные условия. Сколько условий выполняется

при пересадке сердца от одного человека другому? Одно из них – старое сердце не работает или плохо работает. Какие условия должны выполняться в данном случае?

О первом моменте – переходе на Болонскую схему ВПО – написано достаточно много, и если характеризовать кратко, то заимствована «обертка, без начинки». Поясним эту мысль.

Болонская декларация, во-первых, прописывает некую целостность, присущую любой системе, если она система. В чем заключается её целостность, один из её аспектов? Схематично: бакалавриат, магистратура и институт докторантуры (докторов философии или PhD – программ). Первый уровень, бакалавриата, дает основательные знания, добротные умения и навыки для профессиональной практической деятельности людей. Магистр – это уже другой уровень профессионализма, включающий в себя элементы творчества, но главное в этой схеме, она – магистратура, выявляет людей, способных к исследовательской деятельности. Именно эти люди, каждый в своей сфере деятельности, есть некий локомотив того, что называют «обществом знаний», базирующимся на достижениях современной науки. Действительно, можно сказать, что вся зарубежная научная элита «прошла» по этой схеме, правда, в настоящее время в эту элиту входят и выходцы ступенчатой системы, что говорит об определенной эквивалентности систем, но не будем отходить «от нити» изложения.

Схема переноса: бакалавриат, магистратуру берем, институт докторантуры нет. У нас есть свои институты: аспирантуры и докторантуры. Другими словами, получается не полный перенос, нет соответствия. При этом остались открытыми такие вопросы: чем отличается уровень бакалавриата от ступени среднепрофессионального образования, существовавшего ранее; в чем заключаются принципиальные отличия специалитета от магистратуры. Был ли сравнительный анализ?

Но дело не только в названиях. Болонская схема базируется на том, что такое есть университет. Точнее, без университета система не обладала бы той целостностью, которая её присуща. Если по существу, то университет есть не просто организация по выпуску людей с удостоверениями о полученном образовании, а структура, в которой синтезируется наука и образование в единое целое. Именно этот синтез основа института докторантуры. В России за последние годы количество университетов выросло на порядок. Добротные политехнические, педагогические институты стали университетами, что потребовало от них увеличения количества направлений подготовки. Бывшие политехнические институты начинают готовить филологов, юристов и т. д. Последствия очевидны. Планка диплома о высшем образовании, даже без учета последствий коммерциализации ВПО, понизилась. Отсюда следует и одно из управляющих воздействий по переводу системы из одного состояния в другое – формирование группы элитных университетов (государственные, федеральные, научно-исследовательские, их планируется порядка 100). Эти университеты обладают особым статусом, как по условиям финансирования, так и по требованиям к образовательному процессу (об этом чуть позднее). А остальные? Вопрос пока открытый.

Примечание четвертое, исторического плана. Один из авторов данной работы получил высшее образование в Нижегородском (тогда Горьковском) государственном университете им. Н. И. Лобачевского в 60-е гг. прошедшего века. Университет существовал не сам по себе. Он был синтезирован в единое целое горизонтальными связями с институтами прикладной математики, радиофизики, химии (они даже территориально находились рядом). Не формально – юридически, а тем, что сотрудники институтов являлись преподавателями (и учебная нагрузка преподавателей была разумная), и у студентов не было проблем с местами прохождения практики, с темами научных исследований и т. д. Фактически это был действительно университет, в том понимании, которое определяется Болонским соглашением.

Второй ключевой момент перевода системы из одного состояния в другое – это компетентностный подход – краеугольный камень ФГОС. Настораживает сам термин «подход», почему не компетентностный метод, система. Мы как бы не знаем как, но подходить к этому надо так-то и так. Но, с другой стороны, латинский глагол *competere* переводится как добиваться, соответствовать, подходить (подходить к подходу – это действительно сложно). На цепочке трансформации понятия «компетенция» из теории преподавания языка, управления, психологии в педагогику, так же как о логической нелепости ряда определений понятия

в педагогике мы останавливаться не будем [3]. Только если в примечании, в качестве иллюстрации.

Примечание пятое, иллюстрирующее и одновременно ограничивающее область рассмотрения. Ключевые компетенции, например, определяют как «адекватное проявление социальной жизни человека в современном обществе». Если адекватное, то кому, чему? Значит есть и асоциальная жизнь человека? А почему современного? Значит в несовременном обществе что-то, чему-то было не адекватно? Действительно, социализация есть процесс и результат усвоения человеком исторически выработанных социальных норм и культурных ценностей, но образование является только частью этого процесса социализации, не более. Взваливать на образование все и вся, связанное с процессами социализации, – непомерная ноша. С точки зрения системного анализа образование как система становится сверхоткрытым, оно перестает решать возложенные на него задачи, оно растворяется в окружающем и становится допустимым говорить все что угодно и связывать это с образованием. В. И. Даль определял образование как образование ума (интеллектуальное развитие человека) и образование нравственности (воспитание). Мы говорим в основном только о первой составляющей образования, понимая, что первое без второго есть в лучшем случае лишь половина. О второй – сверхсложно, ибо исходными логическими посылами здесь являются, во-первых, то, что нравственного человека может воспитывать только нравственный человек и, во-вторых, само понятие нравственности не есть нечто заданное, оно изменяется – то, что ранее было безнравственным, становится, опять же, в современном обществе, нравственным. Примеров тому не счесть. Таким образом, для решения второй задачи следует очертить, что есть нравственно и являемся ли мы, воспитатели, нравственными.

Оговоримся сразу. Будучи специалистами по преподаванию компьютерных наук, в своем дальнейшем анализе мы будем в основном опираться именно на сравнение подготовки по этому направлению. Но, так или иначе, первоначально мы обязаны задать некое исходное понимание компетенции.

Исходным положением этого подхода (оставим термин) является то, что для жизни конкретного индивида не столь важен объем, количество накопленных знаний, не столь важен ум (интеллектуальное развитие), сколь проявление, использование этих знаний, этого ума (компетенции). Другими словами, можно накопить, развить и не так много, но если ты хорошо применяешь, умело используешь то, что накопил, то у тебя уже есть определенные компетенции. Получается, что знания, ум как бы не исключаются, они есть необходимая компонента компетенции, последняя объемнее, ибо включает в себя нечто большее – деятельностьную составляющую. Далее обычно говорят о том, что овладение компетентностью требует «ментальной организованности, значительного интеллектуального развития, абстрактного мышления, саморефлексии, определения собственной позиции, самооценки, критического мышления» [4], считая тем самым, что знания определенной области деятельности, умения и навыки в ней требуют меньших аналогичных составляющих. Попытаемся осознать, насколько безобидна замена знаниево-содержательной парадигмы (она является основой ГОС) на компетентностный подход (ФГОС), что из неё следует и пути её реализации.

Примечание шестое, уточняющее. Практически понятие «компетенция» синтезирует в себе то, что называют знаниями, умениями и навыками (ЗУН) с деятельностным аспектом применения этих ЗУНов. Но это можно сделать только в том случае, если на время забыть то, как определяются умения в педагогике: это способность личности к эффективному выполнению определенной деятельности на основе имеющихся знаний в измененных или новых условиях. Забудем, но так или иначе, и в рекомендациях ЮНЕСКО, и в «Концепции модернизации российского образования» о компетентностях говорят как о деятельностных характеристиках человека. Отсюда следует, что для классификации человека, его компетенций необходима адекватная классификация деятельностей. Это понимание имеет философскую подоплеку, а именно, работы Г. П. Щедровицкого, направленные на построение некой теории, в которой деятельность рассматривается как первичная категория. В работе [5], в частности, говорится о том, что данные построения содержат определенные противоречия и брать их в качестве некой базы анализа следует достаточно осторожно.

В ГОС второго поколения и ранее задавались требования к обязательному минимуму содержания образования. Оценка освоения определялась традиционно (зачет, экзамен по пятибалльной системе и т. д.). Фактически каждая дисциплина определялась как ряд тем, знать которые было необходимо для освоения минимума. Отметим ряд особенностей. Во-первых, в стандартах была заложена определенная свобода (в рамках дисциплин по выбору, регионального компонента). Таким образом, вуз, кафедра с учетом своего потенциала могли усиливать направленность подготовки. Во-вторых, в то время никто не додумался до того, чтобы свыше задавать соотношение аудиторных часов и часов, отводимых на самостоятельную работу (они прописывались в целом), лекционной и практической составляющих курсов (в настоящее время учебные планы проверяются автоматизированными методами вышестоящими инстанциями вплоть до каждого конкретного часа). Не было сверхжестких ограничений на количество учебных часов в неделю и т. д. В-третьих, преподаватель считался личностью: ему доверяли оценивать знания, умения и навыки студентов по курсу; у преподавателя была возможность общаться со студентом в рамках консультаций, при руководстве выполнением курсовых (не 3 часа по современным требованиям) и квалификационных работ. Конечно, и в настоящем стандарте, сверхжестко это не задается, но ряд вузов, где исполнение всего и вся (инструкций, рекомендаций) принято за норму, доходят в своем рвении до полной регламентации любого действия преподавателя. Можно продолжить, но остановимся. Выделим главное. Любая жестко регламентированная система не содержит в себе не только потенциала развития, но и возможности сохранения себя как системы (детали изнашиваются, механизм ломается и все...). ГОС второго поколения содержал в себе то, что позволяло и развиваться, и, в частности, адаптироваться к требованиям внешней среды. В этом моменте следует сделать некую оговорку. С одной стороны (содержательно), ФГОС дает большую свободу, чем ГОС, но в организационном плане (нормативы времени и т. д.) загоняет в жесткие рамки и лишает такой свободы.

Может быть, такая схема подготовки была только у нас? Почему-то считается, что там всегда лучше, и нам, чтобы было лучше, надо заимствовать их опыт. Обратимся к компьютерным наукам и ретроспективно взглянем на то, что там. Примерно с 1968 г. в США разрабатываются типовые учебные планы для университетов по информатике. С 1988 г. Компьютерное сообщество Института инженеров по электротехнике и электронике (IEEE) и Ассоциация по вычислительной технике (ACM) создали специальную комиссию по учебным планам преподавания информатики с целью пересмотра существующих на тот момент руководств по составлению учебных планов для университетских программ по информатике. Комиссия, а состав её очень представительный – ведущие ученые и представители бизнеса, выполнила свою работу – рекомендации появились. Затем эти рекомендации пересматривались в начале этого века [6]. В настоящее время (2013 г.) появилась их очередная редакция. В частности, представлены программы бакалавриата по следующим направлениям подготовки: компьютерная инженерия, информационные системы, информационные технологии, разработка программного обеспечения.

Все редакции этих рекомендаций строились и строятся на знаниевой основе. Определяется совокупность знаний по информатике. Знаний в конкретных областях, в нашей интерпретации – дисциплинах учебного плана. Каждая область разбита на разделы (темы). Минимум задается как по областям (дисциплинам), так и по разделам каждой области (темам). Приводится перечень дополнительных областей, а в обязательных областях – перечень дополнительных тем. При этом у университета никто не отнимает право дополнять как области, так и темы, но минимум соблюдай. Естественно, что каждая программа бакалавриата содержит свои специфические области, но есть некое ядро, присущее всем программам. Как оцениваются знания? Именно на этой стадии в определенных университетах и могут «всплыть» компетенции, в зависимости от структурной организации учебного процесса, но и только. Компетенция в этом случае есть только совокупность ЗУН по определенной теме. Зная эти рекомендации, начиная с их версии на английском языке, можно сказать, что в них нет такого понятия, как «компетенция». В последней версии оно встречается, но только как один из инструментов оценки знаний. Также можно утверждать, что они по определенным параметрам родственны ГОС второго поколения. Во всяком случае, степень свободы системы обучения при соблюдении минимума в них не меньшая. Например, «комиссия не ставит своей задачей рекомендовать лекционный формат» [7]. При строгости рекомендаций в них закладываются и свободы, а значит и потенция к развитию системы обучения.

Обратимся к ФГОС третьего поколения. Нет содержания образования, нет знаний, есть результаты освоения основных образовательных программ (ООП), выраженных в форме компетенций. Компетенции делятся на два класса: общекультурные и профессиональные. Первые определяют с точки зрения разработчиков некий общекультурный уровень человека с дипломом. Возьмем в качестве примера одну из компетенций (ОК-3): «понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; роль насилия и ненасилия в истории, место человека в историческом процессе, политической организации общества». Простите, но даже К. Маркс посвятил всю свою жизнь выявлению закономерностей и поиску движущих сил. Он их нашел? Или этим нам навязывается традиционная схема смены общественных формаций (в классическом понимании последней)? Даже однозначного ответа на вопрос, а возможно ли ненасилие без насилия, дать нельзя. Другими словами, данная компетенция есть не что иное, как общий лозунг, и под этот лозунг можно подвести все что угодно, любую теорию, любое обоснование, вплоть до необходимости геноцида. Конечно, есть ООП. Но можно взять любую ООП и логически доказать, что она не формирует эту компетенцию или другую, а в данном случае, что понимание движущих сил и закономерностей исторического процесса ложно или не соответствует действительности. Речь никоим образом не идет об отрицании того, что человек с дипломом должен обладать определенной культурой. И. А. Ильин писал: «Образование само по себе есть дело памяти, смекалки и практических умений в отрыве от духа, совести, веры и характера. Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его...». Это, конечно, несколько абсолютизированный взгляд, у В. И. Даля короче и четче, но гуманитарная составляющая образования должна быть очень сильной и состоять, прежде всего, из философии как науки по осмыслению мира и человека в этом мире.

***Примечание седьмое, уточняющее.** Общекультурные компетенции (они практически одинаковы для всех направлений подготовки) определены в ФГОС, задано то, что называется ООП, но количество часов, выделяемых на формирование компетенций, на прохождение ООП по их формированию, значительно меньше, чем в ГОС второго поколения.*

С профессиональными компетенциями (ПК) дело обстоит еще более интересно. Очевидно, что определить их перечень – неподъемная задача (ПК по каждому направлению). Выход один – задать некие общие ориентиры в виде набора лозунгов и набросать примерные образовательные программы по их формированию. А дальше, дальше пусть сами вузы на основании этих директивных документов разрабатывают ООП и доказывают, что эти компетенции-лозунги формируются. Итак, вместо детального описания знаний, как, например, в рекомендациях по преподаванию компьютерных наук для американских университетов, в стандарте закладываются некие цели-призывы к тому, что должно быть. Если опять же говорить о рекомендациях, то они задают досконально продуманные и спроектированные объемы знаний. Конкретные программы формируются на их базе и зависят от направления подготовки. Доказательством достижения этих компетенций в вузах занимаются по-разному, в зависимости от того, насколько они подвержены ряду современных педагогических мифов. Очертим самый крайний случай. Известно, что каждый «руководящий» документ у нас сопровождается значительным количеством инструкций, рекомендаций и т. д. Крайний случай – это беспрекословное исполнение всего и вся. Тогда ООП сопровождается еще рядом документов, разработкой которых уже должен заниматься преподаватель (дошли и до его уровня, правда и ООП фактически разрабатывает преподаватель). Одним из них является учебно-методический комплекс (УМК) по каждой дисциплине. Крайность в данном случае состоит в том, что в УМК преподаватель обязан расписать свои действия и на лекциях, и на практике, вплоть до минуты. Минута – это, разумеется, легкое утрирование для обозначения крайности, но суть именно в этом. Можно продолжить. Например, чего стоит очередной «зверь» под названием паспорт компетенции, в котором должно быть прописано все о том, как формируется каждая компетенция на протяжении всех четырех лет обучения (на каких дисциплинах, какими методами, в рамках каких внеаудиторных, воспитательных мероприятий). Но вернемся к ФГОС.

***Примечание восьмое, о педагогических мифах.** Коротко очертим только один из них. Это миф о всеилии методике и технических средств обучения. Считается, что если разработать хорошую методику и дать ее преподавателю, то результат обучения гарантирован.*

Проведем сравнение, чтобы показать нелепость этого утверждения. Есть конвейер по вытаскиванию сложной болванки, все действия известны заранее и запрограммированы. Есть люди, выполняющие эти действия. Перенесем образ на нашу ситуацию. Есть ли отличия? Вторая часть мифа заключается в утверждении о том, что если все школы, вузы оснастить по последнему слову техники, то качество обучения поднимется значительно, если не на порядок. Отзвуки этого мифа можно услышать на самом различном уровне. Каждой школе Интернет или для наших студентов зарубежные профессора будут читать курсы в режиме онлайн и т. д. Да нет, никто не против оснащения, но «каждый сверчок знай свой шесток». Корни мифа в одном. На обучение смотрят как на процесс передачи информации (как бы ни разукрашивали эту суть различной понятийной «кашей»). Если так, то действительно, преподаватель есть источник информации, школьник, студент приемник информации. Круг замкнулся. Преподавателя можно заменить, преподавателя можно «не кормить»... Об интеллектуальном развитии (по В. И. Далю) – а это что за «зверь»? На языке философии можно сказать, что мировоззрение, восприятие мира и человека в этом мире, у апологетов этих установок, зафиксировалось на уровне простейшего механицизма, а отсюда и мифология. Впрочем, это относится уже и не только к педагогике. Мифы о светлом будущем опять стали в моде.

В связи с внедрением ФГОС возникают и еще вопросы. Например, как проводить процедуры аккредитации и аттестации? Как проверять, есть или нет у человека, претендующего на диплом, эти компетенции, сформированы они или нет? Что является измерительной шкалой в этом случае? Очевидно, что если они и могут быть разрешимы, то только весьма специфическим образом. Грозятся ввести некий тест на профпригодность – типа, бакалавр ты или нет. Но будем надеяться, что до такой крайности ситуация не дойдет. Еще вопрос, как по новым стандартам вводить новые профили подготовки? Так, в компьютерных науках эти профили просто необходимы, ибо идет сверхбыстрое развитие этой области деятельности человека. Как соотносить эти профили с тем десятком-другим лозунгов? Или задавать новые лозунги? Но это же стандарт, какое-то время он должен быть неизменным.

Но есть еще один момент, связанный с внедрением ФГОС. Стандарты федеральные, но элитные университеты (о них мы говорили выше) могут самостоятельно устанавливать образовательные стандарты, правда, с оговоркой, что требования самостоятельно устанавливаемых стандартов не могут быть ниже требований ФГОС. Скажем просто, вы можете учить тому, что считаете нужным, вам виднее, но пропишите при этом, что те лозунги-компетенции достигнуты – и все. Как достигнуты? Да опять же просто, усвоены определенные ЗУНы и только, другой шкалы, шкалы для компетенций, в обозримом будущем не предвидится (формальные отписки по этому поводу рассматривать не будем). И кто будет создавать эти самостоятельные стандарты – да выпускающие кафедры элитных университетов...

Изложение материала работы (и стиль, вероятно) наводит на мысль о том, что она носит некий «ругательный» характер по отношению к разработчикам ФГОС (мы тут такие хорошие, а они вот такие «плохиши»). Нет, ни в коем случае. Безусловно, что они умные и образованные представители рода человеческого, если говорить о конкретных лицах (что мы, кстати, и не делали). Внедрение ФГОС, несмотря на их явную ущербность, которую мы пытались раскрыть, носит вполне конкретную цель. Систему А (см. рисунок) следует вывести из состояния равновесия, и разработчики ФГОС её решают. Заметим, что это только один из моментов вывода ВПО из устойчивого состояния. Далее обозначается цель, то состояние Б, в котором система должна находиться, но это не истинное состояние, оно как бы некая футурологическая установка для всех. Именно эту «картинку» определяет ФГОС. Истинное состояние есть С (см. рисунок), о котором ничего не говорится, но именно это состояние устраивает элиту (см. второе примечание).

Примечание девятое, и последнее. *Что будет с ФГОС? Спрогнозировать нетрудно. Начнется очередная итерация по их уточнению, модификации и т. д., сопровождаемая бесконечной вереницей бумаг ни о чем.*

Прогнозировать особенности системы в состоянии С достаточно сложно. В целом, определенные варианты и последствия просчитываются, но это уже предмет отдельного обсуждения. Скажем только, что это будут образовательные структуры для всех, сконструированные

по бизнес-схемам, и образовательные структуры для избранных. «Все животные равны, но некоторые равнее других!» (Дж. Оруэлл. Ферма животных.) С одной стороны, это было всегда, а с другой – избранные есть тогда, когда есть неизбранные. А в том случае, когда последних нет или они сведены до нижайшего уровня, то не будет и избранных. По-другому, элите требуется лишь минимальный, с их точки зрения, уровень интеллектуального потенциала среды. Во-первых, опасно, если она будет излишне интеллектуальна, и, во-вторых, затраты по её поддержке и развитию несколько ущемляют потребности элиты.

Примечания

1. «Ложится мгла на старые ступени» – название романа А. П. Чудакова о том, какую культуру деятельности во всем, включая и воспитание, и работу сапожника, потеряла Россия в XX в.
2. Окулов С. М. Системно-деятельностный анализ предмета информатики. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.
3. Окулов С. М. Философско-poleмические заметки о компетенциях и не только... // Вестник ВятГГУ. Философия и социология; культурология. 2012. № 1(4).
4. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006.
5. Окулов С. М. Системно-деятельностный анализ предмета информатики...
6. Рекомендации по преподаванию информатики в университетах. СПб., 2002.
7. Там же.

Notes

1. «Lozhitsya mгла na staryie stupeni» ["The haze lies down on old steps"] – the name of the novel of A. P. Chudakov about what culture of activity in everything, including both education, and work of the shoemaker, Russia in the XX century lost.
2. Okulov S. M. *Sistemno deyatelnostnyiy analiz predmeta informatiki* [Systemic-activity analysis of a subject of informatics]. Kirov: JSC Raduga-PRESS Publ., 2013.
3. Okulov S. M. *Filosofsko polemicheskie zametki o kompetentsiyah i ne tolko...* [Philosophic-polemic notes about competences and not only...] // *Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU*. Philosophy and sociology; cultural science. 2012, No. 1(4).
4. Selevko G. K. *Entsiklopediya obrazovatelnyih tehnologiy* [Encyclopedia of educational technologies]. Vol. 1. Moscow: Scientific research institute of school technologies, 2006.
5. Okulov S. M. *Sistemno deyatelnostnyiy analiz predmeta informatiki...*[Systemic-activity analysis of a subject of informatics...]
6. *Rekomendatsii po prepodavaniiyu informatiki v universitetah* [Recommendations about informatics teaching at universities. Saint-Petersburg]. 2002.
7. In the same place.

УДК 812

Л. Г. Подлевских

К формированию исторической эпистемологии

Развитие гуманитарных наук в России подвергается сильному внешнему воздействию. Примером может являться влияние постмодернистских воззрений. Отечественную гуманитаристику можно трактовать в качестве исторически ориентированной. Но именно историческое познание постмодернистской критикой выводится за рамки научности. В качестве одного из путей преодоления кризисного состояния предлагается создание исторической эпистемологии как одной из ведущих сфер исторического знания.

The development of humanities is undergoing an outside. The sphere of the postmodernism influence was particular intense. The historical thought is one of the most important part of the russian humanities. But postmodern historical knowledge is often considered as unscientific. In the making of the historical epistemology may be solved the problem of scientific character of historical knowledge as part of the humanities.

Ключевые слова: гуманитаристика, научное знание, постмодернизм, научный способ постановки проблем.

Keywords: humanities, science, postmodernism, scientific way of the putting the question.

Современная российская гуманитарная мысль на протяжении второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. находилась в состоянии перехода на качественно новый уровень развития. Такое положение в гуманитаристике определялось двумя обстоятельствами. Во-первых, существовала объективная необходимость отхода от тех устаревших и не действовавших стереотипов в теоретическом мышлении и в исследовательской практике, которые утвердились на протяжении 1920–1980-х гг. Во-вторых, после исчезновения «железного занавеса» развитие гуманитарной мысли испытало мощное воздействие современных идейных течений, среди которых на первое место можно поставить постмодернизм.

Новые подходы к познанию мира, к восприятию реальности заявили о себе в гуманитарной мысли и искусстве в последней четверти XX в. Вследствие идеологической замкнутости влияние постмодернизма в отечественной науке становится заметным только с начала, а определяющим – с середины 1990-х гг. До этого рубежа весьма немногие исследователи могли судить о значимости постмодернистских взглядов для развития теории исторического познания. В конце 1980-х гг. лишь М. А. Барг воспринимал постмодернизм в качестве историографической революции [1].

На исходе первого десятилетия XXI в. уже есть основания судить о том, что подход к познанию истории с постмодернистских позиций позволил существенно расширить круг методов. Появилась возможность обратиться к совершенно иным способам исследования, нежели это было ранее. Больше внимание стало уделяться языковым особенностям работы историка. Вслед за западной мыслью, в отечественной исторической науке произошел лингвистический поворот и многие другие «повороты». Весьма существенное влияние на трансформацию теории исторического познания оказали работы тех авторов, которые были написаны именно в русле постмодернизма. Оригиналы, изданные на протяжении 1960–1980-х гг., в отечественной гуманитаристике стали известны с конца 1990-х гг. [2]

Но постмодернизм привел и к своеобразной «переоценке ценностей». Постмодернистское отношение к познанию заставило усомниться в справедливости представлений о существовании исторической реальности. Возникло сомнение в правильности представлений о природе исторического источника и в самом объекте исторического исследования.

Весомое место в историческом труде стало занимать субъективное «Я» самого историка. Большое значение для исследователя приобрел фактор использования профессионального языка, мышления познающего субъекта. В большей степени, чем в прежние периоды развития исторического познания, стал подвергаться изучению труд исследователя, его мышление, факторы, воздействующие на субъективность, факторы, воздействовавшие на создание исторического источника, факторы, которые заставляют определенным образом прочитывать тексты. В отечественной гуманитарной мысли быстро отреагировали на данные явления. Так, уже в 1994 г. вышел труд «К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли», в котором были сформулированы новые тенденции развития исторической науки [3].

Применив подход, который был создан В. С. Степиным для периодизации развития научного знания в целом, Н. М. Дорошенко время с конца 1990-х гг. и начало 2000-х гг. стала называть постнеклассическим. Его главную особенность исследователь видит в формировании новых подходов к историческому познанию. Мнение Н. М. Дорошенко подтверждается использованием новых подходов, например, объединением системного подхода с вероятностным, эволюционного – с бифуркационным. В теории исторической науки подошли к созданию исторической синергетики и синергетического стиля мышления. Был создан целый ряд моделей исторического процесса. Новым в них было, в частности, употребление понятий из других отраслей знания. К ним можно отнести следующие: «катастрофа», «взрыв», «бифуркация», «флуктуация», «социальное равновесие» и «неравновесие», «самоорганизация».

Постмодернистский вызов теории исторического познания в развитии отечественной гуманитаристики совпал с переходом на новую систему профессионального образования. Одной из основных ветвей современного гуманитарного образования в России является образование историческое. Теория истории является отдельным компонентом в структуре

отечественной исторической, и, в целом, гуманитарной мысли. Такое значение историческое познание получило с конца XIX – начала XX в. Стремление к теоретизации в отечественной мысли получило большое развитие с самого начала оформления истории в качестве научного знания. Яркие свидетельства этому остались в мемуарах. Сохранилось, например, воспоминание Н. И. Кареева о том, что один из его учителей тех исследователей, которые не придавали значения теоретической работе, называл «крохоборами» [4]. Творчество Н. И. Кареева характеризуется именно стремлением к теоретическим обобщениям [5]. Собственный подход к пониманию теоретических проблем исторического познания был выработан А. С. Лаппо-Данилевским [6]. Важным является его эпистемологический подход, который вообрал в себя сочетание некоторых неокантианских представлений с оригинальными конструкциями, близкими к феноменологии Э. Гуссерля. В начале 2000-х гг. творчество А. С. Лаппо-Данилевского стало объектом внимания коллектива авторов, чьи работы вышли в сборниках в 2003 и 2005 гг. [7] Теории исторического познания были посвящены работы Р. Ю. Виппера [8]. Собственный взгляд на сферу гуманитарного знания был выработан в трудах Г. Г. Шпета [9]. Исторический подход обосновывался в трудах В. С. Соловьева, что в настоящее время также является объектом исследовательского внимания [10].

Способность к творческому переосмыслению при собственном стиле мышления, не скопированном с западных лекал, понимание необходимости философского осмысления проблем исторического познания – все это приводило к формированию оригинальных концепций.

При сопоставлении с тем периодом развития теория исторического познания находится в более сложном положении. В состоянии ли она ответить на вызов времени? Для того чтобы ответить на такой вызов, теория исторического познания должна содержать интегративное, активно-деятельностное, ценностно-мотивационное, диспозиционное, адаптивно-ситуационное начала. С этой целью необходимо объединить прежние подходы для перехода на качественно иной уровень – на уровень формирования исторической эпистемологии. Разница не только в словах, хотя формирование адекватно отражающего специфику современной гносеологии понятийно-категориального аппарата является одним из необходимых условий выхода из кризиса.

В историческом познании новым, возникшим в конце 1990-х гг., стало лингвистическое исследовательское направление. Интенсивно применяется синергетический подход. Но это не повлекло за собой устранение симптомов кризисной ситуации. Напротив, постмодернистские установки привели к общеупотребительности утверждений о полном отсутствии научности в истории. Кризис, который властно заявил о себе в начале 1990-х гг., не был преодолен на протяжении начала 2000-х гг. И на исходе первого десятилетия XXI в. И. А. Гобозов, характеризуя современную ситуацию в данной сфере научного знания, основой своих рассуждений сделал именно постмодернизм и его воздействие на углубление кризиса в общественности [11].

Периодические кризисы можно считать естественным и необходимым проявлением переходных периодов в развитии науки. При поисках выхода из таких состояний возможным становится появление нового качества. Но вспомним, что высокий уровень именно теоретической работы являлся весьма яркой чертой дореволюционной отечественной историографии. Поэтому выход, возможно, необходимо искать в реструктурировании исторического знания как важной и необходимой сферы гуманитарного образования. Ярким проявлением кризиса гуманитарной научной мысли стало постепенное размывание теоретических основ исторической науки. Л. П. Репина, в частности, считает, что основной вызов постмодернизма истории направлен против сложившихся представлений об исторической реальности и, следовательно, об объекте исторического познания, которые выступают в новом толковании не как нечто внешнее познающему субъекту, а как нечто такое, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Именно в этом вызове Л. П. Репина видит причину, почему многие историки встретили т. н. «наступление постмодернистов» враждебно [12].

Итак, восприятие исследователями новых тенденций в развитии мировой исторической науки (лингвистический поворот, синергетический подход) не приводит к желаемому синтезу. В понимании важности гуманитаристики Россия наиболее сходится с многими иностранными системами образования, что особо отмечалось Б. П. Дементьевым в 2008 г. [13] Необходимо обоснование научности самого исторического знания, формулирование комплекса критериев научности. Развитие исторической эпистемологии можно представить в

качестве одного из основных исследовательских направлений. Только при постановке эпистемологических проблем в качестве первостепенных, в формировании исторической эпистемологии в качестве самостоятельной сферы теоретического мышления возможен выход из кризиса.

Примечания

1. Барг М. А. Индивид-общество-история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45.
2. Ankersmit F. R. Narrative logic: A semantic analysis of the historian's language. The Hague etc., 1983; Ankersmit F. R. The reality effect in the writing of history; the dynamics of historiographical topology. Amsterdam, 1989; Ankersmit F. Statements, texts and pictures // A new philosophy of history / ed. by F. Ankersmit and H. Kellner. Univ. of Chicago press, 1995. P. 212–240; Анкерсмит Ф. Р. Введение. Трансцендентализм и возвышение, падение метафоры // Философские науки. 2001. № 1. С. 67–90; Анкерсмит Ф. Р. Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 142–163; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003; Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
3. К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли: сб. науч. тр. / под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск, 1994.
4. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 249.
5. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса: в 2 т. Т. 1: Сущность и задачи философии истории. М., 1883; Он же. Моим критикам: Защита книги «Основные вопросы философии истории». Варшава, 1884; Он же. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса: в 2 т. Изд. 2.. СПб., 1887; Он же. Основные вопросы философии истории. Т. 3: Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890; Он же. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб., 1905; Он же. История с философской точки зрения // Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1912; Он же. Философия истории в русской литературе // Собр. соч. Т. 2. СПб., 1912; Он же. Теория исторического знания. СПб., 1913; Он же. Историология (Теория исторического процесса). Пг., 1915; Он же. Историка (Теория исторического знания). Изд. 2. Пг., 1916.
6. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1910; Ч. 2. СПб., 1913; Он же. Главнейшие направления в развитии номотетического построения исторического знания // Журнал Министерства народного просвещения. 1917; Он же. Методология истории. Пг., 1918; Он же. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Известия Российской академии наук. 1918. Сер. VI. № 5; 7; 9; 11; 13.
7. Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. Чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. I. СПб., 2003; Фигуры истории, или «Общие места историографии». Вторые чтения по теории, методологии и философии истории. СПб., 2005.
8. Винпер Р. Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911; Он же. Кризис исторической науки. Казань, 1921.
9. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования: в 2 ч. М., 2002.
10. См., например: Гайденок П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 60–68.
11. Гобозов И. А. Постмодернизм и историческое познание // Проблемы исторического познания: сб. ст. М., 2008. С. 95.
12. Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 25–26.
13. Дементьев Б. П. Система высшего социально-гуманитарного образования в России и мире // Университет в системе непрерывного образования: материалы Междунар. науч.-метод. конф. / редкол.: В. В. Маланин и др. Пермь, 2008. С. 15.

Notes

1. Barg M. A. *Individ-obschestvo-istoriya* [Individual-society-history] // *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and contemporary history*. 1989. No. 2, p. 45.
2. Ankersmit F. R. Narrative logic: A semantic analysis of the historian's language. The Hague etc. 1983; Ankersmit F. R. The reality effect in the writing of history; dynamics of historiographical topology. Amsterdam, 1989; Ankersmit F. Statements, texts and pictures // A new philosophy of history / ed. by F. Ankersmit and H. Kellner. Univ. of Chicago press, 1995. Pp. 212–240; Ankersmit F. R. *Vvedeniye. Transtsendentalizm i vozvyshenie, padenie metaforyi* [Introduction. Transtsendentalizm and eminence, metaphor falling] // *Filosofskie nauki – Philosophical sciences*. 2001. No 1, pp. 67–90; Ankersmit F. R. *Istoriografiya i postmodernizm* [Hystoriography and postmodernism] // *Sovremennyye metodyi prepodavaniya noveyshey istorii – Modern*

methods of teaching of the contemporary history. Moscow, 1996, pp 142–163; Ankersmit F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metaforyi* [History and tropologiya: take-off and metaphor falling]. Moscow, 2003; Ankersmit F. R. *Vozvyshennyiy istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow, 2007.

3. *K novomu ponimaniyu cheloveka v istorii. Ocherki razvitiya sovremennoy zapadnoy istoricheskoy myсли: sb. nauch. tr.* [To the new understanding of the person in the history. Sketches of development of modern western historical thought: coll. of sci. works] / under the editorship of B. G. Mogilnitsky. Tomsk, 1994.

4. Kareev N. I. *Prozhitoe i perezhitoe* [Lived and endured]. L. 1990. P. 249.

5. Kareev N. I. *Osnovnyie voprosyi filosofii istorii. Kritika istoriosoficheskikh idey i opyt nauchnoy teorii istoricheskogo progressa* [Main questions of philosophy of history. Criticism istoriosoficheskikh of ideas and experience of the scientific theory of historical progress]: in 2 vol. Vol. 1: *Suschnost i zadachi filosofii istorii* [Essence and problems of philosophy of history]. Moscow, 1883; The same author. *Moim kritikam: Zashchita knigi «Osnovnyie voprosyi filosofii istorii»* [To my critics: Protection of the book "Main Questions of Philosophy of History"]. Warsaw, 1884; The same author. *Osnovnyie voprosyi filosofii istorii. T. 3: Suschnost istoricheskogo protsessa i rol lichnosti v istorii* [Main questions of philosophy of history. Criticism istoriosoficheskikh of ideas and experience of the scientific theory of historical progress]: in 2 vol. Publ.2. Saint-Petersburg. 1887; The same author. *Osnovnyie voprosyi filosofii istorii. T. 3: Suschnost istoricheskogo protsessa i rol lichnosti v istorii* [Main questions of philosophy of history. Vol. 3]. Saint-Petersburg. 1890; The same author. *Tipologicheskaya i vsemirno istoricheskaya tochki zreniya v izuchenii istorii* [Typological and world-wide historical points of view in history studying]. Saint-Peterbbur. 1905; The same author. *Istoriya s filosoficheskoy tochki zreniya* [History from the philosophic point of view]//Collected works. Vol. I. Saint-Petersburg. 1912; The same author. *Filosofiya istorii v russkoy literature* [History philosophy in the Russian literature]//Coll. works. Vol. 2. Saint-Petersburg. 1912; The same author. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]. Saint-Petersburg. 1913; The same author. *Istoriologiya (Teoriya istoricheskogo protsessa)*. [Historology (Theory of historical process)]. 1915; The same author. *Istorika (Teoriya istoricheskogo znaniya)* [Historia (Theory of historical knowledge)]. Publ. 2. 1916.

6. Lappo-Danilevsky A. S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]: in 2 p. P.1. Saint-Petersburg. 1910; P. 2. Saint-Petersburg. 1913; The same author. *Glavneyshie napravleniya v razvitiu nomoteticheskogo postroeniya istoricheskogo znaniya* [The major directions in development of nomoteticheskoy creation of historical knowledge]//*Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvetsheniya – The Magazine of the Ministry of national education*. 1917; The same author. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. 1918; The same author. *Osnovnyie printsipy istoricheskogo znaniya v glavneyshih ego napravleniyah: nomoteticheskom i idiograficheskom* [The basic principles of historical knowledge in its major directions: nomothetic and ideographic]// *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk – News of the Russian Academy of Sciences*. 1918. Mid. VI. No. 5; 7; 9; 11; 13.

7. *Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX veka: K 140 letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. S. Lappo Danilevskogo. Chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii* [Historical science and history methodology in Russia the XX century: To the 140th anniversary since the birth of the academician A.S. Lappo-Danilevsky. Readings according to the theory, methodology and history philosophy]. Is. I. Saint-Petersburg. 2003; *Figuryi istorii, ili «Obschie mesta istoriografii»*. *Vtoryie chteniya po teorii, metodologii i filosofii istorii* [History Figures, or "Historiography platitudes". The second readings according to the theory, methodology and history philosophy]. Saint-Petersburg. 2005.

8. Vipper R. Yu. *Ocherki teorii istoricheskogo poznaniya* [Sketches of the theory of historical knowledge]. Moscow, 1911; The same author. *Krizis istoricheskoy nauki* [Crisis of historical science]. Kazan, 1921.

9. Shpet G. G. *Istoriya kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya: v 2 ch.* [History as logic problem: Critical and methodological researches: in 2 parts]. Moscow, 2002.

10. See, for example: Gaydenko P. P. *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and philosophy of the Silver age]. Moscow, 2001. Pp. 60–68.

11. Gobozov I. A. *Postmodernizm i istoricheskoe poznanie* [Postmodernizm and historical knowledge]// *Problemy istoricheskogo poznaniya – Problems of historical knowledge: coll. of articles*, Moscow, 2008, p. 95.

12. Repina L. P. *Vyzov postmodernizma i perspektivy novoy kulturnoy i intellektualnoy istorii* [Challenge of a postmodernizm and prospect of modern cultural and intellectual history]// *Odissey. Chelovek v istorii – Odisseys. Person in the history*. 1996. Moscow, 1996, pp. 25–26.

13. Dementiev B. P. [System of the higher socially arts education in Russia and the world] *Sistema vysshego sotsialno gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii i mire* // University in system of continuous education: materials of International scientific-methodological conf. / ed.: V. V. Malanin, etc. Perm, 2008, p. 15.

Философские аспекты эволюции физической формы материи

В статье рассмотрена проблема перехода от абстрактно-всеобщей диалектики к конкретно-всеобщей теории развития. Подчеркивается, что Единый закономерный мировой процесс развития является основой для конкретно-всеобщей теории развития.

Затронута проблема развития физической формы материи. Анализируется проблема космологической сингулярности, рождения мира из «Ничего» и роль темной материи. Выявлено, что эволюционный потенциал развития Вселенной отражен в следующих законах: в законе Эйнштейна о связи массы и энергии в аспекте развития физической формы материи, в законе физического вакуума, а также в эволюционирующем гравитационном поле. Указано, что эволюционное содержание этих законов проявляет себя только при учете включенности этой зависимости в общий процесс эволюции Вселенной.

In this article the problem of conversion of abstract-common dialectics to concrete-common theory of development is considered. It is emphasized that the Unique well-formed global process of development is the basis for the concrete-common theory of development. The problem of development of the physical form of matter is touched upon. The problems of cosmological singularity, birth of Universe from the nothing and the part of the dark matter are analyzed. It is revealed that the evolutionary potential of the Universe development is described in consequent laws:

- 1) Einstein law of mass-energy equivalence in the aspect of physical form of matter;
- 2) physical vacuum law;
- 3) evolving gravity field.

It is specified that evolutionary content of these laws appears only when inclusion of this interdependence in the general process of universal evolution is taken into account.

Ключевые слова: развитие, физическая форма материи, космология, сингулярность, вакуум, темная материя.

Keywords: development, physical form of matter, cosmology, singularity, vacuum, the dark matter.

Уровень изучения природы и общества в современном мире требует от философии перехода от абстрактно-всеобщей диалектики, доказавшей, что развитие во всем мире осуществляется по одним и тем же диалектическим законам, к конкретно-всеобщей теории развития. Такая теория должна включать в себя не только знание абстрактно-всеобщих законов, но и знания об *особенном*, о конкретных этапах всего мирового процесса.

В свою очередь частные науки, предметом которых является особенное, не могут во всей полноте решить собственные проблемы, не прибегая к помощи философской теории. Таким образом, философия – это наука не только о всеобщем, но и в существенной мере об особенном. Теория, которая включила в себя особенное, называется в философии конкретно-всеобщей.

Более сорока лет конкретно-всеобщий подход разрабатывается кафедрой философии Пермского государственного национального исследовательского университета. Современная версия научной философии была разработана Пермской философской школой под руководством В. В. Орлова [1].

Как отмечает В. В. Орлов, «центральным понятием конкретно-всеобщей теории развития выступает понятие *единого закономерного мирового процесса* развития, или бесконечной закономерной последовательности основных форм материи, выступающих в качестве основных ступеней развития материи» [2]. Данная теория основывается не на абстрактных понятиях материи, развития всеобщего, а, включая в себя абстрактно-всеобщую теорию, рассматривает конкретные этапы мирового процесса, основные формы материи, из которых в настоящее время известны четыре: физическая, химическая, биологическая и социальная.

В конкретно-всеобщей теории сохраняются все ранее введенные понятия абстрактной диалектики, такие как развитие, связь, противоречия и другие. Эти понятия применяются к

объяснению реального мирового процесса и приходят в систему на основе стержневой идеи *единого закономерного мирового процесса*.

Нередко проблема развития в частных науках сводится к поиску специальных законов, которые могли бы непосредственно управлять различными формами материи (физической, химической, биологической, социальной). Но такие законы, ни в физике, ни в химии или любой другой науке не найдены. На данном этапе развития науки существуют альтернативные точки зрения.

В частности, по мнению А. Н. Коблова [3], развитие физической реальности идет от низшего к высшему с необходимостью, философские законы развития физики еще не открыты, но, возможно, появятся.

Иной подход предложен Т. С. Васильевой [4]. С ее точки зрения, все законы частных наук выступают на скрытом уровне в качестве законов развития. В законах физики, химии и биологии содержится скрытый уровень, представляющий собой *эволюционное содержание* этих законов.

«...Если законы диалектики являются непосредственно законами развития, определяющими смену ступеней развития, то законы частных областей, возможно, не являются непосредственно продвигающими законами, однако они имеют скрытое эволюционное содержание» [5]. Далее, Т. С. Васильева отмечает: «Эволюционное содержание периодического закона может быть обнаружено только при учете включенности этой периодической зависимости в общий процесс химической эволюции элементов и их соединений. Вопрос об эволюционном содержании периодического закона, таким образом, оказывается необходимо связанным с вопросом об отношении его к химическим элементам как к особенным. Детерминирует ли периодический закон химические элементы как особенные или является безразличным к ним?»

Вопрос о детерминации законами не только общего, но и особенного относится к числу малоразработанных проблем философии и естествознания. Существует мнение, что закон выражает всеобщее для той или иной области действительности. Это означает, что закон детерминирует лишь общее, повторяющееся в вещах. Однако, если закон отражает только общие черты предметов, а развитие “по определению” заключается в порождении *многообразия особенного*, понятие закона оказывается чуждым идее развития, поскольку оно фиксирует только повторение одних и тех же *общих черт*, а не *возникновение нового*. Значит, понятый лишь на уровне своего непосредственного, абстрактно-всеобщего содержания закон оказывается несовместимым с идеей развития. Как справедливо замечает В. В. Орлов, понятие закона включает в себя идею развития лишь в том случае, если в него вводится особенное, или, иначе, если закон трактуется как единство всеобщего и особенного» [5].

Проблема развития физической формы материи до сих пор является слабо разработанной. В связи с этим данная проблема актуальна и требует философского осмысления.

Идея развития появляется в физических концепциях с появлением общей теории относительности и впоследствии созданной на ее основе релятивистской космологии. Одним из интересных и сложных вопросов философии и физики является вопрос о *законах*, определяющих развитие физической формы материи.

Эволюционной теорией в современной физике является *космология*, а основным противоречием, определяющим развитие, – противоречие между *притяжением* и *отталкиванием*. На наш взгляд, в физике в определенной степени продвигающим, обладающим эволюционным содержанием является закон Эйнштейна о связи массы и энергии.

В современной физике актуально философское обсуждение проблемы сингулярного состояния в связи с эволюцией физической формы материи и Вселенной в целом. Космологическая сингулярность присутствует в ряде классических моделей Вселенной, и при этом плотность материи и скорость являются бесконечными.

Вопрос о том, как образовалась Вселенная, актуален не только для физики, но и для философии. «Формально-математически сингулярность соответствует акту творения Мира, при этом предполагается, что в один и тот же момент времени возникает и пространство-время, и материя в нем. Причем есть важная особенность, космологические решения уравнений Эйнштейна отсутствуют до момента времени, предшествующего сингулярности» [6]. Что было до сингулярного состояния, и из чего на самом деле возникла Вселенная? Окончательного ответа на данный вопрос ни в физике, ни в философии нет, но есть некоторые подходы.

Одной из распространенных гипотез является идея о том, что наш мир рождается из «ничего». Этот процесс анализирует академик Я. Б. Зельдович: «Рождение мира из ничего – это значит рождение вселенной без затраты энергии. Начальная флуктуация вакуума имеет энергию, равную нулю. Квантовое рождение Вселенной – это рождение Вселенной из квантовых флуктуаций вакуума. Вся энергия вакуума позднее переходит в энергию частиц на инфляционной космологии. За счет увеличения объема объем Вселенной стал больше, а плотность вакуума осталась такой же. Когда вакуум распадается, энергия самого вакуума переходит в энергию частиц, она связана с массой. В итоге рождается множество частиц с разной массой» [7]. Мы видим здесь *продвигающую* роль законов для космического вакуума: $P = -\varepsilon$, где P – давление вакуума, ε – плотность энергии; с другой стороны – закона связи массы и энергии ($E = mc^2$).

С точки зрения Я. Б. Зельдовича, в начальном состоянии не было ничего, кроме вакуумных колебаний всех физических полей, включая гравитационное. По современным представлениям, классическое пространство-время Вселенной появляется после этапа квантового рождения Вселенной. Понятия пространства и времени являются классическими, в начальном же состоянии не было реальных частиц, реального метрического пространства и времени (проблема пространственно-временной пены также нуждается в философском обосновании).

Возможность изложенного процесса не противоречит основным физическим законам. Замкнутый мир сохраняет основные «квантово-топологические» числа. Его полная масса равна нулю, а следовательно, спонтанное рождение этого мира не противоречит закону сохранения энергии. Происходит это потому, что масса вещества внутри такого мира полностью «уравновешивается» отрицательной гравитационной энергией связи этой массы. Полный электрический заряд такого мира из-за его топологических свойств тоже равен нулю.

Рождение мира из «ничего» позволяет достаточно просто решить вопрос о начальном состоянии Вселенной в духе общих квантовых представлений о природе материи. Кроме того, на этой стадии из вакуумных флуктуаций негравитационных полей рождаются флуктуации плотности вещества, которые значительно позже, в близкую к нам эпоху, приводят к образованию скоплений галактик, нашей Галактики, звезд и в конечном итоге планет и самой жизни.

Чтобы лучше понять данную идею, необходимо принять во внимание следующее положение. В космосе есть черные дыры. Черная дыра – это замкнутая область в пространстве, гравитационное поле которого способно удержать любые частицы. Черная дыра это не тело и не излучение, это сгусток гравитации, и никакая информация, переносимая сигналом, не может дойти до внешнего наблюдателя из горизонта черной дыры.

Если мы вновь вернемся в период Большого Взрыва, то столкнемся с противоречивой проблемой – как можно попасть во время Большого Взрыва, если времени в этот момент не существовало?! Данную проблему еще предстоит решить и физикам и философам.

В современной Вселенной остается еще ряд неясных проблем, которые требуют философского подхода. К их числу относится темная материя. На данный момент частицы темной материи являются гипотетическими, но уже проводятся астрофизические исследования по их обнаружению, а также их пытаются выявить на Большом адронном коллайдере (БАК).

Согласно современной космологии, в ранней Вселенной, в которой кривизна пространства-времени была велика, интенсивно шли процессы рождения пар частица-античастица из вакуума гравитационным полем расширяющейся Вселенной. Но не все рожденные из вакуума частицы с массой порядка Великого объединения распадаются на кварки и электроны. Часть этих частиц доживает до наших дней и образует частицы темной материи [8].

Темная материя скрыта от прямых астрономических наблюдений в оптическом и радиодиапазонах. Можно сказать иначе, темная материя – это такие частицы, которые не излучают фотонов, слабо взаимодействуют с видимой материей.

Плотность числа частиц темной материи оказывается очень малой. Плотность же энергии этих частиц из-за их большой массы оказывается значительной и оказывает заметное гравитационное воздействие, наблюдаемое как эффект скрытой массы. Можно представить себе распределение темной материи как наличие облаков очень разряженного тумана сверхтяжелых частиц в пространстве Вселенной. Наблюдения космического аппарата WMAP указывают на то, что уже в начале эры рекомбинации темная материя была распределена

неоднородно. Эти данные показывают роль темной материи во Вселенной. Отсутствие взаимодействия темной материи с излучением привело к тому, что во Вселенной уже до эры рекомбинации возникли области сгущения темной материи. Именно в эти области устремилась видимая материя в эру рекомбинации, когда давление света упало, и частицы видимой материи тоже начали сгущаться. Без наличия первоначальных неоднородностей темного вещества к нашему времени не могли бы образоваться галактики, так как процесс сгущения видимого вещества должен был бы занимать намного больше времени. Сила гравитации темной материи является продвигающим законом во Вселенной. Следовательно, темная материя способствует *конвергентному развитию* материи во Вселенной. Но видимая материя обладает большим богатством содержания в рамках конвергентного процесса, чем «тяготеющая» темная материя. Поэтому на магистральной линии развития физической материи стоит именно развитие видимой (барионной) материи [9].

Таким образом, эволюционирующее пространство-время создает условия для возникновения и развития материи, порождает антигравитирующий вакуум. «Вакуум – это материальная среда, которая является носителем многочисленных количественных характеристик» [10].

Из сказанного ранее ясно, что эволюционный потенциал развития Вселенной отражен в законе связи массы и энергии, выраженного формулой $E = mc^2$, в законе физического вакуума: $P = -\varepsilon$, а также в эволюционирующем гравитационном поле, но эволюционное содержание этих законов проявляет себя только при учете включенности этой зависимости в общий процесс эволюции Вселенной.

В следующей работе будет рассмотрена эволюционная роль фазовых переходов вакуума эволюции Вселенной.

Примечания

1. См., например: Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Он же. Основы философии. Общая философия. Пермь: Изд-во Пермь, 2006. Вып. 1, 2; Оконская Н. Б. Диалектика социального и биологического в историческом процессе. Пермь, 1975; Коблов А. Н. Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск, 1987; Васильева Т. С. Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск, 1984; Барз О. А. Живое в едином мировом процессе. Пермь, 1993; Он же. Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход. Пермь, 2006; Утробин И. С. Сложность, развитие, научно-технический прогресс. Иркутск, 1991; Береснева Н. И. Язык и реальность. Пермь, 2004; Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2005.

2. Орлов В. В. Основы философии: в 2 ч. Ч. 1. Общая философия: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. / Перм. ун-т. Пермь, 2006. Вып. 2. С. 109.

3. Коблов А. Н. Указ. соч.

4. Васильева Т. С. Указ. соч. С. 104.

5. Там же. С. 109.

6. Латыпов Н. Н., Бейлин В. А., Верешков Г. М. Вакуум, элементарные частицы и Вселенная: В поисках физических и философских концепций XXI века. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 89.

7. Зельдович Я. Б. Рождение Вселенной из «ничего» // Вселенная, астрономия, философия. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 39.

8. Гриб А. А. Основные представления современной космологии. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008.

9. Панов В. Ф., Рыбальченко В. А. Проблема развития физической формы материи и современная физика // Актуальные проблемы российской философии: межвуз. сб. науч. тр. (по материалам Всерос. науч. конф., Пермь, 29–30 сентября 2011 г.): в 2 т. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. Т. 1. С. 28–34.

10. Латыпов Н. Н., Бейлин В. А., Верешков Г. М. Указ. соч. С. 123.

Notes

1. See, for example: Orlov V. V. *Materiya, razvitiye, chelovek* [Materiya, development, person]. Perm, 1974; The same author. *Osnovyi filosofii. Obschaya filosofiya* [Fundamentals of philosophy. General philosophy]. Perm: Perm Publ., 2006. Is. 1, 2; Okonskaya N. B. *Dialektika sotsialnogo i biologicheskogo v istoricheskom protsesse* [Dialectics of social and biological in historical process]. Perm, 1975; Koblov A. N. *Dialektiko-materialisticheskaya kontseptsiya razvitiya i sovremennaya fizika* [Dialectic-materialistic concept of development and modern physics]. Irkutsk, 1987; Vasilyeva T. S. *Himicheskaya forma materii i zakonomernyy mirovoy protsess* [Himicheskaya form of a matter and natural world process]. Krasnoyarsk, 1984; Barg O. A. *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Alive in uniform world process]. Perm, 1993; The same author. *Filosofskie problemy himii: konkretno vseobschiy podhod* [Philosophical problems of chemistry: specifically general

approach]. Perm, 2006; Utrobin I. S. *Slozhnost, razvitie, nauchno tehnikeskij progress* [Complicity, development, scientifically technical progress]. Irkutsk, 1991; Beresneva N. I. *Yazyk i realnost* [Language and reality]. Perm, 2004; Musayelyan L. A. *Nauchnaya teoriya istoricheskogo protsessa: stanovlenie i suschnost* [Scientific theory of historical process: formation and essence]. Perm, 2005.

2. Orlov V. V. *Osnovyi filosofii: v 2 ch. Ch. 1. Obschaya filosofiya: ucheb. posobie* [Basis of philosophy: in 2 parts, p. 1. General philosophy: tutorial] 4th issue. altered and added / Perm university, Perm, 2006, is. 2, p. 109.

3. Koblov A. N. Spec. work.

4. Vasilyeva T. S. Spec. work. P. 104.

5. In the same place. P. 109.

6. Latypov N. N., Beylin V. A., Vereshkov G. M. *Vakuum, elementarnye chastitsyi i Vselennaya: V poiskah fizicheskikh i filosofskikh kontseptsij XXI veka* [Vakuum, elementary particles and Universe: In search of physical and philosophical concepts of the XXI century]. Moscow: Publ. of the Moscow State University, 2001. P. 89.

7. Zeldovich Ya. B. *Rozhdenie Vselennoy iz «nichego»* [Birth of the Universe from "anything"]// *Vselennaya, astronomiya, filosofiya – The Universe, astronomy, philosophy*. Moscow: Publ. of the Moscow State University, 1988, p. 39.

8. Grib A. A. *Osnovnyie predstavleniya sovremennoy kosmologii* [Main representations of modern cosmology]. Moscow: FIZMATLIT. 2008.

9. Panov V. F., Rybalchenko V. A. Problem of development of a physical form of a matter and modern physics// Actual problems of the Russian philosophy: interhigher education institution [Proc. Sci works (on materials of All-Russia scient. Conf. Perm, September 29–30, 2011): in 2 vol.] Perm state national research university. Perm, 2011. Vol. 1, pp. 28–34 (in Russ.).

10. Latypov N. N., Beylin V. A., Vereshkov G. M. Spec. work. P. 123.

УДК 008:004

А. Н. Наймушина

Ментальные профили восприятия аниме как показатель диффузии культуры

Разработан инструмент, позволяющий построить ментальные профили для измерения влияния диффузии культуры на ментальность принимающего народа. С помощью построения ментальных профилей исследовалось влияние аниме на российскую аудиторию с 1970-х по настоящее время. Проведено сравнение групп респондентов, выделенных по возрасту и частоте просмотра аниме. Различия между группами соотнесены с волнами диффузии аниме в России (распространение через кинопрокат в 1968–1986 гг.; распространение через телевидение с конца 80-х по начало двухтысячных; распространение через Интернет и с помощью других современных инструментов в настоящее время). Исследование показало, что инструмент позволяет измерять различия ментальности между группами респондентов и отмеченные различия соотносятся с волнами диффузии.

Instrument elaborated for Mental Profiles measuring cultural diffusion influence upon mentality accepting ethnic group. Mental Profiles fulfilling, influence of Anime upon Russian auditorium was analyzed from 1970 to resent times. Respondent groups on the base of age and frequency of watching anime are compared. Differences between the groups are correlated to the waves of diffusion of anime in Russia (diffusion by cinema theatrical distribution in 1968–1986; by TV distribution from the end of 80-th to beginning of the millennium; by Internet distribution and other means in resent times). Research results is that the instrument can measure differences between mentality of respondent gropes and that differences are correspondent to diffusion waves.

Ключевые слова и фразы: культурная диффузия, анимация, мультипликация, аниме, персонаж, ментальность, менталитет, ментальные профили.

Keywords: cultural diffusion, animation, anime, character, mentality, mental setup, mental profiles.

Эмпирическое исследование ментальных профилей

Диффузию материальных элементов проследить и подтвердить легче (особенно в эпоху информационного общества), чем диффузию элементов нематериальных. Но именно проникновение новых нематериальных аспектов культуры способно создать глубинные изме-

нения в принимающей культуре. Такие нематериальные элементы культуры, как стереотипы и архетипы, очень часто оцениваются как вообще «центральная зона» культуры. Согласно Айзенштадту, именно в этой зоне происходит кристаллизация специфических компонентов, обуславливающих этническую и культурную идентичность общности. В число данных компонентов входят специфические признаки, часто носящие психологический характер, маркирующий этнос (*Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity*. N. Y.; Sydney; Toronto: John Wiley, 1973. P. 127–129). Возможность подобных изменений является пугающей для принимающей культуры, так как это будет «неизбежно» вести к ее «угасанию». Существует и другая перспектива этих изменений, ведущая к глобализации базового восприятия окружающих и самоопределения человека в обществе, способная отождествить себя с персонажем другой культуры, привнести в повседневную жизнь некоторые атрибуты из быта другого народа. Подобная диффузия может привести к большему пониманию между этносами, народами и нациями, что в итоге увеличит терпимость между ними.

Специальной задачей исследования было изучение влияния диффузии аниме на ментальность россиян. Это влияние было исследовано в аспекте особенностей восприятия «личностных качеств» персонажей аниме российской аудиторией. Основной целью данного исследования является изучение восприятия личностных характеристик персонажей японского аниме в российской аудитории 2012 г. как результат культурной диффузии аниме.

Для проведения исследования был подготовлен инструмент – формализованное интервью, исполненное в виде веб-сайта, с общим доступом. Данный веб-сайт (<http://quiz.coevolutia.ru>) доступен для всех пользователей и не требует специальной регистрации.

При разработке исследования были поставлены следующие задачи:

1. Дать сравнительный анализ групп выборки различающихся по возрасту, степени знакомства с аниме и заинтересованности в нем.

2. Выяснить, совпадает ли «эталонное» описание персонажа (отражающее восприятие персонажей аниме в японской культуре) с его восприятием опрошенной аудиторией.

Под «эталонным» описанием персонажа понимается описание персонажей из мировой открытой общественной базы данных по аниме (<http://anidb.net/>). Данное описание персонажей составляется на основании оригинального, данного на официальных сайтах фильмов и сериалов аниме. Кроме «эталонной» группы была сформирована «гибридная» группа, дополненная результатами опроса одного респондента-японца (21 год, преподаватель японского языка для русских студентов – практикант).

Так как инструмент исследования не был ещё апробирован, то, соответственно после его экспериментального тестирования на респондентах требовалась корректировка, что на данном этапе исследования не предполагало перевода инструмента на иностранные языки. В последующем перевод инструмента и его адаптация для иностранной аудитории предполагается для сбора данных и сравнения их между собой.

В эксперименте приняли участие 54 респондента (включая одного японца). В выборке представлены люди разнообразных профессий, возрастов и социального положения. Основу составляют: отаку; люди, занимающиеся изучением японского языка; «случайные» студенты; «случайные прохожие», заходившие на сайт по своей инициативе. Выборка нерандомизированная и должна быть оценена как произвольная. Полностью опрос прошли 42 респондента, 12 респондентов ответили не на все вопросы и не были включены в обработку результатов.

При входе на сайт респонденту предлагается пройти опрос по теме исследования, общаются цели и задачи исследования. Паспортная часть включает вопросы о возрасте, поле, образовании. Отношение респондента к аниме (частота просмотра, отнесение/не отнесение себя к отаку) и национальная самоидентификация фиксируются в конце опроса.

Основная часть инструмента состоит из серии экранов (25), посвященных персонажам. Каждый экран включает в себя набор изображений персонажа и четыре вопроса, предполагающие выбор ответов из закрытых списков: «Выберите эпитеты, которые, по вашему мнению, характеризуют данный персонаж» (список из 53 эпитетов); «Знаком ли этот персонаж»; «Если можете, то выберите имя»; «Если можете, то выберите название анимационного фильма, в котором он участвовал». В основном информационным является первый вопрос. Три остальных являются контрольными для проверки отношения респондента к аниме и выполняют также разгрузочную функцию.

На заключительном экране размещена благодарность респонденту за участие в опросе, а также респонденту предлагается в качестве вознаграждения скачать фотографии из специального банка.

Группировка выборки производилась по возрасту с шагом в 5 лет (в возрасте от 18 до 23 лет; от 24 до 28 лет; от 29 до 33 лет; от 34 и старше) и по частоте просмотра аниме. Группировка по частоте просмотра имеет следующий вид: смотрящие регулярно; смотрящие часто (несколько раз в месяц); смотрящие редко (1–2 фильма/сериала в год); не смотрящие. Предполагалось, что частота просмотра непосредственно влияет на изменения менталитета в результате диффузии. Чем чаще респондент будет смотреть аниме, тем сильнее будет оказываться на него влияние. Деление на группы по возрасту обосновано тем, что чем моложе респондент, тем больше он находился под влиянием аниме, в период становления личности и самоопределения; во-вторых – данные возрастные группы по-разному накладываются на основные периоды диффузии аниме в России. Проверялась гипотеза, что среди этих групп опрашиваемых существуют различия в восприятии характеристик персонажей японского аниме – ментальных профилей восприятия.

При обработке данных сначала для каждой группы вычисляется частота употребления каждого эпитета к каждому персонажу. Под ментальным профилем восприятия как раз и понимается совокупность частот отнесения эпитетов к персонажу, характерная для индивида или группы. Всего в матрице соотнесения персонажей с эпитетами размером 25 на 53 (1325 ячеек) значимыми (не нулевыми) оказывается от 250 до 900 ячеек. Частоты в каждой ячейке варьируют от 0 до 1. Наибольшее количество эпитетов используют русская группа смотрящих аниме регулярно (до 850). Складывается впечатление, что данная группа старается дать для знакомых персонажей максимальное число эпитетов. Для сравнения, например, японец характеризует каждый персонаж буквально точно «стандартными» эпитетами.

На следующем шаге производится сравнение матриц ментальных профилей восприятия для двух групп. За меру расстояния или близости между двумя группами принимается сумма по всем ячейкам матрицы квадратов разности частот в ячейках, отнесенных к средней частоте двух групп. Известно, что данная мера подчиняется статистике t-распределения Стьюдента. Указанная мера оказалась весьма чувствительной к числу индивидов в сравниваемых группах. В том случае, если в группу входит один индивид, и, следовательно, значение частот только 0 или 1, расхождение между группами в одной ячейке дает максимальное значение 2. Совпадение частот означает различие в ячейке 0. Если число индивидов в группах достаточно велико (хотя бы 4–5), то различие частот производит в ячейке достаточно небольшое значение меры.

Результаты исследования

Сравнение между группами по частоте просмотра аниме дают следующие результаты:

	Число индивидов в группе	Не смотрю	Смотрю редко (1–2 фильма в год)	Смотрю часто (несколько раз в месяц)	Смотрю регулярно (1 раз в неделю)
Не смотрю	4	0			
Смотрю редко (1–2 фильма в год)	9	162,7803262	0		
Смотрю часто (несколько раз в месяц)	12	193,949941	180,1597648	0	
Смотрю регулярно (1 раз в неделю)	17	199,6242918	169,0218156	107,1765826	0
Эталонная группа	2	346,765368	342,3239649	277,3842879	270,3309036

Заметно, что различия между российскими группами меньше, чем с «эталонной» группой. Самое маленькое различие между группами «Смотрю часто (несколько раз в месяц)» и «Смотрю регулярно (1 раз в неделю)» составляет 107,2. Самое большое среди российских групп 199,6 («Не смотрю» и «Смотрю регулярно (1 раз в неделю)»). Кроме того, различия с «эталонной» группой уменьшаются по мере увеличения количества просмотров от 346,8 до 270,3. Это может быть однозначно интерпретировано как изменение менталитета россиян в результате диффузии аниме. Однако и после такого изменения россияне ближе к россиянам, чем к «эталонной» группе. Показатели различий с «эталонной» группой могут уменьшиться,

если увеличится число индивидов в этой группе. Однако эта группа, скорее всего, останется более далекой, по сравнению с расстояниями между российскими группами.

Сравнение между группами по возрасту дают следующие результаты:

	Число индивидов в группе	18–23 лет	24–28 лет	29–33 лет	34 и более лет
18–23 лет	14	0			
24–28 лет	18	94,17893427	0		
29–33 лет	7	141,2220224	136,4912924	0	
34 и более лет	3	288,1344686	280,3538352	305,9246927	0
Эталонная группа	2	298,674018	269,9339371	320,481828	439,8857143

Как и в предыдущей группировке, различия между российскими группами меньше, чем с «эталонной» группой. Самое маленькое различие между группами «18–23 лет» и «24–28 лет» составляет 94,2. Самое большее среди российских групп 305,9 («29–33 лет» и «34 и более лет»). Различия с «эталонной» группой уменьшаются по мере снижения возраста индивидов – от 439,9 до 269,9. Это уменьшение носит «волновой» характер: различие с группой «18–23 лет» составляет 298,7, а в группе «24–28 лет» оно уменьшается до 269,9. Это может быть обусловлено тем, что для возрастной группы «24–28 лет» диффузия имела максимальное влияние, так как с данной возрастной группой правильно совпала волна показа аниме на телеканалах. Их детский возраст совпал с показом детского аниме-сериала «Пчёлка Мая», «Босоногий Ген» и «Могила светлячков» на телеканале «ОРТ». В подростковый период, вероятнее всего, они смотрели «Сейлор-Мун» на телеканалах «ТНТ» и «ТВЦ» и «Бродяга Кендзи» («Самурай X») на «СТС». Период после их 16-летия совпадает с распространением сети Интернет в России. Для группы «18–23 лет» процесс диффузии выглядел немного иначе, так как в период их детства по телевидению шли «Сейлор-Мун» и «Бродяга Кендзи», рассчитанные на подростков. Когда они стали выходить за пределы детской возрастной группы, по ТВ начался массовый показ «Покемонов», которые, вероятнее, уже на тот момент не вызывали у них интереса к просмотру. Группе «24–28 лет» в некотором смысле повезло, что на неё сработали два фильтра: пока они были детьми (начало 1990-х гг.), ещё действовал отбор качественного продукта, осуществлённый в СССР, и они не встречались с аниме среднего и низшего качества. Когда им было около 18 лет, они попали в зону действия другого фильтра – клубный отбор наиболее качественного аниме, также осуществлявшийся более зрелым поколением, защитил их от продуктов среднего и низшего качества.

В 2005 г. поиск в Интернете выдавал порядка 200 работ, но достаточно качественных. В настоящее время результат поиска – тысячи фильмов и сериалов, при этом число качественных значительно не увеличилось.

Выводы

Результат исследования состоит всего лишь в повышении степени подтверждения гипотезы об уменьшении расстояний между российскими группами и «эталонной» с уменьшением возраста и увеличением регулярности (частоты) просмотра аниме. Результаты, полученные в ходе данного исследования, дают основу полагать, что гипотеза действительна и не может быть однозначно опровергнута и отброшена за несостоятельность. Гипотеза переведена из разряда версий в разряд рабочей гипотезы. Пилотажное исследование показывает, что данный инструмент исследования может быть использован для доказательства гипотезы. Естественно, что инструмент требует корректировки.

Следует отметить, что российские респонденты старались максимально охарактеризовать предложенные им изображения персонажей. Японский респондент при прохождении тестирования выбирал в среднем шесть эпитетов для одного персонажа, российский респондент – 26. Характеристика российских респондентов отражала эмоциональное отношение к персонажам. Например, для знакомого практически всей аудитории персонажа «Тотторо» российские респонденты выбирали максимальное количество положительных характеристик, а для отрицательного персонажа Рокуро Бундоу (Rokuro Bundou) было выбрано много негативных характеристик. Такая разность в характеристиках персонажей показывает разность в системах воспитания, образования, менталитета. Возможно предположить, что российские респонденты являются более эмоциональными в своих оценках.

Не имея возможности однозначно описать, в чем состоит менталитет, исследование вероятности ассоциаций всё-таки даёт возможность доказательно отразить изменения менталитета. Метод ментальных профилей, основанный на сравнении групповых тезаурусов, позволяет достоверно связать различия частот выбора эпитетов с изменениями в менталитете групп, а эти изменения в менталитете соотнести с процессами диффузии, происходящими в культуре. Менталитет различных групп в российской аудитории по-разному изменяется в ходе процесса диффузии аниме. Различия в менталитете проявляются, в частности, в таком аспекте, как вероятность психологической ассоциации.

Провинциальный взгляд на церковные преобразования в годы революции 1905–1907 гг.: на материалах уральских отзывов по вопросам церковной реформы

В отечественной историографии проекты церковных реформ, сформулированные в 1905 г. и обобщенные на предсоборном присутствии в 1906 г., не были достаточно верифицированы, а по сути были «забыты». Однако именно с этих «забытых» проектов церковных реформ и начался процесс реформирования церкви в изменяющихся новых российских реалиях. В проектировании церковного будущего уральские иерархи и духовенство уральских епархий приняли заинтересованное и активное участие. В этой статье автор на основании новых источников пытается проанализировать основное содержание проектов церковных преобразований.

In Soviet historiography projects church reforms formulated in 1905 and generalized to Preconciliar presence in 1906 were not sufficiently verified, and in fact have been “forgotten”. However, it is with these ‘forgotten’ projects church reforms and the process of reformation of the Church in a changing new Russian realities. In designing the future of church hierarchs and clergy Ural dioceses concerned and took an active part. In this paper the author on the basis of new sources of trying to analyze the main contents of church reforms.

Ключевые слова: обновленцы, церковные реформы, патриарх, Святейший Синод, митрополичий округ, Поместный Собор, уездный епископ, викарий, церковный суд, православный приход, самообложение, духовно-учебные заведения, церковные школы, миссионерская деятельность.

Keywords: Renovationists church reforms, the patriarch, the Holy Synod, Metropolitan District, the Local Council, the district bishop, vicar, ecclesiastical court, Orthodox parish, self-taxation, religious schools, church schools, missionary activity.

Страстные дискуссии начала XXI в. о роли и месте церкви в современной постсоветской России невольно перекликаются с аналогичными историческими сюжетами начала XX в. Однако в отечественной историографии проекты церковных реформ, сформулированные в 1905 г. и обобщенные на предсоборном присутствии в 1906 г., не были достаточно верифицированы, а по сути были «забыты», и на это имелись различные причины. «Обновленцы» 20–30-х гг. прошлого столетия обращали внимание на тех, кто стоял на позициях радикального реформирования. В советских исследованиях данные аспекты не детализировались и рассматривались как незначительные, не играющие большой роли. В официальной историко-церковной традиции этим проектам только в последнее время стали уделять большое значение. Исключение составляет фундаментальная работа С. Л. Фирсова «Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.)», где делается попытка проанализировать отзывы с мест по вопросам церковной реформы [1].

Автор данной статьи в качестве источников прибегает к опубликованным в 1906 г. отзывам по вопросам церковной реформы в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» и к уникальному изданию, недостаточно используемому в литературе, это «Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы». «Сводки отзывов» разделены на 11 разделов и приложения к ним, причём нумерация каждого раздела и каждого приложения отдельная, то есть начинается с первой страницы, и их можно рассматривать как несколько отдельных изданий. За основу берутся отзывы уральских преосвященных, то есть речь идет о Вятской, Екатеринбургской, Оренбургской, Пермской и Уфимской епархиях.

12 декабря 1904 г. вышел именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где было, в частности, сказано о необходимости охранять «терпимость в делах веры». Указ от 12 декабря 1904 г. стал толчком для работы над целым пакетом церковных реформ. После событий 9 января 1905 г. Санкт-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) на специальной сессии просил Комитет министров обсудить все возможности для созыва Поместного Церковного Собора. По просьбе председателя Комитета министров Российской империи С. Ю. Витте он совместно с профессорами Петербургской духовной академии подготовил для Комитета Министров записку, которую озаглавил «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви». В ней прозвучала просьба ослабить контроль государства над Церковью [2].

В Святейшем Синоде обсуждались вопросы, связанные с проведением церковных реформ с 18 по 22 марта 1905 г. На этих заседаниях было решено созвать Поместный собор. Обер-прокурор К. П. Победоносцев, ознакомившись с результатами работы Святейшего Синода, указал на необходимость составления списка вопросов, подлежащих обсуждению на будущем Поместном соборе. Кроме того, он поручил своему помощнику В. К. Саблеру разработать анкету по проблемам церковной реформы. Однако «вопросные пункты» анкеты были разосланы епархиальным епископам только 27 июля 1905 г. Ответы на эти вопросы должны были поступить к декабрю 1905 г. Всего было 11 вопросов:

1. О составе Собора.
2. О разделении России на церковные округа.
3. О преобразовании церковного управления в России.
4. О преобразовании церковного суда и о пересмотре законов по делам брачным.
5. Об епархиальных съездах.
6. Об участии духовенства в общественных учреждениях.
7. О благоустройении прихода.
8. О порядке приобретения церковью собственности.
9. О предметах веры: богослужении, единоверии, постах, пении, нотных сочинениях, молениях за инославных христиан.
10. О преобразовании духовно-учебных заведений.
11. О миссии.

Практически во всех отзывах не сомневались в необходимости созыва Поместного собора, который бы стал переломным в жизни церкви. Однако наиболее отчаянные споры коснулись состава этого собора. Сформировалось две крайние позиции, одни выступали за то, что членами Собора могут быть только епископы, а клир и миряне участвуют «с совещательным голосом», другая часть епископата ратовала за участие клириков и мирян на Соборе с правом решающего голоса [3].

По мнению 23 иерархов, то есть подавляющего большинства, в том числе епископа уфимского Христофора (Смирнова), в предстоящем Соборе должны принять участие на равных вместе с епископами представители клира и мирян [4].

Меньшинство, а именно семь иерархов, выступили за то, что членами Собора могут быть только епископы, а миряне и клир могут присутствовать без права голоса. Из этих семи три епископа были уральскими – Вятский, Екатеринбургский и Оренбургский. Так, епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) писал в своем отзыве: «На предстоящем всероссийском соборе присутствуют в качестве членов одни только епископы. Клер и миряне допускаются без права голоса, лишь в качестве слушателей, свидетелей для справок и записей» [5]. Аргументы в пользу того, что решающее значение на Соборе принадлежит епископам, при участии в соборных деяниях представителей клира и мирян с совещательным голосом приводит епископ Екатеринбургский и Верхотурский Владимир (Соколовский) [6]. Предстоящий собор Екатеринбургский епископ предлагал собрать «не в столичных городах, а в каком-нибудь большом пустынном монастыре» [7]. Кроме того, он отмечал, что «...никому из мирян не позволять присутствовать на Соборе, если не обещают безмолвие» [8]. За это же выступает и вятский епископ Филарет (Никольский): «...миряне и клир могут быть на соборе, но без права голоса, как и было на вселенских соборах» [9].

Кроме епископата екатеринбургский епископ Владимир (Соколовский) полагал, что следует позвать на Собор и пресвитеров «сведущих в истории канонов и церковной» с правом совещательного голоса, однако нельзя звать на собор либералов «хотя бы и иере-

ев-профессоров, разрушителей в роде глашатаев церковной ломки сообразно грешным современным вкусам и своеволию в “Церковном” и “Богословском Вестниках”, “Миссионерском Обозрении”, революционном “Русском Слове” и проч.» [10]. По его мнению, ни в коем случае нельзя допускать до собора репортеров этих «нововременных антихристиан-любителей и дилетантов церковности, выродившихся из славянофильства в поклонников плоской чувственности, современных николаитов» [11]. Екатеринбургский епископ считал, что промедление и отказ от созыва Собора приведет к катастрофе, которую невольно предсказал: «Если Государь сам откажется от самодержавия и потому не будет иметь власти без согласия Думы созвать Собор, а думские радикалы захотят затормозить единственно спасительное для святой Церкви дело созывания Собора, тогда, основываясь на 20 правиле Антиохийского собора, каждый старейший первопрестольный иерарх-митрополит имеет право по церковному закону созвать на собор окрестных архиереев в предназначенное место – в монастырь. Если будет на соборе представитель государственной власти – хорошо; а если не будет, тогда определения собора приводить в исполнение духовными средствами, нисколько не прибегая к помощи мирских властей...» [12]

По второму вопросу о разделении церкви на округа под управлением митрополитов резко отрицательно выступили только три иерарха, в том числе Иоаким (Левицкий), епископ Оренбургский. Он полагал, что «разделение русской церкви на митрополичьи или архиепископские округа представляется излишним и не вызываемым необходимостью» [13]. Иоаким (Левицкий) оговаривается, что изложенное является его личным мнением, в то время как образованная им, на основании циркулярного указа Святейшего Синода 27 июля за № 8, комиссия высказалась решительно за разделение русской церкви на митрополичьи или архиепископские округа [14]. Многие архиереи считали, что вопрос об округах должен решить будущий Собор. В том числе так считал епископ пермский Никанор [15].

Своё особое мнение высказал екатеринбургский епископ Владимир (Соколовский): «Первым долгом Собора следует просить Верховную власть отказаться от назначения и утверждения в должностях всех епископов, а дозволять – как предписывают каноны – избирать и утверждать таковых властью митрополичьих соборов, как это было в Греции, для чего нужно разделить Россию на столько митрополий, сколько есть губерний; по уездным же городам, почти по всем, поставить епископов, как это и было в древней Церкви по канонам, чтобы епископии были небольшими» [16]. Таким образом, вместо митрополичьих округов из нескольких епархий он считал, что нужно разделить каждую епархию на митрополии: «Архиереев губернских городов назвать митрополитами» [17]. В состав этой митрополии вошли бы уездные епархии, во главе естественно были бы епископы (от 6 до 12 в каждой губернии). Он писал, что уездных архиереев выбирать из «добрых монахов» или «бездетных вдовцов-иереев». Обязывать архиереев жить в монастырях и пользоваться «небольшим содержанием от монастыря и из местных церковных средств. Государственное содержание архиереев не полезно Церкви» [18]. По мнению екатеринбургского епископа, институт викариатства нужно было упразднить и начать эту реформу немедленно: «На первых порах можно открыть немедленно уездные епархии там, где есть монастыри. <...> Следует поселять архипастырей – с целями возрождения внутренней миссии, – вне городов, в монастырях и нарочно устраиваемых для архиереев пустынях» [19]. Кроме того, екатеринбургский епископ предлагал «разделить Россию на семь архиепископий: 1) Московскую, 2) Петербургскую, 3) Киевскую, 4) Казанскую, 5) Воронежскую, 6) Грузинскую и Северокавказскую, 7) Иркутскую» [20]. Почему разделить на архиепископии, потому что «титул архиепископа имеет прямое значение «начальника епископов» [21]. Каждый архиепископ созывает соборы митрополитов и епископов уездных городов один раз в два года «в месте пребывания архиепископа» [22]. Архиепископии не автономны, а должны подчиняться «Московскому архиепископу и патриарху Российской Церкви и Преосвященному Синоду» [23].

Почти через сто лет, в 2010 г., патриарх Кирилл и Синод стали проводить епархиальную реформу, напоминающую проект екатеринбургского владыки. Старые епархии стали превращаться в митрополии, а те в свою очередь были поделены на епархии. Так в 2011 г. было образовано одиннадцать дополнительных архиерейских кафедр в пределах шести регионов: Тульской, Архангельской, Новгородской, Тверской, Новосибирской областях и в Республике Башкортостан.

По вопросу о преобразовании церковного управления в церкви разгорелась ожесточенная дискуссия, решался вопрос об учреждении патриаршества и судьбе Синода. За вос-

становление власти патриарха, права и обязанности которого должны быть определены Собором, выступил один уфимский преосвященный [24]. Он высказал своё особое мнение: «Предполагаемая реформа Церкви должна обойти указанные крайности: ни папизма, ни цезаро-папизма не должно быть в Церкви, ни патриаршество не должно переходить в папизм, ни покровительство Государя не должно вести к цезаропапизму. Полнота Божественной власти должна принадлежать Собору епископов с пресвитерами и братией, насколько это возможно в настоящем её виде и составе» [25].

10 иерархов и среди них Вятский, Оренбургский и Екатеринбургский считали, что власть патриарха мог ограничить лишь собор епископов, а не собор с клиром и мирянами: «Высшая власть в Церкви, по каноническим правилам, должна принадлежать не лицу и не коллегии, как у нас сейчас, а собору епископов» [26], епископ екатеринбургский выступил за то, чтобы Собор епископов собирался регулярно через четыре года [27]. Он отмечал при этом: «Патриарх мог бы быть избран Собором Поместным нашей Церкви и жил бы свободным от давления чиновников или мятежных демагогов и народа в загородном Воскресенском или Николо-Угрешском монастыре с постоянным Преосвященным Синодом, в котором заседали бы епископы без епархии или окрестных уездных городов постоянно» [28].

Возникла дискуссия по поводу переименования Синода. За вариант названия «Святейший Синод» выступило большинство преосвященных, многие переименовали этот орган в «Патриарший Синод». Екатеринбургский епископ выступил за вариант «Преосвященный Синод», епископ Уфимский – «Церковный Синод», епископ Оренбургский – «Освященный Синод». Наиболее оригинальным оказался епископ Калужский – он вообще Синод как понятие заменил на «Постоянный Совет при патриархе, или Патриарший Совет» [29].

В уральских проектах церковных реформ (епископы Екатеринбургский, Пермский и Уфимский) вопрос государственно-церковных отношений решался однозначно – церковь должна быть автономна, но пользоваться покровительством государственной власти. В связи с этим пермский епископ Никанор (Надеждин) в своем проекте писал: «Церковь в государстве есть самостоятельный духовный организм, который не может управляться подобно другим отраслям государственного управления (другим ведомствам или министерствам), но который должен жить и развиваться по своим внутренним началам и законам» [30]. В свою очередь и екатеринбургский владыка отмечал: «Нужно просить верховную государственную власть, чтобы она не препятствовала своими мероприятиями по духу времени или минутной моде внутренней жизни Церкви по канонам» [31]. Он считал, что обер-прокурор если останется, то ему необходимо предоставить «пассивное наблюдение за исполнением законов» [32]. Уфимский епископ отмечал: «Государь своею властью не может без суда соборного ни низложить патриарха и епископов, ни переводить последних из одной епархии в другую» [33].

Говоря о «Преобразовании церковного суда и о пересмотре законов по делам брачным», вятский и пермский преосвященные отметили смешение в консистории административных и судебных функций. В большинстве отзывов безапелляционно высказывались за то, чтобы церковный суд был гласным и состязательным [34].

По отношению к епархиальным съездам сложились три позиции:

1. Епархиальные съезды – вредны для церковной жизни.
2. Часть архиереев полагала, что епархиальные съезды должны быть заменены епархиальными соборами.
3. Епархиальные съезды имеют важное и благотворное значение [35].

Екатеринбургский преосвященный полагал, что «деятели епархиальных съездов суть главные деятели пресвитерианского движения против епископов и церкви. <...> Дисциплина церковная ослабела теперь больше, чем было до съездов» [36]. Напротив, пермский архиерей считал, что вызванное уставом духовных семинарий 1867 г. Епархиальные съезды доказали свою жизнеспособность [37]. Если раньше епархиальные съезды ограничены были в своих действиях сферой вопросов экономического характера и в делах духовно-учебных заведений, то многие преосвященные предложили расширить полномочия епархиальных съездов [38]. Епископ Пермский и Соликамский Никанор (Надеждин), в частности, особо предложил, чтобы епархиальные съезды занимались контролем и ревизией всех учреждений и лиц, пользующихся постоянными или временными пособиями из общеeparхиальных фондов [39].

Если раньше епархиальные съезды ограничены были в своих действиях сферой вопросов экономического характера и в делах духовно-учебных заведений, то многие преосвя-

щенные предложили расширить полномочия епархиальных съездов [40]. Пермский епископ, в частности, особо предложил, чтобы епархиальные съезды занимались контролем и ревизией всех учреждений и лиц, пользующихся постоянными или временными пособиями из общепархиальных фондов [41]. Поступило также предложение на епархиальные съезды производить выборы должностных лиц разных учреждений, ведающих нужды епархий и субсидируемых от неё: начальников учебных заведений (ректора, инспектора семинарий, смотрителей училищ и их помощников); начальниц епархиальных женских училищ; епархиальных и уездных наблюдателей церковных школ; миссионеров; членов консистории [42].

Пермский епископ предложил выбирать депутатов на епархиальные съезды по одному на 10 церквей, причем, по его мнению, могут быть избраны не только священники, но и дьяконы и даже псаломщики с равными голосами [43]. Вятский и пермский епископы считали полезным участие в епархиальных съездах мирян. При этом вятский епископ полагал, что их должно быть меньше как минимум в два раза [44].

Только два преосвященных высказались против непосредственного участия служителей церкви в общественно-политической жизни народа. Большая часть писали об ограничениях в такой деятельности или вообще старались не касаться этого вопроса, среди них и епископ Уфимский [45]. В связи с этим екатеринбургский епископ писал: «...не позволять духовенству лично представлять в государственных учреждениях и омирщаться в борьбе партий, но требовать от государства через православный народ, чтобы, при обсуждении законодательства или мероприятий по делам Церкви, таковые имели силу только с согласия церковного собора. Личное представительство, например, в Думе или Государственном Совете в меньшинстве повредит духовенству. Соборы должны говорить авторитетно и влиять на государство через народ» [46].

В бесполезности приходской реформы для церкви усомнился только Самарский епископ, остальные считали, что возрождение приходской жизни необходимо [47]. Уфимский епископ считал «начало соборности – началом братства», и это, по его мнению, основа возрождения приходов [48]. В 29 отзывах архиереи выступали за предоставление приходу прав юридического лица [49]. Совершенно особняком стояло мнение преосвященного екатеринбургского. Он считал, что необходимо перенесение прав церковной собственности на епископа [50].

По вопросу о праве прихода на избрание лиц церковного клира мнения разделились на две группы – в большинстве отзывов считали невозможным выбирать церковный клир, а меньшинство выступило за выборное начало [51]. Среди большинства из тех, кто был категорически против выборного начала, оказался епископ екатеринбургский. Он писал: «Выборное право можно возратить приходу только тогда, когда общины будут сильны духовною жизнью, обильны подвижниками благочестия и духовного самообразования» [52]. Из того меньшинства, которое считало необходимым выбирать духовенство и тем самым достигать единения прихода с клиром, духовенства с паствой, были епископы пермский и вятский [53], причем эти епископы разработали особые правила избрания и взаимоотношений сторон епископа, кандидата в приходские священники, избранного кандидата и прихожан [54].

Большинство епископов выступали за расширение приходских полномочий [55]. Епископ Екатеринбургский сделал особое предложение. Он считал, что приходскому Совету кроме права применения дисциплинарных наказаний епитимией должно быть предоставлено и право отлучения от церкви, которое прежде всего должно быть возвращено епископу» [56].

Преосвященные в своих отзывах подняли вопрос о недостаточном содержании духовенства [57]. Кто должен содержать духовенство: правительство (казна) или приход? Пермский епископ предложил следующее решение этого болезненного вопроса: «...приходы должны обеспечить жалованием свои причты путем обязательных “приходских сборов” или “самообложения”» [58]. Он также предложил среди немногих отменить цензуру на проповеди духовенства, поставив его в условия большей свободы и самостоятельности [59].

За отмену законов о приобретении церковью собственности и об отчуждении имущества выступили 24 архиерея, среди которых оказался и епископ пермский. Главными причинами этой отмены назвали «излишние хлопоты», «длительную переписку», что препятствует совершению сделки [60].

В девятом вопросе «О предметах веры: богослужении, единоверии, постах, пении, нотных сочинениях, молениях за инославных христиан» был большой простор для накопившихся предложений. Однако самой болезненной оказалась проблема, связанная с единоверче-

скими церквями особенно для уральских епархий, где в 1905 г. находилось 25% всех единоверческих церквей Российской империи. 31 октября 1905 г. на имя Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского) поступило прошение единоверцев города Санкт-Петербурга, в котором они сообщали, что в ноябре 1905 г. «единоверцы разных мест России» хотели бы обратиться в Святейший Синод с просьбой «о даровании единоверию единомысленного и по обряду епископа» [61]. Они просили Антония (Вадковского) ходатайствовать перед Святейшим Синодом и «от имени Св. Синода пред Государем Императором об учреждении единоверческого епископа». За документом следовало 148 подписей [62].

Пермский епископ и специально созданная «Пермская комиссия» написали отзыв относительно прошения единоверцев г. Санкт-Петербурга на имя Святейшего Синода о даровании единоверцам отдельного епископа с правами члена Святейшего Синода в лице преосвященного Антония (Храповицкого), епископа волынского [63]. В частности, в отзыве говорилось о необходимости оставить «ближайший надзор» единоверческих церквей за епархиальными архиереями, а для контроля и «ревизий» избрать архиерея при Святейшем Синоде «по единоверческим делам» [64].

Много внимания было уделено состоянию и преобразованию духовно-учебных заведений. 21 архиерей отметил, что коренным недостатком духовных семинарий и училищ является двойственность задач, стоящих перед ними: с одной стороны, они призваны воспитывать достойных кандидатов пастырского служения, а с другой – должны давать общее образование детям духовенства, хотя бы и не расположенным к церковному служению. Этого мнения придерживались и уральские иерархи: Иоаким (Оренбургская епархия), Никанор (Пермская епархия), Филарет (Вятская епархия) [65]. Они отмечали также, что многие воспитанники, получив духовное образование, не желают поступать на пастырскую службу, и даже, больше того, в их среде находят распространение антицерковные настроения [66]. Оренбургский епископ Иоаким (Левицкий) пытается это объяснить «рознью и неприязню между воспитателями и воспитанниками», а екатеринбургский епископ Владимир – «влиянием антирелигиозной пропаганды, легкой литературы, газет, журналов и т. п.» [67]. Большинство архиереев считали, что реформа должна быть произведена в духе Устава 1867 г. При этом Пермский епископ Никанор (Надеждин), наряду с 12 иерархами, ратовал за расширение общеобразовательного курса [68]. Епископ Вятский Филарет (Никольский) и епископ Екатеринбургский Владимир выступили с отдельными и особыми предложениями преобразования духовно-учебных заведений [69].

Вятский епископ Филарет (Никольский) разработал подробную программу отмены духовно-учебных заведений в том виде, в котором они существовали: «Современные духовно-учебные нужно заменить: а) уездными церковными школами с 5-летним курсом и б) епархиальным с 4-летним. Цель той и другой школы – приготовить пастырей Церкви, преданных своему делу и могущих дать ответ вопрошающему. Этою целью определяется их учебный и воспитательный строй. Каждая из них по своему учебному курсу представляет законченную степень образования. В курс той и другой школы наряду с предметами богословского характера входят и предметы общеобразовательные, причем в первой преобладают общеобразовательные, а в последней – богословские предметы. В уездные школы принимаются дети 11–13 лет, вполне удовлетворительно сдавшие экзамены по программе начальной школы, в епархиальные, кроме удовлетворительно окончивших курс в уездных школах, принимаются по экзамену по предметам уездной школы все желающие не моложе 16 лет и не старше 20» [70]. К проекту было приложено расписание [71].

В свою очередь екатеринбургский епископ Владимир отмечал: «Духовно-учебные заведения оцерковить нельзя ни переменной программ, ни тем менее частою сменою ректоров и инспекторов» [72]. Он предлагал: «Слить духовные училища и семинарию в одно десятиклассное учебное заведение» [73]. И в связи с этим, по его мнению, будет результат: «Это будет полезно для единства духа в начальствовании, обучении и воспитании. Цель такой школы – оцерковлять детей духовенства с малолетства, поставив их в благоприятные для этого условия. Учебный курс её не должен отличаться многопредметностью. Самое главное внимание в ней должно быть обращено на воспитание в строго-церковном духе. К реформе воспитания и должна, в сущности, сводиться вся предстоящая реформа духовно-учебных заведений» [74].

Удивительно не яркими и не позитивными были мысли иерархов по поводу реформы миссионерской деятельности [75]. Пермский епископ Никанор отметил необходимость епар-

хиальных и окружных миссионеров, причем полагал, что последних необходимо избирать приходскими священниками. Он отметил предпочтительность частных бесед в миссионерской деятельности и необходимость созвать особый собор – «Собор примирения», на котором пересмотреть отношения Церкви к старообрядцам и обрядам [76]. Оренбургский епископ высказал предупреждения по поводу усиливающийся исламизации края. Он, в частности, писал: «Для предупреждения татарской пропаганды и привития киргизам Оренбургской епархии мусульманского фанатизма, с коим чрезвычайно трудно бороться, и для сближения русских и киргиз необходима правительственная помощь миссии в виде материальных средств на школы, приюты, благотворительные учреждения для воспитания детей киргизских в духе русской гражданственности и веры православной» [77].

Если дать краткую общую характеристику отзывов именно уральских епископов, то здесь можно было увидеть большие различия.

Пермский вариант ответов отличался, прежде всего, тем, что епископ Никанор (Надеждин) по каждому из этих вопросов излагал не только собственное мнение, но и созывал специальные комиссии, которые составляли свои проекты. Отзыв от Пермской епархии состоял из четырех разделов:

1. По вопросу о реформе церковного суда.
2. По устройству прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношениях.
3. По вопросу о епархиальных съездах духовенства.
4. По церковно-школьному делу.

Пермский епископ подверг резкой критике современное ему состояние церковного судопроизводства и призвал создать четкий кодекс церковных и гражданских законов, которые касаются юрисдикции церковного суда. Епископ Никанор (Надеждин) полагает, что в основе преобразований должны лежать принципы судебной реформы 1864 г., которые, по его мнению, «во многих отношениях напоминают собою судебную практику первых веков христианства» [78]. Говоря об устройстве прихода, епископ Никанор (Надеждин) прежде всего отмечал: «Церковный приход должен ведать всеми делами приходской жизни как в хозяйственном, так и в религиозно-нравственном отношении» [79]. По мнению пермского духовенства и епископа Никанора (Надеждина), епархиальные съезды должны созываться ежегодно в епархиальном городе на 10 дней и более. За 1–2 месяца составляется программа вопросов, которые «оглашаются» через печать. Руководство съездом поручается архиерею или викарию. Заседания проходят под председательством избираемого из состава депутатов председателя. Отмечалось, что «состав епархиального съезда избирается из духовенства епархии по выборному началу и из мирян – по желанию последних» [80].

Самые горячие споры разгорелись среди пермского духовенства по церковно-школьному вопросу. Специально созданная комиссия, рассмотревшая этот вопрос, пришла к выводу, что церковная школа необходима, и она должна быть общинной (приходской). Комиссия считала, что прежнее деление церковных школ желательно уничтожить и «признать за нормальный тип церковной школы – школу церковно-приходскую» [81]. Здесь речь шла, прежде всего, о ликвидации школ грамоты.

Отзыв епископа Вятского и Слободского Филарета (Никольского) был разделен на три раздела: 1) О благоустройстве прихода в религиозно-нравственном, просветительном и благотворительном отношении; 2) Об органах епархиального управления и суда: об епархиальных съездах; 3) О церковном суде. Вятский епископ был решительным сторонником «автономного» прихода с правом юридического лица [82]. Он также дал отрицательную характеристику епархиальных учреждений, отмечая четыре недостатка: «полнейшая замкнутость»; «канцелярская волокита»; «неопределенное положение» и «отсутствие единства» [83]. Радикальной мерой, направленной на искоренение этих недостатков, епископ видел **гласность**. Если кратко сформулировать все требования вятского епископа к реформе церковного суда, то они сводились к следующему: «По каноническим требованиям, судьями в церкви должны быть епископы...» [84].

У Оренбургского епископа Иоакима (Левицкого) в отзыве было пять разделов: 1) Состав Поместного всероссийского собора; 2) О восстановлении патриаршества; 3) Патриарший Синод; 4) Церковно-приходское управление; 5) Отношение православной церкви к иноверцам [85]. Выступая за то чтобы собор состоял из одних епископов, Иоаким допускал

участие священников или как представителей «вдовствующей кафедры», или в качестве советников – «ученых канонистов». Оренбургский епископ ратовал за восстановление патриаршества и в связи с этим писал: «Соборно-патриаршая форма церковного устройства представляет собою наиболее совершенную форму организации высшего поместного церковного управления, выработанную на чисто-церковной почве, путем долгого жизненного опыта» [86]. При этом роль Синода, который епископ Иоаким (Левицкий) называл «патриаршим», также значительно повышалась, по его мнению, он должен был иметь «двойное значение» как исполнительный орган Поместного собора и в то же время «канонического» меньшего собора всех иерархов поместной церкви [87]. Чтобы Синод стал «собранием епископов», Иоаким (Левицкий) предлагал изменить сам способ назначения его членов. Синод состоял, по его проекту, из постоянных (6) и «переменных» (6) членов, которые бы заседали в течение полугода, в результате за 6–7 лет все епархиальные епископы получили бы возможность стать членом Синода [88]. Особое внимание оренбургский епископ уделил приходской реформе и призвал на помощь инородческой миссии.

По сути, Уфимский епископ Христофор (Смирнов) в своем проекте церковных преобразований ратует за отделение церкви от государства. Первоначально он обрушивается с критикой на синодальный период в истории русской православной церкви: «В двухвековой период синодального управления Церковь русская управлялась не столько канонами вселенской Церкви, сколько Регламентом, составленным одним лицом, без уполномочия собора и указами Св. Синода, большею частью – по предложениям обер-прокуроров разных направлений и взглядов, и циркулярными распоряжениями последних, отражавшими не столько действительные потребности Церкви, сколько желания Правительства и самих обер-прокуроров» [89]. В связи с этим уфимский епископ предлагал вообще отменить существующее церковное управление, как центральное, так и местное. Он выступил за выборное начало в церкви снизу доверху, то есть начиная с прихода и заканчивая патриархом. Кратко основные идеи своего проекта он сформулировал в одной фразе: «...все это требует, чтобы в основу церкви положено было соборное начало, одушевленное идеею братства во Христе, с патриархом во главе» [90].

В отзыве екатеринбургского епископа не было разделов, сплошной текст, это самое длинное сочинение из всех уральских проектов. Екатеринбургский епископ Владимир (Соколовский) писал, что ещё в прошлом веке «религиозное мое сознание пришло <...> в ужас от несоответствия идеала церковности с действительностью» [91]. Он служил в Северной Америке, был в Оренбургской епархии. Чем же возмущала епископа Владимира (Соколовского) «нецерковная действительность»? Он так отвечает на этот вопрос: «...теплохладность обрядовой религиозности, формалистика епархиального и духовно-школьного управления, безжалостность к голодным духовно-народным массам в России <...> Под видом внешнего покровительства св. Церкви, в России давно уже проявлялось у многих наших государственных людей едва скрываемое недоброжелательство к ней. <...> Государственные люди, пользуясь непротивлением Церкви, в продолжении двух столетий со своей мирской точки зрения опекали ее так успешно, что Церковь у нас почти обезличилась, почти потеряла нравственный авторитет и религиозную свою власть над образованными классами» [92]. Его проект реформ стоит особняком по сравнению с другими, его можно смело признать самым радикальным из всех представленных.

Таким образом, в проектировании церковного будущего уральские иерархи и духовенство уральских епархий приняли заинтересованное и активное участие. Следует отметить, что в Вятской, Оренбургской и Пермской епархиях были созданы комиссии из представителей священноцерковнослужителей – и обсуждение проектов церковных преобразований стало публичным. При этом по некоторым вопросам мнение епархиальных владык не совпадало с мнением членов комиссий, о чем указывалось в отзывах. В двух других епархиях: Екатеринбургской и Уфимской – проекты носили, если так можно выразиться, авторский характер и принадлежали епископам, то есть не отражали мнения большинства. Однако именно это обстоятельство привело к тому, что точки зрения екатеринбургского и уфимского епископов оказались самыми оригинальными и радикальными, что отражало мнения части епископата, настроенного решительно на кардинальные изменения существующей ситуации. Наиболее взвешенными и содержательными проектами оказались вятский и пермский. Необходимо отметить, что они легли в основу будущих решений предсоборных комиссий. Именно с этих «забытых» проектов церковных реформ и начался процесс реформирования церкви в изменяющихся новых российских реалиях.

Примечания

1. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2002. С. 193–215.
2. *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть (очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 годов). Т. 1. М.: Рус. реклам. изд-во, 1998. С. 73–78; Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. мит. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка: Буквица, 2007. С. 312–313; *Фирсов С. Л.* Указ. соч. С. 175–192.
3. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 1 раздел. О составе Собора. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.
4. Там же. С. 3.
5. Там же. С. 1.
6. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский (См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. 26 авг. С. 2466–2478.). С. 2468.
7. Там же. С. 2468.
8. Там же.
9. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 1 раздел. О составе Собора. С. 3.
10. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский. С. 2468.
11. Там же.
12. Там же.
13. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 2 раздел. Обзор мнений епархиальных преосвященных по вопросу о разделении России на церковные округа. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.
14. Там же. С. 2.
15. Там же. С. 14.
16. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский. С. 2469–2470.
17. Там же. С. 2470.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же. С. 2469–2470.
21. Там же. С. 2470.
22. Там же.
23. Там же.
24. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 3 раздел. О преобразовании церковного управления в России. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 13.
25. Там же. С. 22.
26. Там же. С. 13.
27. Там же. С. 17–18.
28. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский. С. 2470–2471.
29. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 3 раздел. О преобразовании церковного управления в России. С. 27.
30. Там же. С. 35
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же.
34. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 4 раздел. О преобразовании церковного суда и о пересмотре законов по делам брачным. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 15.
35. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 5 раздел. Об епархиальных съездах. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.
36. Там же. С. 1.
37. Там же. С. 3.
38. Там же.
39. Там же. С. 11–12.
40. Там же. С. 3.
41. Там же. С. 11–12.
42. Там же. С. 12.
43. Там же. С. 14.
44. Там же. С. 14–15.
45. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 6 раздел. Об участии в общественных учреждениях. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.

46. Там же. С. 17.
47. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 7 раздел. О благоустройении прихода. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.
48. Там же.
49. Там же. С. 2–4.
50. Там же. С. 3–4.
51. Там же. С. 8–13.
52. Там же. С. 9.
53. Там же. С. 11.
54. Там же.
55. Там же. С. 15–17.
56. Там же. С. 16.
57. Там же. С. 17–19.
58. Там же. С. 18.
59. Там же. С. 19.
60. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 8 раздел. О порядке приобретения церковью собственности. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1.
61. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 9 раздел. О предметах веры: богослужении, единоверии, постах, пении, нотных сочинениях, молениях за инославных христиан. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 29–31.
62. Там же.
63. Там же. С. 31–32.
64. Там же.
65. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 10 раздел. О преобразовании духовно-учебных заведений. С. 1.
66. Там же.
67. Там же. С. 2.
68. Там же.
69. Там же. С. 15–16.
70. Там же. С. 15.
71. Там же.
72. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский. С. 2477–2478.
73. Там же. С. 2478.
74. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 10 раздел. О преобразовании духовно-учебных заведений. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 16.
75. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. 11 раздел. О миссии. СПб.: Синодальная тип., 1906. С. 1–7.
76. Там же. С. 3–4.
77. Там же. С. 6.
78. № 36. Никанор, епископ Пермский (См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. 6 мая. С. 1081–1088.) С. 1082–1083.
79. Там же. С. 1083.
80. Там же. С. 1087.
81. Там же. С. 1088.
82. № 41. Филарет, епископ Вятский (См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. 12 авг. С. 2413–2418.) С. 2413–2415.
83. Там же. С. 2415–2416.
84. Там же. С. 2417.
85. № 28. Иоаким, епископ Оренбургский и Уральский (См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. 15 апр. С. 800–804.) С. 800–804.
86. Там же. С. 800.
87. Там же. С. 801.
88. Там же.
89. № 25. Христофор, епископ Уфимский и Мензелинский (См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. 1 апр. С. 702–708.) С. 702.
90. Там же. С. 703.
91. № 43. Владимир, епископ екатеринбургский. С. 2466.
92. Там же. С. 2467.

Notes

1. Firsov S. L. *Russkaya T'Serkov' nakanune peremen (konets 1890 h – 1918 g.)* [Russian Church on the eve of changes (the end 1890 x – 1918)]. Moscow: Cultural center «*Duhovnaya Biblioteka*», 2002. Pp. 193-215.
2. Bychkov S. *Russkaya T'Serkov' i imperatorskaya vlast' (oчерki po istorii Pravoslavnoj Rossijskoj T'Serkvi 1900–1917 godov)* [Russian Church and the imperial power (sketches on stories of Orthodox Russian Church of 1900-1917)]. Vol. 1. Moscow: Russian advertising publishing house, 1998. Pp. 73-78; *Oчерki istorii Vyatskoj eparhii (1657–2007): 350 let Vyatskoj eparhii* [Sketches of history of the Vyatka diocese (1657–2007): 350 years of the Vyatka diocese] / under a general edition of Metropolitan of Vyatka and Slobodskoy Hrisanf. Vyatka: Bukvitsa, 2007. Pp. 312-313; Firsov S. L. Spec. work. Pp. 175-192.
3. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 1. About Cathedral structure. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
4. Ibid. P. 3.
5. Ibid. P. 1.
6. No. 43. Vladimir, the bishop of Ekaterinburg (See: Additions to Church sheets. 1906. August, 26. Pp. 2466-2478). P. 2468.
7. Ibid. P. 2468.
8. Ibid.
9. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 1. About Cathedral structure. P. 3. (in Russ.)
10. No. 43. Vladimir, bishop of Ekaterinburg. P. 2468.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 2. The review of opinions of diocesan pontiffs on the issue of division of Russia on church districts. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
14. Ibid. P. 2.
15. Ibid. P. 14.
16. No. 43. Vladimir, bishop of Ekaterinburg. Pp. 2469-240.
17. Ibid. P. 2470.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid. Pp. 2469-2470.
21. Ibid. P. 2470.
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 3. About transformation of church management in Russia. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 13. (in Russ.)
25. Ibid. P. 22.
26. Ibid. P. 13.
27. Ibid. P. 17-18.
28. No. 43. Vladimir, bishop of Ekaterinburg. Pp. 2470-2471.
29. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 3. About transformation of church management in Russia. P. 27. (in Russ.)
30. Ibid. P. 35
31. Ibid.
32. Ibid.
33. Ibid.
34. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 4. About transformation of church court and about revision of laws on marriage affairs. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 15. (in Russ.)
35. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 5. About diocesan congresses. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
36. Ibid. P. 1.
37. Ibid. P. 3.
38. Ibid.
39. Ibid. Pp. 11-12.
40. Ibid. P. 3.
41. Ibid. P. 11-12.
42. Ibid. P. 12.
43. Ibid. P. 14.
44. Ibid. P. 14-15.

45. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 6. About participation in public institutions. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
46. In the same place. P. 17.
47. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 7. About parish improvement. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
48. Ibid.
49. Ibid. P. 2-4.
50. Ibid. P. 3-4.
51. Ibid. P. 8-13.
52. Ibid. P. 9.
53. Ibid. P. 11.
54. Ibid.
55. Ibid. Pp. 15-17.
56. Ibid. P. 16.
57. Ibid. P. 17-19.
58. Ibid. P. 18.
59. Ibid. P. 19.
60. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 8. About acquisition by property church. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 1. (in Russ.)
61. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 9. About belief subjects: church service, community of religion, fasts, singing, musical compositions, prayers for the non-Orthodox of Christians. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. Pp. 29-31. (in Russ.)
62. Ibid.
63. Ibid. P. 31-32.
64. Ibid.
65. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 10. About transformation of spiritually educational institutions. P. 1. (in Russ.)
66. Ibid.
67. Ibid. P. 2.
68. Ibid.
69. Ibid. Pp. 15-16.
70. Ibid. P. 15.
71. Ibid.
72. No. 43. Vladimir, bishop of Ekaterinburg. Pp. 2477-2478.
73. Ibid. P. 2478.
74. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 10. About transformation of spiritually educational institutions. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. P. 16.
75. Reports of responses of diocesan pontiffs concerning church reform. Section 11. About mission. Saint-Petersburg: Synod typography. 1906. Pp. 1-7.
76. Ibid. Pp. 3-4.
77. Ibid. P. 6.
78. No. 36. Nicanor, the bishop of Perm (See: Additions to Tserkkovkny sheets. 1906. May 6. Pp. 1081-1088.) Pp. 1082-1083. (in Russ)
79. Ibid. P. 1083.
80. Ibid. P. 1087.
81. Ibid. P. 1088.
82. No. 41. Philaret, the bishop of Vyatka (See: Additions to Church sheets. 1906. 12 Aug. Page 2413-2418.) Pp. 2413-2415. In Rus.
83. Ibid. P. 2415-2416.
84. Ibid. P. 2417.
85. No. 28. Joaquim, the bishop of Orenburg and Ural (See: Pribavleniya to Church sheets. 1906. 15 Apr. Pp. 800-804.) Pp. 800-804.
86. Ibid. P. 800.
87. Ibid. P. 801.
88. Ibid.
89. No. 25. Hristofor, the bishop of Ufimsk and Menzelinsk (See: Pribavleniya to Church sheets. 1906. 1 Apr. Pp. 702-708.) P. 702.
90. Ibid. P. 703.
91. No. 43. Vladimir, bishop of Ekaterinburg. P. 2466.
92. Ibid. P. 2467.

Пропагандистская и агитационная деятельность в Вятской губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг.

В статье предпринята попытка первоначального обобщающего анализа пропагандистской и агитационной деятельности революционных и реакционных сил в Вятской губернии в период Первой российской революции 1905–1907 гг. Рассматриваются особенности создания агитационной сети в губернии и методы распространения различных пропагандистских материалов. Особое внимание уделяется методам работы жандармского управления в Вятке этого периода, а также реакции основных слоёв населения на ведение политической пропаганды. Используются материалы Канцелярии вятского губернатора (ГАКО. Ф. 582), Вятского губернского жандармского управления (ГАКО, Ф. 714), прокурора Вятской губернии (ГАКО. Ф. 33), памятной книжки Вятской губернии и календаря на 1905 г., различных справочных и энциклопедических изданий, а также научно-популярной литературы.

The article attempts to analyze the initial synthesis of propaganda and agitation activities of the reactionary forces in Vyatka Province during the First Russian Revolution of 1905–1907 years. Peculiarities of creating propaganda network in the province and various methods of distribution of promotional materials. Particular attention is given to methods of gendarmerie in Vyatka this period, as well as major reaction sections of the population to conduct political propaganda. Used materials from the Office of the Governor of Vyatka (GAKO. F. 582), Vjatskogo provincial gendarmerie (GAKO. F. 714), Attorney Vyatka province (GAKO. F. 33), a commemorative book Vyatka province and calendar for 1905, the various reference and encyclopaedias, as well as non-fiction.

Ключевые слова: Пропаганда, агитация, политическая пропаганда, гектограф, социально-классовая составляющая, рабочий класс, агитационные материалы, методы распространения, земства, интеллигенция.

Keywords: Propaganda, campaigning, political propaganda, hectograph, social-class component, working class, agitation materials, distribution methods, zemstvo, intellectuals.

Пропаганда как инструмент распространения влияния на массы или узконаправленный круг лиц играла важную роль в формировании политических сил. Яркой иллюстрацией этого стала Первая российская революция 1905–1907 гг., которая являлась проверкой на прочность для многих политических партий того времени. Революционно-демократические, либерально-оппозиционные и правительственные партии боролись за своих приверженцев и пытались увеличить своё влияние.

В словарно-справочной литературе представлено несколько вариантов определений терминологических понятий «пропаганда» и «агитация». В статье мы опираемся на определения семантически близких терминов, приведённые в Большом энциклопедическом словаре.

«Пропаганда (от лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле – политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определённых взглядов» [1].

«Агитация (от лат. *agitation* – приведение в движение, побуждение к чему-либо) – распространение идей для воздействия на сознание, настроение, общественную активность масс с помощью устных выступлений, средств массовой информации. Тесно связана с пропагандой» [2].

Тема пропаганды революционных и контрреволюционных идей в период Первой российской революции 1905–1907 гг., несмотря на свою важность и актуальность, остаётся не до конца изученной. В трудах местных историков (А. А. Папырина [3], Ю. А. Балыбердин [4], Е. С. Садырина [5] и др.) тема пропаганды рассматривается как составная часть революционной борьбы, а не как отдельный предмет исследования.

В период Первой российской революции различными обществами и организациями среди населения велась в первую очередь пропаганда политическая.

Такой вид пропаганды – это систематически осуществляемые усилия, способные повлиять на сознание индивидов, групп, общества для достижения определённого, заранее намеченного результата в области политического действия. Правящие круги и стремящиеся их заменить силы, утверждая собственные интересы, должны всё время выступать от имени общества в целом как его реальные либо потенциальные, но подлинные лидеры, поэтому они повседневно вынуждены убеждать других видеть в себе наиболее последовательных выразителей их интересов. Политическая пропаганда оказывается тем самым всеобщим инструментом политической жизни, её неотъемлемой стороной, значение которой особенно возрастает в переломные моменты жизни общества [6].

Также необходимо учитывать социально-классовую составляющую того или иного региона. Так, в Вятской губернии по переписи 1897 г. постоянного населения насчитывалось 3 083 123 человек [7]. К дворянам потомственным и личным относилось 10 007, к духовенству – 13 912, купцам – 2 889, мещанам – 52 913, крестьянам – 2 945 109, остальных сословий – 5 889, а также иностранных подданных – 112 [8]. Эти цифры свидетельствуют о том, что сформированного, «независимого» класса рабочих не существовало. Работа на различных предприятиях и мануфактурах считалась сторонним заработком и зачастую была сезонна.

Пропагандирование различных идей среди населения было своеобразным и, порой, непростым занятием по нескольким причинам:

1. Необходимость создания костяка местных ячеек партий на основе социально-классовых особенностей региона. Преобладание крестьянства в Вятской губернии определяло кадровую политику партий. К тому же существовала необходимость в привлечении образованных революционеров, что не всегда представлялось возможным.

2. Умение менять содержание агитационных материалов в зависимости от политических событий и классовых потребностей. Одним из ярчайших примеров революционной пропаганды стало опубликование Манифеста 17 октября 1905 г. Наряду с образованием партии октябристов, РСДРП, в свою очередь, преподносило это событие как государственный обман и закабаление рабоче-крестьянских классов.

3. Методы распространения. В связи со слаборазвитостью инфраструктуры «политики» были вынуждены искать эффективные пути к распространению пропаганды. Порой использовались поезда станций Пермь – Котласской, из окон которых разбрасывались листовки и прокламации по пути следования составов.

4. Выбор региона для ведения пропаганды и анализ его социально-экономических особенностей. Наряду с социально-классовой однородностью присутствовали регионы, отличные от большинства. Такими можно назвать Белую Холуницу, Ижевск, Малмыж и др.

Революционные процессы в стране заделали все слои населения. Сочувствующие революционерам, консерваторам или другим «политикам» находились везде. Агитационная деятельность проводилась в различных социальных кругах и организациях. В противоправительственной деятельности участвовали представители творческой интеллигенции, даже духовенство. Так, выступление театральной труппы в городе Вятке закончилось возбуждением уголовного дела.

3 августа 1905 г. в городском театре любителями драматического искусства под распоряжением Н. Красовского был дан спектакль-концерт в пользу бедного семейства Ивановой. В первом отделении прошло театральное представление пьесы «Красный цветок» по сценарию Щеглова. Второе отделение состояло из концерта.

В концертном отделении, помимо разрешённой программы, были зачитаны стихи «Вперёд, без страха, свинья», носящие революционный характер, в которых выражался призыв к активной борьбе для достижения целей революции. Кроме того, перед началом спектакля продавались программы с изображением рисунка «свободы», и, как впоследствии было установлено, программы эти были сфотографированы будто бы в квартире распорядителя Красовского.

По окончании спектакля-концерта, в период времени, назначенного для танцев, студенты под руководством врача Шубина на верхнем этаже театра в закрытом отделении пели нелегальные студенческие песни, как то: «Солнце всходит и заходит», «Нагаечка». Тем не менее дело было закрыто «за отсутствием в исследуемом событии состава преступления» [9].

Согласно рапорту № 101 от 30 ноября 1905 г., в пропаганде обвинялся представитель духовенства. Священник села Александровского Поломской волости отец А. Фёдоров 23 ноября 1905 г., с амвона произнося речь, как бы между прочим говорил, что «мы теперь нажили свободу, значит кто что хочет, тот то делай и говори, кто в какую веру хочет веро-

вать – в ту и веруй, что раньше министры и губернаторы обременяли мужиков, взыскивали напрасно деньги – они их съедали, теперь же восстали образованные люди, которые хотят устроить порядок, что они все барские земли отберут и разделят по крестьянам, что ранее цари были разные – плохие и хорошие, так и ныне – наш государь хотя и плох, а всё таки царь». Уже 27 ноября упомянутый священник Фёдоров вместе с нолинским мещанином В. Булановым и с группой сочувствующих пришли в земскую школу, где Буланов начал вести противоправительственную агитацию, но учительница А. Двиняникова продолжать собрание не разрешила. Тогда все пошли в дом священника, где Фёдоров убеждал народ в том, что «если по деревням пойдут студенты с листками, то этих студентов бы слушали, что земских и полицию надо бить до смерти, к чему он, священник, благословляет» [10].

Таким образом, революционные силы в своём составе были неоднородны и различались как по классовой принадлежности, так и по материальному благосостоянию.

Печатание прокламаций и их копирование в начале XX в. производилось при помощи гектографических аппаратов. Именно этот способ пропагандирования идей стал одним из самых массовых.

Сам прибор имел множество названий – автограф, мультиграф, полиграф, шапирограф... Самое распространённое – гектограф, что в переводе с греческого языка означает «сто раз пишу». Согласно Большой Советской Энциклопедии, придумал его русский изобретатель М. И. Алисов в 1869 г. Запатентованный им прибор мог давать до 150 копий текста или рисунка. Все необходимые материалы для этого можно было свободно купить в аптеке любого уездного города и легко собрать аппарат.

Первыми после патентного ведомства оценили преимущества гектографа многочисленные подпольные кружки революционеров-пропагандистов. Они печатали на нем не только листовки и прокламации, но и целые брошюры. Это было и дешевле содержания подпольных типографий, и безопаснее – уничтожить при необходимости гектограф было делом минуты. Власти спохватились и ввели уголовную ответственность за «незаконное изготовление и хранение гектографов без соответствующего на то разрешения». Но рецепт в то время был широко известен, и гектографы верно служили революционерам, особенно молодёжи, вплоть до февральской революции [11].

Устройство приспособления было достаточно простым. Обыкновенная кювета из металла или фаянса размером чуть больше листа писчей бумаги. Она заполнялась студенистой массой, приготовленной из желатина. На её поверхность накладывали написанный чернилами оригинал, прокатывали валиком, а затем снимали. Большая часть чернил прилипла к поверхности массы. Затем на неё накладывался чистый лист, прокатывался валиком – и копия была готова [12].

Наглядным примером производства, распространения, агитирования и методами борьбы с деятельностью «политиков» является дело о «...распространении прокламаций в районе Верхосунской земской фермы» за 1905 г.

В нём сообщается, что полицейский урядник 16 участка Лекомцев был командирован в Верхосунскую волость. Ему было запрещено записывать что-либо, но указывать на знакомых ему подозреваемых он мог. Под предлогом украденной лошади он стал выяснять обстоятельства распространения прокламаций.

Солдат деревни Агафоненки рассказал Лекомцеву о другом сослуживце Тихоне, который занимался чтением прокламаций и газет своим соседям. Начальству он выдаёт прокламации за найденные, а вот газеты он укрывал. Следующие тезисы солдат выделял для слушателей на своих «чтениях»:

- 1) «Что министры украли 24 миллиона».
- 2) «О свободе для рабочих».
- 3) «Что войну и царя не нужно, власть царя дадут выбирать хорошего человека на один год, как в других государствах».
- 4) «Что когда цари дадут выборных, подати крестьяне платить не будут».
- 5) «Что выданный крестьянам в ссуду хлеб прощён по Манифесту, а чиновники взыскивают за него деньги».

Солдат не рассказал о том, откуда Тихон брал книги и другую литературу, но обмолвился об управляющем фермы, который ездил в Вятку не только по работе, но и для «обсуждения написанного в прокламациях». Чтобы выяснить источник запрещённой литературы, к

Тихону 10 марта отправили двух урядников 10-го (Барамзин) и 15-го (Гусев) участков соответственно под видом солдат, отпущенных с Дальневосточного фронта домой «для поправления здоровья». Переодетые урядники показали Тихону бумагу, «найденную» по пути в деревню. Тихон, развернув её, сказал о том, что прочитать не может по причине плохо написанного текста, и уточнил, что «в Верхосунской волости находят много таких бумаг». Также было сказано о сельском старосте, который приносил Тихону эту же бумагу.

Стоит отметить, что в деле упоминается два случая того, когда задержанных отпускали потому, что урядники их «хорошо знали». Тем не менее были найдены обвиняемые в распространении – староста Г. Чунин, практикант на ферме Швалев, ученики Верхочунской фермы Н. Рылова, С. Рылова, В. Перевозчикова, А. Городилова, И. Рылова. Но дело было закрыто за недостаточностью улик [13].

Местное население, как правило, относилось настороженно или враждебно к агитаторам-политикам. Так, рапорте № 2 от 16 июля 1905 г. сообщается о неизвестном тайном обществе, задачами которого являлась невыплата податей и косвенных налогов. Сформировано оно было после приезда 9 июля 1905 г. двух студентов из г. Вятки в Селезнёвскую волость Вятского уезда. Члены общества занимались чтением легальной и нелегальной литературы, пением революционных текстов на встречах в лесах, пропагандой политических идей с угрозами расправы в случае распространения информации об этом обществе.

Крестьяне соседних к деревне Селезнёвской населённых пунктов восприняли происходящие события враждебно: в Дымковской, Злыдневской, Лебедновской, Мерзляковской деревнях жители установили добровольный усиленный караул и не пропускали крестьян из Селезней и Кокарской деревень, угрожая при появлении в своих населённых пунктах избить или же вовсе убить [14].

Итак, в период Первой российской революции политические силы активно вели агитационную и пропагандистскую деятельность, используя для этого прокламации и листовки. При этом большая часть населения Вятской губернии не поддерживала революционеров и препятствовала распространению различных политических взглядов.

Примечания

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 2-е. СПб., 1999. С. 967.
2. Там же. С. 16.
3. Папырина А. А. Крестьянское движение в Вятской губернии в революцию 1905–1907 гг. Киров: Киров. кн. изд-во, 1958.
4. Балыбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). М., 2005.
5. Садырина Е. С., Прежесмыцкая М. А., Россохина М. М. Листовки Вятского большевистского комитета РСДРП 1903–1917 гг. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1975.
6. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю. И. Аверьянова. М., 1993. С. 320.
7. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г. Л. 22.
8. Там же. Л. 24.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 818. Л. 2.
10. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 119. Л. 347.
11. ЮТ «Для умелых рук» № 8. Приложение к журналу «Юный техник». М., 1990. С. 13.
12. Там же.
13. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 929. Всё дело.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 146. Д. 174. Л. 1.

Notes

1. *Bol'shoy entsiklopedicheskij slovar'* [Big encyclopedic dictionary]/head edition of A. M. Prokhorov. Ed. 2. Saint-Petersburg. 1999. P. 967.
2. Ibid. P. 16.
3. Papyrina A. A. *Krest'yanskoe dvizhenie v Vyatskoj gubernii v revolyutsiyu 1905–1907 gg.* [Country movement in the Vyatka province in revolution of 1905-1907] Kirov: Kirov. book publ., 1958.
4. Balyberdin Yu. A. *Obshchestvenno politicheskaya zhizn' v Vyatsko Kam-skom regione v nachale XX veka (1900–1914 gody)*[Obshchestvenno political life in Vyatsko-Kamsky region at the beginning of the XX century (1900-1914)]. Moscow. 2005.
5. Sadyrina E. S., Prezhesmytskaya M. A., Rossokhin M. M. *Listovki Vyat-skogo bol'shevistskogo komiteta RSDRP 1903–1917 gg.* [Leaflets of the RSDRP Vyatsky Bolshevik committee of 1903-1917.] Kirov: Volgo-Vyatsky book publ. 1975.

6. *Politologiya. Entsiklopedicheskij slovar'* [Political science. The encyclopedic dictionary] / under the editorship of Yu. I. Averyanov. Moscow. 1993. P. 320.
7. The memorable book of the Vyatka province and calendar for 1905. Sh. 22. (in Russ.)
8. Ibid. Sh. 24.
9. State Archive of the Kirov Region. Vol. 33. F. 1.818. Sh. 2.
10. State Archive of the Kirov Region. Vol. 714. F. 1.119. Sh. 347.
11. YuT «*Dlya umelyh ruk*» ["For Skilful Hands"] No. 8. Annex to the magazine «*YUnyj tekhnik*» [Young Technician]. Moscow. 1990. P. 13.
12. Ibid.
13. State Archive of the Kirov Region. Vol. 33. F. 2 F 929. The whole file.
14. State Archive of the Kirov Region. Vol. 582. F. 146. 174. Sh. 1.

УДК 327

И. З. Герштейн

Фактор мессианизма во внешней политике СССР

В данной статье рассматривается эволюция концептуальных основ внешней политики Советского государства от классовой мессианистской к национально-государственной, а затем к либеральной мессианистской. Согласно марксистской теории, в коммунистическом обществе государство отмирает. В реальности советское государство стало основным гарантом поступательного развития общества, это привело к постепенному отказу от классовой парадигмы в пользу национальной. Важным фактором стала международная обстановка, неготовность других стран принять «мировую революцию». Вторая мировая война была выиграна под национальными лозунгами, ретушированными коммунистической идеей. Впоследствии внутренние и внешние факторы заставили советское правительство вернуться к мессианизму, только не классовому, а либеральному. Автор анализирует зависимость эффективности внешней политики от приверженности к тем или иным базовым концептам.

In this article consider the evolution of the conceptual basis of foreign policy soviet state from class-messianic character of doctrine, to nation-state, next to liberal-messianic character their evolution. The State disappears under situations of communist society according to Marxist theory. In reality the Soviet state became the main guarantor of the progressive development society, It lead to gradual renunciation of class paradigm and transition to national one. International situation is important factor; the most countries were unready to "world revolution". The Second World War was win under national slogan masked by communist idea. Later internal and external factors forced the soviet government return to liberal Mechanism but not class Mechanism. Author analysis dependence efficacy of foreign policy of devotion either, one or another doctrine.

Ключевые слова: мессианизм, внешняя политика СССР, концептуальные основы внешней политики, национально-государственные интересы.

Keywords: mechanism, foreign policy of USSR, conceptual basis of foreign policy, national-state interests.

Мессианизм (мессианство) – историко-социологическая концепция, отводящая тому или другому народу исключительную, ведущую роль в историческом процессе (мессианизм национальный) [1]. В истории советского государства этот фактор сыграл важнейшую роль. Внешняя политика советского государства с момента его создания базировалась на мессианских идеях. Изначально советский мессианизм носил не национальный, а классовый характер. Уже в «Декрете о мире» советское правительство обращалось не только к руководству воюющих держав, но и к их рабочему классу, намекая на необходимость мировой революции: «Временное Рабочее и Крестьянское Правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств; Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма... поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие все-

сторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и имеее с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации» [2].

Первым итогом подобных мессианистских усилий становится Брест-Литовский мирный договор [3], один из самых «черных» и позорных документов в истории советской дипломатии. Бурная и негативная реакция российского общества на это соглашение наглядно показала его неготовность жертвовать национальными интересами во имя классовых.

Идея о неизбежности скорой мировой революции привела к созданию специальной структуры для координации действий мирового коммунистического движения – Коминтерна. На первом заседании учредительного съезда Коммунистического Интернационала 2 марта 1919 г. В. И. Ленин торжественно заявил: «...не только в России, но и в наиболее развитых капиталистических странах Европы, как, например, в Германии, Гражданская война стала фактом...» [4] – и провозгласил, что «победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена» [5].

Выпущенный по итогам конгресса «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира» заканчивался призывом: «Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистского варварства, против монархии, против привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового или национального гнета – объединяйтесь!»

Под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем III Интернационала, – пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [6]

Учитывая тот факт, что на момент первого конгресса Коминтерна относительно уверенные позиции советская власть имела только в России, данный призыв можно было бы расценить как претензию на мировое лидерство, если не принимать во внимание классового мессианизма тогдашнего российского правительства.

В самой России интервенция иностранных государств, «помощь» Антанты в борьбе с большевизмом вынудили советское правительство внести первые, еле заметные ростки национальной идеи в свою мессианистскую классово-интернациональную концепцию. Последняя господствовала в качестве действующей концепции советской внешней политики до советско-польской войны, когда волшебная тень мировой революции еще маячила перед советскими лидерами. В обращении «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России», выпущенном в апреле 1920 г. после провала советско-польских переговоров, классовые и национальные аргументы были тесно переплетены. Однако утверждение, что «после разгрома банд Пилсудского независимость Польши останется для нас неприкосновенной. С польским пролетариатом и польским крестьянством, которые станут полными хозяевами своей страны, мы без труда установим братский союз. Только общий нам шляхетско-буржуазный враг разделяет нас» [7], подтверждает приоритет классово-мессианистской идеи во внешней политике советского правительства на тот момент. В таком же тоне выстроено и «Обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к рабочим, крестьянам и солдатам Польши» от 7 мая 1920 г.: «Разгромив ваших панов, Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки – это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне» [8]. Едва вернувший свой суверенитет польский народ решительно сделал свой выбор в пользу национальных, а не классовых ориентиров, и нанес серьезный удар по концепциям пролетарского мессианизма.

После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции спор о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране стал одной из главных тем внутрипартийных дискуссий. Эта полемика имела два значения – с одной стороны, выбор модели национально-государственной идентичности [9]; с другой – выбор парадигмы внешней политики советского государства. Можно условно выделить две группы внутри партии: «националистов» и «интернационалистов». Интернационалистов возглавлял Л. Д. Троцкий, «националистов» – И. В. Сталин. По мере того как перспектива мировой революции становилась все более и более призрачной, приоритет построения нового, советского, государства в России оказывался все более очевидным. Укреплялись позиции И. В. Сталина. В 1924 г., в речи на смерть В. И. Ленина, он говорил не только о «необходимости добровольного союза народов нашей страны...

братского их сотрудничества в рамках Союза Республик» [10], но и о том, что «Ленин никогда не смотрел на республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом» [11]. Однако вскоре в том же 1924 г. он пишет: «Победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, – вполне возможна и вероятна» [12]. Троцкий исходил из того, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру» [13]. Этой точки зрения, сформулированной задолго до Октября, он не изменил до конца.

По мере усиления позиций И. В. Сталина и после его окончательной победы концепция советской внешней политики приобретает два уровня – декларативный и реальный. На первом классовый подход и «пролетарский интернационализм» по-прежнему остаются базой внешней политики СССР. На втором внешняя политика все больше строится исходя из национальных интересов Советского Союза. «Не отрицая неизбежности мировой революции, Сталин начал трактовать ее как “целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а, пожалуй, и ряд десятилетий”. Революционный процесс утрачивал всякие временные рамки, превращаясь в набор периодически возникающих ситуаций, благоприятных для ниспровержения капитализма» [14]. Тем не менее, как считает автор, «сам Сталин, думается, вплоть до 1931 г. не был до конца уверен в правильности выбранной стратегии и периодически пытался не без помощи Коминтерна нагнетать напряженность в той или иной стране, прощупывая ее готовность стать новым очагом мировой революции. Не случайно выходящий в отставку с поста наркома иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин в подготовленной для своего преемника записке сетовал, что его выступления на заседаниях политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам западной политики постоянно отвергались как “неревOLUTIONные”» [15].

Внешняя политика СССР 30-х гг. XX в., прикрываясь мессианистской риторикой, была в значительной степени ориентирована на национальные интересы. Великая Отечественная война окончательно закрепила национальный характер советской внешней политики и, одновременно, дала мощнейший импульс ее мессианистской составляющей.

Шок от поражений первых дней был так силен, что грозил парализовать волю к сопротивлению и окончательно подорвать доверие к советской власти. Третьего июля 1941 г., впервые с начала войны, И. В. Сталин обратился к народу. Его речь произвела громадное впечатление. Трижды Герой Советского Союза, самый результативный истребитель советских ВВС И. Н. Кожедуб, тогда инструктор Чугуевской школы летчиков, в своих мемуарах отмечает, что эта речь заставила его расстаться с «романтическим восприятием войны» [16], понять всю серьезность положения. Речь И. В. Сталина произвела впечатление не только на армию. Само обращение к народу «братья и сестры...» было наполнено признанием семейственности и единения перед лицом врага. Обращение к традиционной для России модели идентичности позволило И. В. Сталину в речи 3 июля не только объяснить причины военных неудач, но и поставить перед страной вопрос о ее существовании: «Враг жесток и неумолим. Он ставит перед своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью... разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть ли народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» [17]. Это внутривластное по своей сути обращение символизировало окончательную трансформацию советского внешнеполитического курса из интернационально-классового в национально-государственный. В практике межгосударственных отношений этот переход состоялся раньше и ознаменован был смещением Г. Е. Зиновьева с поста руководителя Коминтерна, но именно Великая Отечественная война и, конкретно, речь И. В. Сталина 3 июля 1941 г. могут считаться точкой окончательного синтеза классово-мессианистской и национальной концепций внешней политики СССР в единую. Советский внешнеполитический мессианизм стал национальным.

Новый советский мессианизм принципиально отличался от старого. Победа над фашизмом, одержанная во Второй мировой войне, признается значимым достижением во всем мире. Можно утверждать, что в политической истории человечества ни одно событие не получало более положительной оценки, чем исход войны 1939–1945 гг. [18] Налицо был свершившийся факт советского мессианизма.

Первые послевоенные десятилетия стали вершиной мессианистского сознания в СССР. Соответствующим образом была выстроена и внешняя политика. Биполярная система международных отношений идеально подходила для модели «борьбы добра со злом», где каждая сторона, разумеется, ассоциировала себя с «силой света», которая борется против «тьмы». Показательна знаменитая речь Н. С. Хрущева 12 октября 1960 г. во время заседания 15-й сессии ООН, которая была посвящена борьбе с колониализмом. «Я говорил и вновь повторяю: советский народ на стороне тех, кто борется за освобождение от колониального гнета, за свободу и независимость!» [19] Эти настроения отнюдь не были официальной декларацией. А. Д. Сахаров в своей автобиографии так описывает мотивы своей деятельности по созданию ядерной бомбы: «Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью» [20].

«Холодная война» была борьбой двух мессианистских проектов – советского и американского. В подобном споре преимущество получает тот, кто больше верит в «спасительность» своей идеи. Меньшая гибкость советской системы, оказавшейся неспособной адаптироваться к изменениям, вызванным научно-технической революцией, привела к постепенному разочарованию в обществе. Внешняя политика СССР по-прежнему базировалась на национальных и мессианистских идеях, но безусловная поддержка внешнеполитического курса страны большинством советских людей постепенно терялась.

Ярким примером разочарования советского человека во внешней политике СССР стала правозащитная деятельность великого советского физика А. Д. Сахарова. «Отец» советской водородной бомбы в своих «Размышлениях» отрицал советский внешнеполитический мессианизм и заменял его «общечеловеческим». «Капиталистический мир не мог не породить социалистического; но социалистический мир не должен разрушать методом вооруженного насилия породившую его почву – это было бы самоубийством человечества в сложившихся конкретных условиях. Социализм должен облагородить эту почву своим примером и другими косвенными формами давления и слиться с ней» [21].

Официальная внешняя политика Советского Союза оставалась на национально-мессианистских позициях до середины 80-х гг. XX в. В отчетном докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев утверждал: «Мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости... относимся к ним как к своим друзьям» [22].

Внешнеполитический курс советского государства меняется после прихода к власти М. С. Горбачева и начала перестройки. В своей знаменитой книге «Перестройка и новое мышление...» новый советский лидер провозгласил, что «нужно освобождать политические позиции от идеологической нетерпимости. Нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений... ибо идеологии могут быть полярными, а интерес выживания... является всеобщим и высшим» [23]. Национальный мессианизм уступил место детерминанте «общечеловеческих ценностей», которые стали считаться спасительными. «В XX веке... человечество должно признать жизненную необходимость приоритета общечеловеческого как главного императива эпохи» [24]. Итог этих изменений в парадигме внешней политики СССР хорошо известен – через несколько лет Советский Союз перестал существовать и как сверхдержава на мировой арене, и как государство на политической карте мира.

Приведенный выше обзор позволяет сделать следующие выводы:

1. Фактор мессианизма играл существенную роль в формировании и проведении внешнеполитического курса советского государства с первого и до последнего дня его существования. Основания мессианизма в разные периоды значительно отличались друг от друга: классовые, национальные, «общечеловеческие», но этот феномен присутствовал всегда.

2. В стратегических парадигмах, когда национальные интересы государства приносились в жертву мессианской идее, классовой или «общечеловеческой», советское государство всегда терпело серьезные неудачи на международной арене. Напротив, в случае подкрепления национальных интересов мессианской подоплекой, соединения этих идеологием СССР играл ведущую роль в международных отношениях своего времени.

Соответственно, во внешней политике мессианизм никогда не может заменить собой национальных интересов, но в случае встраивания во внешнеполитическую концепцию, построенную на их строгом учете, может «освятить» ее и усилить мотивацию по реализации поставленных целей и задач.

Примечания

1. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: Инфра-М: Норма, 1998. С. 176.
2. Декрет о мире. Принят II Всероссийским Съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Изд-во полит. лит., 1957. С. 13–14.
3. Мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой стороны // Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47–51.
4. Первый конгресс Коминтерна. Протоколы заседаний. Заседание первое. 2 марта 1919. М.: Парт. изд-во, 1933. С. 3.
5. Там же. С. 4.
6. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира // Первый конгресс Коминтерна. М.: Парт. изд-во, 1933. С. 211.
7. Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России. 29 апреля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1958. С. 495.
8. Обращение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета к рабочим, крестьянам и солдатам Польши. 7 мая 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 509.
9. Герштейн И. З. Государство как фактор смены национально-государственных идентичностей в процессе распада СССР и создания Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2011. С. 17–18.
10. Сталин И. В. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном Съезде Советов 26 января 1924 года // Слово товарищу Сталину / сост. Р. И. Косолапов. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 13.
11. Там же. С. 14.
12. Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. Предисловие книги «На путях к Октябрю» // Слово товарищу Сталину. С. 26.
13. Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы // Троцкий Л. Д. Наша революция. СПб.: Изд. Глаголева, 1906. С. 278.
14. Пантелеев М. Четверть века Коминтерна, или Шагреневая кожа интернационализма // История: электронный ж-л. 2002. № 24. URL: <http://his.1september.ru/2002/24/1.htm>
15. Там же.
16. Кожедуб И. Н. Верность Отчизне. Ищущий боя. М.: Яуза: Эксмо, 2006. С. 154.
17. Сталин И. В. К вам обращаюсь я, друзья мои! Выступление по радио 3 июля 1941 года // Слово товарищу Сталину. С. 196.
18. Герштейн И. З. Великая Отечественная война в концепциях национально-государственной идентичности постсоветских государств // Нижегородский журнал международных отношений. 2011. С. 23.
19. Хрущев Н. С. Речь на заседании XV сессии ООН 12 октября 1960 г. URL: <http://www.coldwar.ru/hrushhev/oon.php>
20. Сахаров А. Д. Автобиография // Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М.: «Интер-версо», 1991. С. 8.
21. Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Сахаров А. Д. Тревога и надежда. С. 42.
22. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики: доклад Генерального секретаря ЦК Л. И. Брежнева XXV съезду КПСС. 24 февраля 1976 г. // Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 12.
23. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. С. 146.
24. Там же. С. 149.

Notes

1. *Sotsiologicheskij entsiklopedicheskij slovar'* [Sociological encyclopedic dictionary] / editor: coordinator G. V. Osipov. Moscow: Infra-M: Norma. 1998. P. 176.
2. Decree on peace. Accepted by the II All-Russian Congress of Councils on October 26 (November 8), 1917//Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. 1957. Pp. 13-14. (in Russ.)
3. The peace treaty between the Soviet Russia, on the one hand, and Germany, Avstro Hungary, Bulgaria and Turkey – on the other hand//Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 1. Pp. 47-51. (in Russ.)
4. First congress of Komintern. Protocols of meetings. The First Meeting. March 2, 1919. Moscow: Partyjnoe izdatel'stvo Publ. 1933. P. 3. (in Russ.)

5. Ibid. P. 4.
6. The manifesto of Communist International to proletarians of the whole world//The First congress of Komintern. Moscow: Partyinoe izdatel'stvo Publ. 1933. P. 211. (in Russ.)
7. To all workers, peasants and honest citizens of Russia. April 29, 1920//Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ. 1958. P. 495. (in Russ.)
8. The appeal of the All-Russian Central Executive Committee to workers, peasants and soldiers of Poland. May 7, 1920//Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 2. P. 509. (in Russ.)
9. Gerstein I. Z. *Gosudarstvo kak faktor smeny natsional'no gosudarstvennyh identichnostej v protsesse raspada SSSR i sozdaniya Rossijskoj Federatsii. Avtoref. Dis. Kand. polit. nauk* [State as a factor of change of national state identity in the course of collapse of the USSR and creation of the Russian Federation. Cand. pol. sci. autoref.] N. Novgorod, 2011. Pp. 17-18.
10. Stalin I. V. *Po povodu smerti Lenina. Rech' na II Vsesoyuznom S'ezde Sovetov 26 yanvarya 1924 goda* [Concerning Lenin's death. The speech at the II All-Union Congress of Councils on January 26, 1924]// *Slovo tovarishchu Stalinu* - The Word to companion Stalin / comp. R. I. Kosolapov. Moscow: Eksmo Publ. 2002. P. 13.
11. Ibid. P. 14.
12. Stalin I. V. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i taktika russkih kommunistov. Predislovie knigi «Na putyah k Oktyabryu»* [October revolution and tactics of the Russian communists. Book "On Ways by October" preface]// *Slovo tovarishchu Stalinu* - Word to companion Stalin. P. 26.
13. Trotsky L. D. *Itogi i perspektivy* [Results and prospects]//Trotsky L. D. *Nasha revolyutsiya* - Our revolution. Saint-Petersburg: Glagoleva Publ. 1906. P. 278.
14. Panteleev M. *CHetvert' veka Kominterna, ili SHagrenevaya kozha internatsionalizma* [Quarter of the century of Komintern, or The Magic Skin of internationalism]// *Istoriya* - History: electronic journal. 2002, No. 24. Available at: <http://his.1september.ru/2002/24/1.htm>
15. Ibid.
16. Кожедуб I. N. *Vernost' Otchizne. Ishchushchij boya* [Fidelity to Fatherland. Looking for fight]. Moscow: Yauza: Eksmo. 2006. P. 154.
17. Stalin I. V. *K vam obrashchayus' ya, druz'ya moi!* [I address to you, my friends!] Performance on radio on July 3, 1941// *Slovo tovarishchu Stalinu* - Word to companion Stalin. P. 196.
18. Gerstein I. Z. *Velikaya Otechestvennaya vojna v kontseptsiyah natsional'no gosudarstvennoj identichnosti postsovetskikh gosudarstv* [The Great Patriotic War in concepts of national state identity of the Post-Soviet states]// *Nizhegorodskij zhurnal mezhdunarodnyh otnoshenij* - The Nizhny Novgorod magazine of the international relations. 2011, p. 23.
19. Khrushchev N. S. *Rech' na zasedanii XV sessii OON 12 oktyabrya 1960 g.* [The speech at meeting of the XV session of the UN on October 12, 1960] Available at: <http://www.coldwar.ru/hrushev/oon.php>
20. Sakharov A. D. *Avtobiografiya* [Autobiography]//A. D. Sakharov *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and hope]. Moscow: "Inter verso". 1991. P. 8.
21. Sakharov A. D. *Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noj svobode* [Reflections about progress, peaceful co-existence and intellectual freedom]// A. D. Sakharov *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and hope]. P. 42.
22. The report of the Central Committee of CPSU and immediate tasks of party in the field of domestic and foreign policy: report of the Secretary general of the Central Committee L. I. Brezhnev to the XXV congress of CPSU. On February 24, 1976//Materials XXV of congress of CPSU. Moscow: Politizdat. 1976. P. 12. (in Russ.)
23. Gorbachev M. S. *Perestrojka i novoe myshlenie dlya nashej strany i dlya vsego mira.* [Reorganization and new thinking for our country and for the whole world]. Moscow: Politizdat. 1988. P. 146.
24. Ibid. P. 149.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 94(470.342)“1914/19”:329.14

Ю. А. Балыбердин

Деятельность социал-демократов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны*

В статье рассматривается деятельность социал-демократических организаций в Вятской губернии в годы Первой мировой войны. На основании анализа многочисленных архивных документов и воспоминаний участников событий сделан вывод о ликвидации социал-демократических организаций к началу Первой мировой войны.

Изучены попытки возобновления ведения революционной агитации, предпринимавшейся политическими ссыльными и, особенно, приезжавшими на каникулы студентами, обучавшимися в вузах Казани, Петрограда и других городов.

Особое внимание уделено деятельности Ижевской организации РСДРП, члены которой пытались активно использовать возможности легального воздействия на рабочих через общество потребителей под названием «Союз труда» и правление Ижевского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом.

Анализируются действия ижевских социал-демократов по установлению связей с партийными организациями Перми, Екатеринбургa, Петрограда.

The article reviews the activities of social democratic organizations in the Vyatka province during the World War I. The analysis of numerous archival documents and the participants' remembrances leads to the conclusion that social democratic organizations were closed by the beginning of the World War I.

The article examines efforts done by political exiles and especially by students coming for holidays from Kazan, Petrograd and other cities to restart revolutionary agitation.

Special attention is paid to the activities of Russian Social Democratic Party of Workers in Izhevsk. Its members tried actively to employ the legal opportunities of influencing on workers through a consumer society named “Labour Union” and the Izhevsk branch of Russian League for Tuberculosis Prevention.

Practices of Izhevsk social democrats to establish connections with party groups in Perm, Yekaterinburg and Petrograd are analyzed.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вятская губерния, социал-демократы, революция, политические ссыльные, нелегальная литература.

Keywords: World War I, the Vyatka Province, social democrats, revolution, political exiles, illegal literature.

К началу Первой мировой войны все социал-демократические организации в Вятской губернии были разгромлены. Последнее упоминание о наличии социал-демократических групп – Воткинской и Ижевской – содержится в отчете Вятского губернского жандармского управления Департаменту полиции за июль 1914 г. [1] А в сентябре 1914 г. помощник начальника Вятского жандармского управления докладывал департаменту полиции, что и эти группы «после ликвидации первой и обысков у главных членов последней совершенно распались и их отдельные члены... прекратили всякую деятельность, а имевшийся в распоряжении Воткинской группы гектограф уничтожен во время означенной ликвидации таковой» [2].

В июле 1914 г. вятские большевики пытались восстановить социал-демократическую организацию, но их попытка в условиях начавшейся войны не увенчалась успехом [3].

За всеми неблагонадежными лицами губернское жандармское управление в секретном предписании уездным исправникам от 28 июля 1914 г. требовало установить наблюдение и сообщать о результатах этого предписания [4]. Уездные исправники усердно выполняли указания сверху и докладывали о результатах наблюдения [5]. В их отчетах за 1914 г. гово-

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ и гранта Правительства Кировской области на развитие гуманитарных наук «Общественно-политическая жизнь Вятско-Камского региона в период Первой мировой войны» проект 14-11-43002.

рится о полном отсутствии в уездах какой-либо политической деятельности [6]. Вспоминая те годы, видный вятский партийный и советский работник А. С. Трубинский писал: «Какая-либо общественная или политическая жизнь в Вятке в ту пору не была заметна... Вятская же организация социал-демократов была разгромлена. Лучшие люди партии погибли или были сосланы в Сибирь» [7].

Однако и в этих условиях, как пишет местный историк Е. И. Кирюхина, «вятские большевики, преодолевая невероятные трудности, не прекратили своей деятельности» [8]. Как свидетельствуют документы, ее вели несколько разгромленных групп, немногочисленные одиночки, в том числе политические ссыльные и приезжавшие на каникулы студенты. Одна из групп действовала на станции Вятка-I. Как вспоминал на собрании участников февральской революции в Вятке, проходившем 12 марта 1927 г., рабочий станции Орлов, «на Вятке-I существовала группа социал-демократов, куда входил ряд товарищей. Группа имела связь с Москвой и Питером» [9]. О конкретной работе этой группы сведений немного. Известно лишь, что ее члены вели беседы с рабочими в курилках, которые служили в ту пору своеобразным «политическим клубом» [10]. Политические и военные вопросы нередко обсуждались в цехах, о чем имеются донесения в жандармских сводках [11]. Так, жандармский вахмистр в донесении от 19 декабря 1916 г. сообщал, что в токарном цехе часто собираются группы по 5–10 чел. вокруг А. Белых и П. Попова... Они нередко обсуждали газетные сообщения политического и военного характера. Каждое такое собрание разгонялось мастером цеха или кем-нибудь из администрации мастерских [12].

По воспоминаниям бывшего рабочего железнодорожных мастерских Д. Я. Зобнина, «рабочие не очень разбирались в политической жизни [13], но некоторые из них понимали, что начавшаяся война выгодна заводчикам и фабрикантам, а не рабочему люду» [14]. Но по вопросам о поражении в войне и превращении ее в гражданскую, к чему призывал Ленин в своем манифесте «Война и российская социал-демократия» [15], мнения разделились. Большевики, а их в мастерских было меньшинство, и меньшевики вступили в резкое противостояние и повели работу по привлечению рабочих на свою сторону. Победили меньшевики, которые считали пораженчество аморальным, за что их в дальнейшем будут называть агентами буржуазии в рабочем движении, которые вели якобы «подлую политику обмана рабочих и крестьян» [16].

Позиция меньшевиков, в том числе по вопросам войны, импонировала значительной части местных большевиков. В их числе Ф. А. Липкин, И. К. Громозова, Г. А. Франчески, Н. А. Кролюничкий, С. Я. Столбов, И. Н. Калашников и другие, а большинство рабочих железнодорожных мастерских, особенно кадровых, в период войны были на стороне меньшевиков, «большевикам же там и пикнуть не давали», – вспоминал А. П. Кучкин, один из организаторов Вятской большевистской организации в 1917 г. Слесарь Вятских железнодорожных мастерских, активный участник революционных событий 1905 г. П. Г. Фалалеев, вспоминая те годы, писал, что «большевистские взгляды разделяли лишь самые низы чернорабочих, самые забитые и униженные и ничего не понимающие» [17]. А самого Фалалеева, по его словам, рабочие считали психически ненормальным и открыто говорили, что он сумасшедший: «Получает приличное жалованье и имеет свой дом, а связался со шпаной, мутит и бунтует» [18].

В своих воспоминаниях Фалалеев рассказывает о попытках восстановить партийную организацию, но его как политически неблагонадежного выслали из Вятки в Котлас, где он пробыл до 10 августа 1916 г. Вернувшись в Вятку, он начал вести революционную агитацию среди солдат расквартированного в городе 106-го полка, но после выступления на одном из собраний был арестован и отправлен на фронт.

Кроме Фалалеева, в Вятских железнодорожных мастерских вели революционную пропаганду А. П. Лаврин, социал-демократ, и его жена М. П. Лаврина, а также М. П. Шихов, который был посредником между учащейся молодежью и рабочими, но эти связи пресекались, к тому же идеи пораженчества в войне среди молодежи не пользовались поддержкой.

Роль политических ссыльных в общественно-политической жизни губернии в годы войны тоже была малозаметной. Во-первых, потому, что их было немного, а во-вторых, все они были разбросаны по несколько человек в разные места, где находились под постоянным наблюдением полиции, и любые попытки антиправительственной деятельности сразу же пресекались. Как установила Е. И. Кирюхина, в Вятке под надзором полиции находились Е. А. Кувшинская и М. С. Малахов, в Уржуме – Н. И. Елькин и С. В. Попов, в Белой Холунице –

Н. Ф. Пичугин и М. П. Груничев, в Орловском уезде – Н. Горбовец, в Сарапульском уезде – А. Краченко, в Елабуге – К. И. Лацис. Все они были высланы в Вятскую губернию за антиправительственную деятельность и «использовали, – как пишет Е. И. Кирюхина, – малейшие возможности для революционной работы среди местного населения» [19].

Большее беспокойство у полицейских вызывали не политические ссыльные, а приезжающие на каникулы студенты, обучающиеся в вузах Казани, Петрограда и других городов, где они были свидетелями, а иногда и участниками политической жизни. Во время каникул студенты собирались на квартирах большевистски настроенных Веры Зубаревой и Виктора Грязева. На этих собраниях студенты обсуждали вопросы войны, мира и революции. Одна из участниц создания Вятской большевистской организации О. И. Гребенева пишет: «Из нас в тот период никто ещё не был оформлен членом большевистской партии, но ядро революционного студенчества уже выявилось» [20]. «Особенно, – пишет Гребенева, – оживилось студенческое движение в летние каникулы 1916 г. Часть студентов на своих собраниях открыто выступала против войны и царского строя» [21].

Среди студентов особой активностью и организаторскими способностями выделялись Вера Зубарева и Виктор Грязев, уже имевшие к этому времени опыт подпольной работы. Вера Зубарева после окончания Вятской женской гимназии с серебряной медалью в 1914 г. поступила на учебу в Петербургский женский медицинский институт и сразу же включилась в работу подпольных революционных кружков, изучая марксистскую литературу, вела пропаганду среди рабочих Путиловского завода, распространяла нелегальные издания. Приезжая на каникулы в Вятку, она устраивала собрания студенческой молодежи, на которых активно обсуждались вопросы войны и мира, при этом горячо отстаивала ленинские идеи и давала решительный отпор антимарксистским взглядам. Имеются сведения о том, что Вера Зубарева доставляла в Вятку нелегальную литературу и распространяла ее среди населения, производила сбор средств для оказания материальной помощи студентам, пыталась наладить связи с рабочими железнодорожных мастерских, но получила предостережение от мастеров не ходить в мастерские, где обстановка в то время была крайне напряженной [22]. Всего этого было достаточно, чтобы полицейские установили за ней постоянную слежку. В одном из донесений начальнику Вятского жандармского управления от 16 июля 1916 г. говорилось: «...обращаю Ваше внимание на Веру Зубареву, курсистку женского медицинского института гор. Петрограда, в данное время проживающую в гор. Вятке, собств. дом Пупыревская площадь; она имеет много нелегальных книг и прокламаций, ведет деятельную переписку с арестованными студентами и курсистками, отбывающими наказание за политику в Петрограде и Казани. Она часто собирает общество студентов у себя на квартире... В марте она приезжала и привезла весьма много документов из Питера, чтобы во время обысков они не попались в руки петроградских жандармов» [23].

Таким же стойким и убежденным большевиком, как и Вера Зубарева, являлся Виктор Грязев. Он был, как вспоминает хорошо знавшая его О. И. Гребенева, скромным, упорным и настойчивым в достижении цели [24]. Окончив 1-ю Вятскую гимназию в 1913 г., В. Грязев поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета, а через год перешел на медицинский факультет, но в 1915 г., вступив в большевистскую партию, он с головой уходит в революционную деятельность – пишет статьи в подпольные газеты, распространяет прокламации, направленные против войны и царского строя, принимает участие в пропагандистской работе и организации маевки, за что его сажают в одиночную камеру Харьковской тюрьмы. Выйдя под залог из тюрьмы, Грязев едет в Вятку, где включается в революционную работу. Он устанавливает связи с рабочими предприятий г. Вятки, организует доставку и распространение центральных газет и литературы [25], ведет работу среди учащейся молодежи, издает студенческий журнал «Ручей», который сам же и редактирует [26]. В мае 1917 г. он становится одним из создателей большевистской организации Вятки, но осенью 1917 г. уезжает в Харьков, откуда уходит в Красную армию.

В других городах партийных организаций тоже не было, но, как писал старый партийный работник И. В. Попов, «в г. Глазове в 1914 г. действовала революционная группа из железнодорожников и передовых студентов, приезжающих на каникулы» [27]. В ее состав входили студенты С. Барышников, И. Попов, Н. Шубин, А. Злобин, Амосов, братья Иван и Иосиф Волковы, А. Казаринов, телеграфисты А. Емшанов, И. Малыгин, В. Малых. Они доставали нелегальную литературу и распространяли ее среди железнодорожников и студентов [28], но никаких связей с партийным центром они не имели и действовали самостоятельно.

Некоторую работу по пропаганде большевистских идей вела созданная в 1916 г. в Глазовской учительской семинарии ученическая организация «Самопомощь», состоящая из детей крестьян и интеллигенции. В начале своего существования эта группа не являлась политической организацией, а была профессиональным обществом и заботилась лишь о материальном благосостоянии своих членов, но вскоре семинаристы В. Максимов, Н. Попов, В. Шанько, В. Свешников, А. Халевин и другие создали бюро сочувствующих РСДРП [29]. Оно поставило перед собой задачу воспитывать учащихся в духе интернационализма и нетерпимости к проявлениям великодержавного шовинизма, вести широкую агитационную кампанию против империалистической войны и политики правительства. Таким образом, учащаяся молодежь, возглавляемая глазовскими большевиками, постепенно становилась на путь политической борьбы.

Под руководством большевиков бюро сочувствующих РСДРП повело борьбу с эсеровским «Союзом молодежи», созданным в семинарии в 1916 г. Через бюро сочувствующих глазовские большевики пытались наладить работу среди населения. Они снабжали семинаристов, разъезжающих на каникулы по своим деревням, партийной литературой, с которой они знакомили крестьян, переводя ее на удмуртский язык [30].

Время от времени заявляли о себе воткинские социал-демократы. Известно, например, что в начале 1916 г. в с. Частые Сарапульского уезда ссыльная А. Кравченко, как уже упоминалось, организовала из молодежи социал-демократический кружок, на занятиях которого она читала нелегальную литературу [31]. В июле 1914 г. воткинские большевики выпустили несколько небольших рукописных прокламаций, разоблачающих империалистический характер войны [32], а в июле 1915 г. они развернули агитацию на Воткинском заводе за объявление забастовки с требованиями повышения расценок [33]. Забастовка, начавшаяся 5 июля 1915 г., длилась три дня и закончилась полной победой рабочих [34].

Осветим несколько подробнее деятельность социал-демократов Ижевска.

В многочисленных полицейских сводках за 1914–1915 гг. отмечалось, что члены бывшей Ижевской социал-демократической рабочей организации после разгрома ее в 1914 г. никакой деятельности не проявляют и пока все свои попытки к соорганизации группы оставили, никаких отчетов не выпускают и сбор денег для своей партии прекратили [35]. Работа социал-демократов на заводе прекратилась из-за постоянных обысков у Егора Павловича Астраханцева, Апполоса Петровича Ковычева (Федулова), а также в связи с выездом из Ижевска Николая Александровича Тетерина и самоубийством Федора Павловича Лекомцева – самых активных членов партии [36]. В результате 6 января 1914 г. за организацией было прекращено наружное наблюдение [37]. Однако в 1915 г. ижевцам удалось восстановить ликвидированную организацию РСДРП.

В конце лета 1915 г. из местных и приезжих социал-демократов была создана инициативная группа, в которую вошли В. Дрокин, Г. Жданов, И. Шалашов, В. Шумайлов. Им поручалось учесть всех членов партии и созвать организационное собрание для оформления организации и избирания партийного комитета. Осенью 1915 г. состоялось первое организационное собрание, на котором присутствовали примерно 16–19 человек, но комитет не был избран из-за неподготовленности кандидатур [38]. В скором времени было созвано второе собрание, на котором обсуждались вопросы отношения к войне, отчисления с рабочих на военные нужды и выборы комитета. По первому и второму вопросам разгорелись жаркие споры с меньшевиками, которые выступали в поддержку войны и за отчисления с рабочих на военные нужды. Но большевиков было большинство, и собрание приняло их предложения о прекращении вычетов из зарплаты рабочих на военные нужды и развертывании агитации против империалистической войны. Вновь созданный партийный комитет возглавили В. Дрокин, Т. Жданов, И. Шалашов, А. Лаптев, Ф. Мерзляков (оказавшийся впоследствии провокатором) и Е. Варачева [39].

По сведениям ВГЖУ, в 1915 г. партийная работа социал-демократов ещё не велась, и только с августа 1916 г. группа стала проявлять активность в связи с прибытием в Ижевск путиловских и обуховских рабочих, проникнутых социал-демократическими идеями [40]. Небольшая группа социал-демократов занялась в основном легальной работой, в том числе борьбой с дороговизной. Члены партии работали в продовольственных комиссиях. Руководители группы, боясь репрессий со стороны правительства, рекомендовали своим товарищам по партии в сентябре 1916 г. «заняться только легальной работой, выжидая подходящего момента для перехода на нелегальную» [41].

По данным ВГЖУ, в Ижевскую организацию РСДРП в 1916 г. входили до 50 человек [42].

Работа социал-демократов развернулась в основном под прикрытием Ижевского общества потребителей под названием «Союз труда». Задачи социал-демократов были четко сформулированы на собрании, состоявшемся в декабре 1916 г. на квартире И. И. Роголёва: «1. Следует уйти как можно больше в подполье и выпускать гектографированные отчеты только для испытанных членов группы. 2. Принять резолюцию циммервальдцев и агитировать против займа и вообще против войны. 3. Завладеть во что бы то ни стало местным кооперативом и другими общественными организациями при посредстве выставленных кандидатур в правлении обществ и проведении их туда на главные роли, дабы иметь возможность свободного передвижения по нелегальным организациям за счет общества и иметь право разъезжать по городам, якобы для закупок, и по пути завязывать связи с нелегальными группами и вообще, прикрываясь кооперативными целями, использовать свое положение для партийной цели» [43].

Основным направлением работы ижевских социал-демократов стала агитация против войны. Эти идеи были восприняты незначительной частью рабочих, так как в сводках ВГЖУ встречаются сообщения об отрицательном отношении их к займам и войне. Но эффективного результата достигнуто не было, потому что большинство рабочих было настроено патристически.

В плане занятия руководящих постов в легальных организациях итог тоже не был впечатляющим, так как из 12 обществ, находящихся в Ижевске, твердые позиции социал-демократы имели только в «Союзе труда» [44] и рабочем кооперативе. Из правления «Союза труда» выжились неугодные члены, а главные должности заняли социал-демократы: «А. И. Лаптев – председатель правления, Е. В. Варачева – товарищ председателя, В. А. Дрокин – секретарь и другие» [45]. В целях конспирации были образованы три группы под названиями «Ручей» (инструментальная мастерская), «Гром» (механическая мастерская) и «Осиное гнездо» (сталелитейные заводы и фабрики Петрова) [46]. Среди рабочих велась усиленная пропаганда вступать в «Союз труда», часть рабочих вступила в его члены «со взносами паев по 10 руб. 50 коп.» [47]. Самую активную роль в «Союзе труда» играла Е. В. Варачева.

В ночь с 5 на 6 декабря 1916 г. в помещении Ижевского гражданского клуба состоялось собрание членов общества, где выступала Е. В. Варачева, речь которой рабочие слушали «с захватывающим интересом и во всем с ней соглашались» [48]. Социал-демократам удалось взять под свое влияние также рабочий кооператив, где они заняли все выборные должности. В правлении кооператива вошли А. Лаптев, Г. Жданов, В. Дрюкин и И. Шалагинов.

Ещё одной попыткой использования легальных организаций было открытие детского сада и школы при правлении Ижевского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Главную роль в этом деле играла уволенная за политическую пропаганду учительница социал-демократка Лидия Алексеевна Хлыбова совместно с ижевскими учительницами Екатериной Андреевной Ивановой, Агнией Федуловой, Прасковьей Григорьевной Митрофановой и Клавдией Федоровной Малиновской [49]. Но поскольку детский сад и школа открылись без надлежащего разрешения, то они были закрыты полицией – и революционная работа была прекращена [50].

Большое значение Ижевская партийная организация придавала организационно-массовой и пропагандистской работе, распространению большевистской печати, а также организации массовых мероприятий. Например, если в 1916 г. в Ижевске получали только 10 номеров «Социал-демократа», то в начале 1917 г. рабочие завода выписывали 1370 экземпляров большевистских газет и журналов. Количество массовых мероприятий – нелегальных собраний, массовок и забастовок – в 1916 – начале 1917 г. по сравнению с 1915 г. увеличилось более чем в два раза.

Интересные сведения о деятельности Ижевской организации РСДРП содержатся в воспоминаниях И. Родигина, приехавшего из Вятки на Ижевский завод в начале 1915 г. и с 1916 г. активно участвовавшего в работе партийной организации. Для политического воспитания своих членов в Ижевске, как пишет Родигин, была создана небольшая библиотека, куда рабочие собирались для занятий. В ней были труды Маркса, работы о Французской революции, о методах и формах борьбы рабочего класса и т. д. Чаще всего учеба превращалась в беседы на практические темы революционной работы и о современном положении: о войне, рабочем движении, Думе. На этих занятиях изучали «Коммунистический манифест», а также

анализировали причины неудач Французской революции и т. д. Благодаря политической учебе Родигин стал разбираться в том, кто такие большевики, какая разница между ними и меньшевиками. И. Родигин вспоминает, что ижевская группа РСДРП организовывала массовки, которые посещали рабочие, но количество участвовавших было небольшим, так как нельзя было широко оповещать о них и делать их часто из-за боязни провала.

Важным направлением в работе ижевских социал-демократов стало налаживание связей с другими партийными организациями. С этой целью члены комитета Жданов и Лаптев совершали поездку в Петроград, но дело не увенчалось успехом [51]: ижевским социал-демократам было предложено «сноситься с Петроградом через пермскую группу» [52], что и было сделано.

На собрании в декабре 1916 г. у И. И. Рогалева Е. М. Жданов доложил о поездке в Пермь. Кроме того, он информировал членов группы о поездке в Екатеринбург, где проходил съезд делегатов от Новотагильской, Мотовилихинской, Пермской, Златоустовской и других местных групп. На съезде отмечалось, что социал-демократические «ячейки в городах очень слабы и что надо вести работу по их укреплению на основе программы циммервальдцев» [53]. 10 февраля 1917 г. Е. М. Жданов взял двухнедельный отпуск и выехал из Ижевска. В г. Екатеринбурге в середине февраля предполагался областной съезд социал-демократов, а в г. Перми – съезд уполномоченных Северо-восточного района. Цель поездки Жданова – «завести сношения с видными членами партии социал-демократов и ознакомиться с истинным положением политических дел в Приуралье...» [54]. В Перми Жданов должен был встретиться с Валерием Лежава, а в Екатеринбурге – с председателем Уральского союза потребительских обществ Унохиным, имеющим связи с ЦК РСДРП [55].

В результате принятых мер ижевские социал-демократы установили связи с Уральским областным комитетом партии, Пермью, Чусовой, Лысьвой, приобрели гектограф, получили небольшое количество марксистской литературы. Но в самом комитете положение было явно неблагоприятным. А. Лаптев встал на путь обмана партийной организации и не стал подчиняться партийным решениям, а Ф. Мерзляков уже давно был завербован полицейской охранкой [56], поэтому все основные действия партийной организации становились известными полиции, которая ждала удобного момента для разгрома организации.

Конец 1916 г. и начало 1917 г. ознаменовались подъемом забастовочного движения в стране. Забастовки и демонстрации в промышленных центрах все чаще проходили под лозунгами большевистской партии: «Долой войну!» и «Долой самодержавие!». Рабочие крупных предприятий Вятской губернии были осведомлены об этом и в их среде нарастало глухое брожение, но оно выплеснулось наружу лишь один раз и в одном месте – в феврале 1917 г. в самом крупном рабочем поселке губернии, Ижевске – в форме всеобщей забастовки, в которой приняли участие даже патриотически настроенные рабочие.

Эта забастовка была спровоцирована самой администрацией завода. А дело было так. 8 февраля на Ижевский завод приехал представитель главного артиллерийского управления генерал-майор Жанколя. Боясь остановки крупнейшего оружейного завода из-за обострения обстановки в стране, он нашел возможным от имени главного артиллерийского управления несколько увеличить размер военного пособия и тем самым снять нарастающее напряжение. Но после его отъезда администрация завода снизила расценки некоторым группам рабочих. Обиженные, в количестве 50 человек, заявили протест и объявили забастовку, которую поддержали уже 200 человек. Администрация была вынуждена восстановить прежние расценки. Возбужденные победой, рабочие выдвинули новые требования – увеличить заработную плату, но администрация категорически отказалась это делать, и рабочие бросили работу. Забастовка началась 14 февраля в инструментальной мастерской, но она быстро охватила весь завод, частные оружейные фабрики и железнодорожный транспорт. 18 февраля бастовали уже все 24 мастерские казенного завода. Продолжали работать под охраной военного караула только электрическая станция и мартеновские печи, которые поддерживались сотрудниками заводоуправления. 19 февраля казенный завод и все частные фабрики стояли полностью.

Рабочие предъявили администрации ряд требований: повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта, вежливое обращение администрации и т. д. [57] Никаких политических требований рабочие не выдвигали.

Чтобы не дать возможности использовать помещения завода для проведения митингов и собраний, завод был закрыт. Тогда же полиция закрыла цирк и кинематографы – места наибольшего

скопления народа [58]. К проведению забастовки партийная организация никакого отношения не имела. Лишь во второй половине дня 16 февраля перед бастующими по поручению парткома выступил большевик В. Шумайлов, который призвал рабочих к стойкости и решительности. Партийная организация с опозданием приняла решение «во что бы то ни стало взять забастовку под свое руководство», и это ей удалось. Членам парткома В. Дрокину, П. Лихвинцеву, И. Рогачеву, Ф. Фокину, С. Холмогорову и другим поручили провести собрания в мастерских завода. По поручению парткома забастовку на частных заводах возглавил В. Дрокин, на лесозаготовки выехал Ф. Фокин.

Эта забастовка рабочих в условиях военного времени с самого начала была обречена на провал, о чем предупреждали меньшевики, но их голоса не были услышаны. С помощью войск и усиленных отрядов полиции местным властям удалось сломить бастующих рабочих без удовлетворения их требований. Начавшиеся массовые аресты большевиков и революционно настроенных рабочих привели к тому, что забастовка была обезглавлена и пошла на убыль. С 21 февраля приступили к работе частные фабрики, а с 27 февраля начал действовать казенный завод. В результате арестов в тюрьмах и маршевых ротах оказался 2671 рабочий, в том числе большинство членов социал-демократической организации. Слабым утешением для большевиков было то, что они якобы «показали свою силу», что «забастовка имела крупное политическое значение», что она явилась «лучшей формой воспитания классового сознания рабочих» [59].

После забастовки, по сведениям секретного сотрудника «Рублева», дела у ижевских большевиков были плохи. Один из лидеров организации, Лаптев, при встрече с унтер-офицером Бусоргиным сказал, что «после ссоры в кружке он бросает всякую политическую работу», кроме того, «это же самое сделает и Жданов, пусть Варачева работает одна» [60]. Более того, Лаптев обещал Бусоргину подробно сообщать о том, что будет происходить в кружке [61]. Таким образом, сильной партийной организации и ее целенаправленной работы не было и в Ижевске.

Итак, в условиях военного времени, находясь на нелегальном положении, вятские большевики и их единомышленники пытались продолжать революционную деятельность. Используя легальные и нелегальные возможности, они выступали за поражение правительства в войне, за превращение империалистической войны в гражданскую и установление новой власти, но левые взгляды разделяла лишь незначительная часть населения. Массового революционного движения в губернии противоправительственным силам организовать не удалось.

Примечания

1. ГАРФ. ДП. 00. 1914. Д. 5. Ч. 17. Л. В. 13.
2. ГАРФ. ДП. 00. 1914. Д. 5. Ч. 17. Л. Б.14.
3. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1504. Л. 90.
4. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1493. Л. 6.
5. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 4546. Л. 162, 243.
6. ГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 4546. Л. 162, 243.
7. Трубинский А. С. Страницы революционного прошлого // За власть Советов. Киров, 1957. С. 84.
8. Очерки Кировской организации КПСС. С. 294.
9. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 19. Д. 36. Л. 486.
10. Зобнин Д. Я. К счастливой жизни // За власть Советов. С. 68.
11. ГАСПИ КО. Ф. 1. Оп. 19. Д. 258. Л. 3.
12. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1681. Л. 214.
13. Зобнин Д. Я. Указ. соч. С. 68.
14. Там же.
15. Ленин В. И. Соч. Т. 21. С. 15–17.
16. Рябухин Е. И., Садаков М. А. Краткий очерк истории социал-демократических организаций Удмуртии. Ижевск, 1963. С. 87.
17. ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 98.
18. Там же.
19. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 315.
20. Гребенева О. И. За счастье народа // За власть Советов. С. 61.
21. Там же.
22. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 302.
23. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1637. Л. 163.
24. Гребенева О. И. За счастье народа. С. 65.
25. Там же. С. 65–66.

26. Кирюхина Е. И. Революционная работа вятских большевиков во время империалистической войны // Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 305.
27. Попов И. В. В борьбе за победу Октября // За власть Советов. С. 30.
28. Там же. С. 30.
29. Садаков М. А., Юминов Ю. Г. В огне рожденный. Ижевск, 1960. С. 31, 35.
30. Выросли мы в пламени, в пороховом дыму. Киров, 1958. С. 33.
31. Рябухин Е. И., Садаков М. Д. Указ. соч. С. 91.
32. Там же. С. 88.
33. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1607. Л. 26.
34. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1680. Л. 69–72.
35. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1492. Л. 21об.
36. Там же.
37. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1502. Л. 1–9.
38. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С. 346–349.
39. Там же. С. 349.
40. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1689. Л. 20.
41. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1641. Л. 131, 131об.
42. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1689. Л. 37.
43. Там же. Л. 48–49.
44. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1752. Л. 14–14об.
45. Там же. Л. 15.
46. Там же. Д. 1689. Л. 49–50.
47. Там же. Л. 15.
48. Там же. Д. 1752. Л. 11.
49. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1492. Л. 13.
50. Там же. Л. 15.
51. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1772. Л. 5.
52. Там же. Д. 1689. Л. 37.
53. Там же. Л. 48.
54. Там же. Д. 1752. Л. 19об.–20.
55. Там же. Л. 20.
56. Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. С. 349.
57. Там же. С. 31–35.
58. Там же. С. 30.
59. Рябухин Е. И., Садаков М. А. Указ. соч. С. 95.
60. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1772. Л. 10об.
61. Там же.

Notes

1. State Archive of Russian Federation. DP. 00. 1914. F. 5. P. 17. Sh. V. 13.
2. State Archive of Russian Federation. DP. 00. 1914. F. 5. P. 17. Sh. 14.
3. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. 1504. Sh. 90.
4. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. 1493. Sh. 6.
5. State Archive of the Kirov Region. F. 574. F. 2. 4546. Sh. 162, 243.
6. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 2. 4546. Sh. 162, 243.
7. Trubinsky A. S. *Stranitsy revolyutsionnogo proshlogo* [Pages of the revolutionary past] // *Za vlast' Sovetov* - For the power of Councils. Kirov. 1957. P. 84.
8. CPSU Kirov organization sketches. P. 294. (in Russ.)
9. State Archive of Social and Political History of Kirov Region. F. 1. F. 19. 36. Sh. 486.
10. Zobnin D. Ya. *K schastlivoj zhizni* [To happy life] // *Za vlast' Sovetov* - For the power of Councils. P. 68.
11. State Archive of Social and Political History of Kirov Region. F. 1. F. 19. 258. Sh. 3.
12. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. 1681. Sh. 214.
13. Zobnin D. Ya. Spec. work. P. 68.
14. Ibid.
15. Lenin V. I. Works. Vol. 21. Pp. 15-17.
16. Ryabukhin E. I., Sadakov M. A. *Kratkij ocherk istorii sotsial de-mo-kra-ticheskikh organizatsij Udmurtii* [Short sketch of history of social-democratic organizations of Udmurtia]. Izhevsk. 1963. P. 87.
17. State Archive of Social and Political History of Kirov Region. F. 45. F. 1. 36. Sh. 98.
18. Ibid.
19. Sketches of history of the CPSU Kirov organization. P. 315. (in Russ.)

20. Grebeneva O. I. *Za schast'e naroda* [For happiness of the people]// *Za vlast' Sovetov* - For the power of Councils. P. 61.
21. Ibid.
22. Sketches of history of the CPSU Kirov organization. P. 302. (in Russ.)
23. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. 1637. Sh. 163 .
24. Grebeneva O. I. *Za schast'e naroda* [For happiness of the people]. P. 65.
25. Ibid. Pp. 65-66.
26. Kiryukhina E. I. *Revoljucionnaya rabota vyatskih bol'shevikov vo vremya imperialisticheskoy vojny* [Revolutionary work of Vyatka Bolsheviks during imperialistic war]// *Ocherki istorii Kirovskoj organizatsii KPSS* - Sketches of history of the CPSU Kirov organization. P. 305.
27. Popov I. V. *V bor'be za pobedu Oktyabrya* [In fight for a victory of October]// *Za vlast' Sovetov* - For the power of Councils. P. 30.
28. Ibid. P. 30.
29. Sadakov M. A. Yuminov Yu. G. *V ogne rozhdennyj*. [Born in fire]. Izhevsk. 1960. Pp. 31, 35.
30. *Vyrosli my v plameni, v porohovom dymu* [We grew up in a flame, in a powder smoke]. Kirov. 1958. P. 33.
31. Riabukhin E.I., Sadakov M.D. Spec. work. P. 91.
32. Ibid. P. 88.
33. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1607. Sh. 26.
34. State Archive of the Kirov Region. F. 714. Op. 1. D. 1680 . L. 69-72.
35. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1492. Sh. 21 turn.
36. Ibid.
37. State Archive of the Kirov Region. F. 714. Op. 1. D. 1502. Sh. 1-9.
38. The October Socialist Revolution in Udmurtia: Collection of documents and materials. Izhevsk. 1957. Pp. 346-349. (in Russ.)
39. Ibid. P. 349.
40. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1689. Sh. 20.
41. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1641. Sh. 131, 131 turn.
42. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1689. Sh. 37.
43. Ibid. Sh. 48-49.
44. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1752. Sh. 14, 14 turn.
45. Ibid. Sh. 15.
46. Ibid. D. 1689. Sh. 49-50.
47. Ibid. Sh. 15.
48. Ibid. D. 1752. Sh. 11.
49. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1492. Sh. 13.
50. Ibid. Sh. 15.
51. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1772. Sh. 5.
52. Ibid. D. 1689. Sh. 37.
53. Ibid. Sh. 48.
54. Ibid. D. 1752. 19 turn - 20.
55. Ibid. Sh. 20.
56. The October Socialist Revolution in Udmurtia. P.349. (in Russ.)
57. Ibid. Pp. 31-35.
58. Ibid. P. 30.
59. Riabukhin E.I., Sadakov M.A. Spec. work. P. 95.
60. State Archive of the Kirov Region. F. 714. F. 1. D. 1772. Sh. 10 turn.
61. Ibid.

Особенности деятельности кредитных кооперативов в Тобольской губернии в период Первой мировой войны

Актуальность изучения опыта кредитной кооперации определяется усиливающимся в последние двадцать лет интересом как ученых-экономистов, так и практиков к вопросам кооперативного движения. За указанный период принято пять законов, имеющих отношение к кооперации, но и по сей день кооперативные учреждения не стали сколь-либо значимой экономической силой, как это имело место к 1917 г.

Изучение уже изданных трудов современных авторов по этой проблематике, при всей основательности этих работ и добросовестности исследователей, приводит к выводу, что в целом полной картины кооперативного движения дореволюционной России они не представляют. В связи с этим вывод А. П. Корелина о «насущной задаче создания трудов обобщающего характера» неизбежно ведет к актуальности проведения региональных исследований кооперативного движения, учета всех особенностей развития отечественной кооперации.

Изучение опыта кредитных кооперативов Тобольской губернии в условиях военного времени, с одной стороны, представляет динамику развития кредитной кооперации в одном из самых крупных регионов Российской империи, с другой – дает алгоритм изучения особенностей развития кредитных кооперативов во время Первой мировой войны в других губерниях.

Features of credit cooperatives in Tobolsk in the First World War. Relevance of learning experience is determined by amplifying credit cooperatives in the last twenty years as interest of economists and practitioners to the issues of the cooperative movement. During this period adopted five laws related to cooperation, but to this day do not become cooperative institutions or how significant economic force, as was the case in 1917.

The study is published works by contemporary authors on the subject, with all the thoroughness and integrity of these studies researchers, leads to the conclusion that in general a complete picture of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia, they do not represent. In connection with this conclusion AP Korelin about the “urgent task of creating works of a general nature” inevitably leads to the relevance of the regional studies of the cooperative movement, taking into account all features of the development of national cooperation.

Studying the experience of credit cooperatives Tobolsk province in wartime, on the one hand, represents the dynamics of the credit cooperatives in one of the largest regions of the Russian Empire, on the other hand – gives an algorithm to study the growth of credit cooperatives during the First World War in the other provinces.

Ключевые слова: Первая мировая война, Тобольская губерния, кредитная кооперация.

Keywords: First World War, Tobolsk region, credit cooperation.

Отдельный период в истории развития кредитной кооперации в Тобольской губернии представляет Первая мировая война. Общеизвестно, что в большинстве губерний Российской империи кредитная кооперация не только сохранила предвоенную динамику развития, но и продолжала улучшать количественные и качественные показатели. К этому времени кооперативы выросли численно и экономически окрепли, стали мощной силой, гарантом определенной стабильности для сибирского крестьянина.

За короткое время кредитные товарищества стали силой, способной оказывать серьезное влияние на развитие местной промышленности, создание новых видов ремесел. Об этом, среди прочего, может свидетельствовать следующее цитируемое место из письма руководителя управления по делам мелкого кредита при Государственном банке на имя управляющего Тюменским отделением: «Хозяйственное управление при Святейшем Синоде обратилось к господину министру финансов с отношением от 11 декабря 1915 г., за № 39357, в котором проводится мысль о желательности развития отечественного пчеловодства и снабжения пчелиным воском епархиальных свечных заводов, равно о привлечении для сих работ общественных организаций, и, между прочим, учреждений мелкого кредита» [1].

В условиях военного времени деятельность кредитных кооперативов в отдельных моментах начала приобретать стратегическое значение. Об этом свидетельствует другое письмо управляющего делами мелкого кредита от 10 октября 1916 г. в Тюменское отделение Государственного банка: «Осенью 1914 года Управление обращалось к господам управляющим конторами и отделениями Государственного банка с просьбой оказать возможное содействие к поставке кредитными кооперативами сельскохозяйственных продуктов уполномоченным Главного управления землеустройства и земледелия, на которое было возложено обеспечение армии хлебом. С этим делом поставки хлеба уполномоченным, начатым неожиданно и без всякой подготовки, кредитные кооперативы мало-помалу справились. Двухлетняя поставка хлеба достаточно подготовила и приучила очень многие товарищества к сбыту хлеба крупными партиями, собранными по мелочам, и, надо думать, вселила в среде мелких производителей убеждение в выгодности совместного сбыта хлеба через товарищества. Поэтому нужно думать, что в настоящее время, когда условия хлебной торговли с установлением твердых цен изменились, когда закупка хлеба как для армии, так и для нужд населения будет производиться распоряжением уполномоченных, и когда всемерное содействие сим последним вызывается интересами государственной важности, кредитные кооперативы сумеют собрать от своих членов весь продажный хлеб и поставить его по назначению уполномоченного» [2].

Потребовавшая напряжения всех сил война вызвала к жизни и новую форму организации – союзные объединения, или союзы кредитных товариществ. Если в предвоенный период с регистрацией союзов со стороны властей имелось определенное сопротивление, то во время войны этот процесс активизировался. В Тобольской губернии были созданы Тюменский, Ишимский, Ялуторовский, Курганский и Березовский союзы кредитных и ссудо-сберегательных товариществ. Первые три из них учреждены на основании высочайше утвержденного 27 августа 1915 г. положения Совета министров.

Их основной целью была оптимизация деятельности кредитной кооперации в Западной Сибири. Согласно официальной формуле, значившейся в уставе Ялуторовского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, утвержденном министром финансов П. Л. Барком 23 марта 1916 г., целью таких объединений являлось «способствовать установлению и развитию постоянных сношений между вошедшими в них товариществами и совместной их деятельностью, направленной к наиболее успешному достижению их задач» [3].

О деятельности союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ в Западной Сибири в целом известно немного. Главным образом, это обусловлено степенью сохранности архивных документов.

Известно, что Ялуторовский союз был открыт 27 июня 1916 г. и объединил 13 кредитных товариществ Ялуторовского и Ишимского уездов с суммарным балансом (на 1 января 1916 г.) 1 млн рублей. При нем был учрежден специальный банк, который выдавал кредиты только товариществам, входившим в его состав. Он также принимал вклады, выплачивая по ним от 4 до 6% готовых в зависимости от сроков и условий (6% – по вкладам свыше 3 лет, 5% – по вкладам до 3 лет, 4,5% – по вкладам до 1 года и 4% – по бессрочным вкладам и текущим счетам) [4].

В Государственном архиве Тюменской области сохранился сводный баланс по Ишимскому и Ялуторовскому союзам кредитных и ссудо-сберегательных товариществ на 1 июля 1917 г. Согласно ему значительную часть пассива – 723,3 из 1 166,1 тыс. руб., или 62% – составляли вклады и займы у физических и юридических лиц, а большая часть основного капитала – 80 из 101,5 тыс. руб., или почти 80% – состояла из суммы, занятой в Государственном банке. Все это свидетельствует и о значительном, как уже говорилось, уровне государственной поддержки учреждению таких союзов, и о высокой степени доверия к ним частных лиц и организаций.

В активе крупные средства показаны по статье «Товары центрального склада, купленные по поручению» – 351,7 из 1 166,1 тыс. руб., или 30%. В то же время собственные кредиты в форме ссуд, в том числе подтоварных, составляли всего 20,6 тыс. руб., или около 2%. Из этого с очевидностью следует, что деятельность союза была направлена, в первую очередь, на облегчение сбыта продукции кооперативных артелей Западной Сибири.

В условиях военного времени это были, прежде всего, поставки продовольствия для армии. Об этом прямо свидетельствует, в частности, письмо от уполномоченного в Сибири по заготовке хлеба для армии от 27 января 1915 г., направленное в адрес управляющего Тю-

менским отделением Государственного банка В. А. Любославского, в котором указывалось на опыт последних лет по закупке хлеба именно у кооперативов: «Принимая во внимание, что покупку пшеницы предположено производить непосредственно от производителей, я уверен, что в этом деле примут участие кооперативы под общим Вашим и инспекторов мелкого кредита руководством» [5].

Деятельность инспекторов мелкого кредита при отделениях Государственного банка в провинции сложно переоценить. Они оказывали методическую и организационную помощь в организации кредитных кооперативов, подбирали руководителей кредитных товариществ (эта форма стала преобладающей в канун Первой мировой войны), помогали оформить заявки на получение кредита, проводили ревизии кредитных товариществ.

Путевой журнал инспектора мелкого кредита при Тюменском отделении Государственного банка А. С. Флоринского за II полугодие 1915 г. свидетельствует, насколько широка была география посещения кредитных кооперативов и широк круг вопросов, по которым он общался с крестьянами. Верхом на лошади приходилось преодолевать сотни километров в любую погоду. Так, запись за ноябрь показывает, что в командировке он провел 26 дней, проехал 253 версты по грунтовым дорогам, посетил город Ишим и села – Абатское, Спириновское, Готопутовское, Больше-Сорокинское.

Цель поездки он сформулировал следующим образом: «Для присутствия на районном совещании представителей кредитных товариществ Ишимского уезда по вопросам совместной закупки товаров, о военном займе и организации Союза кредитных товариществ Ишимского уезда и для ревизии кредитных товариществ – Абатского, Спириновского, Готопутовского, Больше-Сорокинского» [6].

Среди перечисленных вопросов упоминание о военном займе свидетельствует, что кредитные товарищества стали одним из серьезных помощников государства в привлечении денежных средств на военные нужды.

Интересны впечатления очевидца: «Что же новое чувствовалось при нынешних посещениях? Я бы ответил кратко – рост кооперации. Растут размеры кооперативной деятельности, растет и кооперативное сознание членов. А состав общих собраний в этом году необычный: преобладают люди с седыми бородами, раньше почти не посещавшие собрания. Но в новом и трудном для них деле разбираются отлично. Чувствуется, что многие вопросы, обсуждающиеся на собраниях, служили предметом нередких бесед. Заметно и изменившееся отношение к членам правления. Это уже не “кассиры”, которые раздают деньги (с таким делом ведь всякий может справиться), а люди, которые могут “правильно вести товарищество”. Меняется отношение и к самому кооперативу. Это уже не “банок”, а “товарищество”, где можно не только получить деньги, а и купить машину, сдать хлеб, сено, поместить сбережения. Если в прошлом году, когда заходила речь о вкладной операции, часто слышались возражения: “Да какая может быть у нас операция, когда богачей здесь нету”. Минувший год ясно показал, что не богачи несут свои сбережения в товарищество. Вкладная операция быстро развилась, и общая сумма вкладов по уезду увеличилась более чем в два раза» [7].

Обращают на себя внимание большие объемы ссуд учреждениям сельского кредита со стороны Тюменского отделения Государственного банка – в 1914 г. они в совокупности составили около 2 млн (1,984 млн) рублей [8]. Это была самая крупная выдача сумм кредитной кооперации со стороны Государственного банка, имевшая место в Западной Сибири для всего периода с начала XX в. Судя по архивным документам, четверть этой суммы, или 489,6 тыс. руб., была прямо выдана как целевые кредиты «под хлеб», а в составе трех четвертей «остальных краткосрочных ссуд» можно с высокой долей вероятности предполагать крупные суммы и на развитие маслодельного промысла, который в значительной степени находился в ведении кооперативных артелей [9].

Показательно, что оба кредитных союза – Ишимский и Ялуторовский – были созданы в период Первой мировой войны, когда к снабжению армии правительство решило привлечь и кооператоров, разрешив им учреждать подобные объединения – до этого развитие горизонтальных связей между любыми общественными объединениями всячески ограничивалось.

Ялуторовск и Ишим расположены в южной части Тобольской губернии, где было развито хлебопашество [10], и это обстоятельство во многом определяло характер их посреднических операций. Одной из крупных по масштабам операций Ишимского союза стала продажа запасных частей к жаткам, веялкам и другим хлебоуборочным машинам [11].

Напротив, Березовский союз кредитных товариществ, образованный в Березове 17 сентября 1917 г. по решению съезда уполномоченных от кредитных товариществ Березовского уезда [12], был основан на севере Тобольской губернии, где земледелие не получило развития. Основой экономики этого края – исторической Югры, или, как его называли в XIX в., «Низового края» (по нижнему течению реки Оби) – были рыболовство, охота и сбор кедровых орехов. К 1915 г. в Березовском уезде вылавливалось более 2/3 всей рыбы, поставляемой из обширной Тобольской губернии, – 42,2 тыс. из 60,2 тыс. пудов [13].

Безусловно, создание подобного союза открывало новые возможности для кредитных товариществ, занимавшихся, главным образом, кредитованием рыбопромышленников и комиссионной продажей рыбы. К 1917 г. на Югорской земле насчитывалось шесть таких товариществ – Березовское, Сургутское, в Юртах Цингалинских, Демьянское, Романовское и Кондинское. Все они были созданы при активном участии Тобольского отделения Государственного банка.

Уполномоченным от кредитных товариществ Березовского уезда Ильиным была подана на имя управляющего Тобольским отделением записка, в которой он просил возложить заботу о создании Березовского союза на инспекцию мелкого кредита.

Подводя определенный итог всему сказанному, следует отметить, что в канун Первой мировой войны период становления сети учреждений мелкого кредита в Тобольской губернии в основном завершился. К 1914 г. она успешно функционировала и была представлена разнообразными учреждениями: кредитными и ссудо-сберегательными товариществами, сельскими банками и кассами. Их деятельность была направлена на кредитование сельского хозяйства, а основными заемщиками были крестьяне среднего достатка.

Успех деятельности учреждений мелкого кредита в Тобольской губернии, как и в стране в целом, во многом был определен грамотной политикой государства, прежде всего, в лице Государственного банка. Все это способствовало интенсивному экономическому росту края в начале XX в., наиболее яркими примерами чего являются достижения вышедшего на общероссийский уровень западносибирского маслоделия, а также кредитной кооперации.

Если такая форма кредитных кооперативов, как ссудо-сберегательные товарищества, не оправдала себя как в силу своей организационной структуры, так и отсутствия должной организационно-методической помощи и поддержки кредитными ресурсами, то кредитные товарищества, напротив, за короткое время смогли завоевать широкую популярность в крестьянской среде. Залогом успеха в данном случае стал не только профессионализм чиновников отделений Государственного банка и финансовая поддержка государства, но и привлечение к активному участию наиболее грамотных сил деревни – учителей, врачей и, не в последнюю очередь, священников – как более многочисленной и заинтересованной части сельской интеллигенции.

Развитие кредитной кооперации стало тем проектом, в котором центральная власть в лице Государственного банка и местная – в лице губернской администрации смогли объединить усилия и добиться хороших результатов. То, что вкладная операция по своим объемам отставала от кредитной в большинстве учреждений мелкого кредита Тобольской губернии, является еще одним аргументом в пользу того, что Государственный банк за счет своих ресурсов поддерживал местную торговлю и промышленность.

Следует отметить, что активную позицию по вопросу о развитии кредитной кооперации занимали и практически все тобольские губернаторы. Важным следует считать то, что государство не ставило целью постоянно опекать кредитные товарищества. Главная задача заключалась в подготовке из крестьянской среды необходимых руководителей, что обеспечивало в дальнейшем автономное развитие системы кредитной кооперации.

Очень важным моментом в состоянии кредитных учреждений Тобольской губернии является то, что сеть кредитных кооперативов динамично развивалась, постоянно совершенствовались формы их работы. Образование кредитных союзов в губернии неизбежно должно было поднять деятельность кредитных кооперативов на новый уровень, что обеспечило бы как переток кредитных ресурсов между товариществами, так и совершенствование методического руководства, реализацию совместных крупных проектов. Заслуга в этих успехах принадлежит государству в лице Государственного банка.

На примере Тобольской губернии вряд ли можно согласиться с выводом известного исследователя кооперативного движения в России А. П. Корелина, что «первые военные меся-

цы обернулись настоящим кризисом всей кооперативной системы» [14]. Вызывает несогласие еще одно утверждение А. П. Корелина о том, что во время войны обострилась проблема взаимоотношений власти и кооперации [15]. Этой проблемы не существовало в предвоенный период – напротив, власть всячески способствовала организации кредитных кооперативов в губернии. Во время войны власть, как местная, так и центральная в лице Тюменского и Тобольского отделений Государственного банка, приложила максимум усилий, чтобы кооперативы превратились в мощную экономическую силу, а кооператоры стали по-настоящему цивилизованными сельскими производителями.

Можно вполне справедливым считать тот вывод, что кредитные кооперативы Тобольской губернии во время Первой мировой войны превратились в мощную экономическую силу и продолжали динамично развиваться, во многом благодаря появившейся у населения способности к самоорганизации, а инициатором этого позитивного процесса выступило государство.

Примечания

1. Государственное учреждение Тюменской области государственный архив Тюменской области (далее по тексту – ГУТО ГАТО). Ф. И-50. Оп. 1. Д. 188. Л. 5.
2. Там же. Л. 91.
3. Там же. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 195. Л. 51.
4. Там же. Л. 95.
5. Там же. Д. 24. Л. 13.
6. *Вычугжанин А. Л., Отрадных О. А.* История банковского дела Тюменской области. Тюмень, 2004. С. 279.
7. ГУТО ГАТО. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 195. Л. 44–44 об.
8. Государственный банк. Данные по конторам и отделениям за 1906–1915 гг. С. 441.
9. Согласно статистическим данным, в 1914 г. в Тобольской губернии насчитывалось 1256 маслодельных заводов, а их годовая производительность (13,8 млн руб.), по признанию современника, «оказалась почти равной производительности всех остальных заводов и фабрик» (Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916. С. 16.).
10. См.: Обзор Тобольской губернии за 1914 год. С. 8–9.
11. Ишимский край. 1918. № 24. 11 июня. С. 1.
12. ГУТО ГАТО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 468. Л. 16 об.
13. Обзор Тобольской губернии за 1914 год. С. 14.
14. *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 287.
15. Там же. С. 350.

Notes

1. State Administration of Tyumen Region State Archive of the Tyumen region (hereinafter - Guto GATO). F. I-50. F. 1. D. 188. Sh. 5.
2. Ibid. Sh. 91.
3. Ibid. F. I-50. F. 1. D. 195. Sh. 51.
4. Ibid. Sh. 95.
5. Ibid. D. 24. Sh. 13.
6. *Vychugzhanin A.L., Otradnykh O.A.* *Istoriya bankovskogo dela Tyumenskoj oblasti* [History of Banking of the Tyumen region]. Tyumen. 2004. P. 279.
7. Guto GATO. F. I-50. F. 1. D. 195. Sh. 44-44 turn.
8. State Bank. Data on branches and offices in 1906-1915. P. 441. (in Russ.)
9. According to statistics, in 1914 there were 1256 butter factories in Tobolsk, and their annual output (13.8 million rubles.), according to a contemporary, "was almost equal to the performance of all other factories" (Review of Tobolsk Province of 1914. Tobolsk. 1916. Pp. 16).
10. See: Overview of Tobolsk Province of 1914. Pp. 8-9.
11. *Ishimskij kraj* - Ishim region. 1918. № 24. June 11. P. 1.
12. Guto GATO. F. 177. F. 1. D. 468. Sh. 16 turn.
13. Review Tobolsk province for 1914. C. 14.
14. *Korelin A.P.* *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860–1917 gg* [Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860-1917.] Moscow. 2009. P. 287.
15. Ibid. P. 350.

Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект

В статье анализируются исторические исследования, в которых нашла отражение проблема возвращения из плена русских солдат Первой мировой войны. Автор отмечает, что, по данным историографического анализа, эта проблема практически оставалась за рамками исследований в советский период, когда преимущественно изучалась агитационно-пропагандистская деятельность большевиков по привлечению возвращавшихся из плена русских солдат на свою сторону. Работы по другой тематике составляли исключение. Автор показывает, что современные историки от изучения агитационно-пропагандистской деятельности большевиков среди возвращавшихся из плена бывших солдат русской армии перешли к изучению аналогичной деятельности противной стороны, т. е. антибольшевистских сил. Автор отмечает внимание историков к вопросу взаимоотношений русских военнопленных и большевистской власти. Автором приводится оценка, которую дают современные исследователи политике советского государства по социальному обеспечению бывших русских военнопленных. В статье обозначены вопросы, разработка которых, по мнению автора, должна способствовать дальнейшему развитию историографии данной проблемы.

The article analyzes the historical studies which reflect the problem of returning of the First World War Russian soldiers from the captivity. The author points out that the historiographic analysis shows that this problem practically remained behind the frameworks of research in the Soviet period, when the study was focused on agitation and propaganda activity of the Bolsheviks aimed at winning the returning from captivity Russian soldiers over to their side. Works on different topics were an exception. The author shows that contemporary historians switch from studying the Bolsheviks agitation and propaganda activity among returning from captivity former soldiers of the Russian army to studying the similar activity of the opposing party, that is the anti-Bolshevik forces. The author notes the attention of the historians to the question of relations between the Russian POWs and the Bolshevik government. The author cites the assessment of the Soviet state policy on social security of the former Russian POWs given by contemporary scholars. The issues for future research outlined in the article in the author's opinion should contribute to further development of the historiography of the indicated problem.

Ключевые слова: историография, русские военнопленные, Первая мировая война, репатриация, Советская Россия, Центральная коллегия по делам пленных и беженцев.

Keywords: historiography, Russian prisoners of war, the First World War, repatriation, Soviet Russia, the Central Prisoners and Refugees Board.

В период Первой мировой войны были изданы работы современников событий, в которых показаны тяжёлые условия существования находившихся в германском и австрийском плену русских солдат и офицеров и поднимался вопрос о необходимости оказания им помощи, публиковались отчёты по обследованию лагерей и воспоминания бывших военнопленных [1].

В советский период печатались воспоминания ряда бывших русских военнопленных, после возвращения из плена ставших на платформу советской власти [2]. Работой исследовательского характера о русских военнопленных Первой мировой войны стала книга современника событий, управляющего Российским комитетом Красного Креста, члена Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н. М. Жданова. В ней нашла отражение проблема возвращения на родину русских военнопленных Первой мировой войны. В работе, в частности, освещены вопросы создания и работы Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену пленными до германской капитуляции. Автором показано, что с лета 1918 г. в Советскую Россию стали прибывать первые партии русских военнопленных, состоявшие из увечных и больных туберкулёзом. По заключению Н. М. Жданова, с ноября 1918 г. началось массовое стихийное

движение военнопленных, продолжавшееся около двух месяцев, затем державы Согласия взяли на себя организацию процесса эвакуации русских военнопленных, а также оказания им помощи через свои организации Красного Креста. Общее число русских военнопленных в Центральных государствах за время войны, как считает автор, достигало 3,5 миллиона человек. Н. М. Жданов выделяет шесть периодов военного плена [3].

Советский историк А. А. Мальков посвятил главу своего исследования деятельности партийных и советских органов среди возвращавшихся на родину военнопленных русской армии в 1918–1919 гг. [4] В работе, в частности, освещается создание и деятельность культпросветотдела в составе Центропленбежа и его органов на местах, а также Всероссийского Бюро военнопленных под председательством И. И. Ульянова. Надо отметить, что И. И. Ульянов подробно осветил эту тему в своих воспоминаниях в 1929 г. [5] Со ссылкой на данные Центропленбежа А. А. Мальков приводит численность русских военнопленных, вернувшихся на родину в период планомерной эвакуации с августа по 30 октября 1918 г., составившую 181 375 человек [6].

Деятельности Центропленбежа по идейно-политическому воспитанию бывших военнопленных русской армии посвящена одна из статей Э. П. Нечаевой и С. В. Лившица [7]. Авторы отмечают, что организация политического просвещения русских военнопленных, возвращавшихся на родину, была возложена на созданный 26 июня 1918 г. культпросветотдел Центропленбежа, в местных органах Центропленбежа также организовали культпросветотделы, которые сразу по прибытии военнопленных снабжали их агитационным материалом, проводили разъяснительные политбеседы. В статье говорится о том, какие разъяснения давались возвращавшимся русским военнопленным и к чему их призывали большевики. Так, в печати, в беседах, на митингах агитаторы Центропленбежа объясняли пленным, что жертвы Первой мировой войны были напрасными, но ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции не нужно останавливаться ни перед какими жертвами [8]. Центропленбежем издавалась газета «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» и «Газета военнопленного». В них бывших русских военнопленных призывали вступать в Красную армию «на борьбу с Колчаком и Деникиным». Кроме того, вернувшимся из плена предлагалось вступать в трудовые коммуны, общества по совместной обработке земли, чтобы спасти Советскую республику от голода. В газетах печатались резолюции митингов в поддержку Советской власти. Авторы высказали убеждение, что бывшие русские военнопленные под влиянием большевистской пропаганды стали сторонниками Советской власти, потому что за весь период их возвращения в стране не было ни одного контрреволюционного выступления с их участием [9]. Однако, заметим, среди русских военнопленных было немало участников вооружённой борьбы с советской властью.

И. П. Щеров пишет о неуправляемом потоке русских военнопленных, самостоятельно вернувшихся в советскую Россию с ноября 1918 по январь 1919 г., составившем 949 502 человека, который привёл к сбоям в работе местных органов Центропленбежа, первыми принявших его на себя. Автором констатируется неудовлетворительное положение с регистрацией русских пленных на местах, а также довольно «неприглядная картина» организационно-хозяйственной деятельности местных органов Центропленбежа. При этом автор уверен, что это не отражалось на «значимости работы пленбежей». От себя добавим, что на основании исследований, подкреплённых фактическим материалом, масса бывших русских военнопленных, возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 г., исключительно негативно оценивала отсутствие своевременной реальной помощи со стороны пленбежей, не получавших для этого средств. И. П. Щерова считает, что вернувшиеся русские военнопленные получали денежное довольствие за время плена «в размере 1 500 рублей и более и т. д.» [10]. Заметим, что была установлена предельная сумма довольствия, равная 1,5 тысяч рублей, а размер довольствия каждому пленному рассчитывался индивидуально, и в большинстве случаев был гораздо ниже указанной суммы.

К проблеме возвращения русских пленных на родину обратился в одном из своих исследований А. В. Посадский. Автор проанализировал материалы Саратовского журнала «Пленный и беженец» за 1918 г., на страницах которого, к примеру, бывший русский военнопленный высказал мнение о том, что политические воззрения возвращающихся русских пленных будут зависеть от того, как их встретят, как о них будет заботиться советское правительство, что они найдут в родных местах, а между тем встречающие советские работники

часто вели работу неумело. На примере Саратовской губернии А. В. Посадский показывает полную неготовность местных органов Центропланбежа нормально встретить возвращающихся пленных в период их массово самостоятельного движения. Автором приводится целый ряд примеров, иллюстрирующих тяжёлое положение русских пленных из-за отсутствия продовольствия и медицинской помощи в период их массового стихийного возвращения в Россию, говорится об активном участии в качестве одного из лидеров бывшего русского пленного в антибольшевистском крестьянском выступлении в Тамбовской губернии [11].

В. Л. Чернопёров, также освещая проблему возвращения русских военнопленных на родину в 1919–1921 гг., отмечает, что в начале февраля 1919 г. Антанта объявила о полном прекращении выезда военнопленных из германских лагерей и переходе заботы о них к специальной комиссии. Объяснили это решение необходимостью защитить бывших воинов союзной армии от голода и анархии, царивших в Советской России, при этом речь шла приблизительно о 600 тыс. человек. Одновременно в лагерях активизировалась вербовочная деятельность эмиссаров белого движения. Согласившихся служить у белых переводили на усиленное питание. В статье отмечается, что к моменту подписания соглашения об обмене военнопленными в апреле 1920 г. в 35 германских лагерях оставалось, по разным данным, 200–260 тысяч русских военнопленных, чьё положение после решения Антанты с 1 апреля 1920 г. прекратить заботу о них значительно ухудшилось. Автор приводит данные о том, что в 1920 г., приступая к репатриации, германские власти потребовали освобождения в первую очередь лагерей, в которых военнопленные конфликтовали с немецкой охраной и местным населением или проживали в тяжёлых условиях, что обмен военнопленными происходил в Нарве и до конца лета из Германии было отправлено примерно 30 с лишним тысяч пленных. Автор считает, что в начале 1921 г. в Германии оставалось не более 27 тысяч военнопленных [12].

И. А. Жданова, анализируя процесс возвращения русских военнопленных в 1918–1919 гг., констатирует бедственное положение военнопленных, самостоятельно добравшихся в ноябре 1918 г. до Москвы. Автор приводит данные отчетов агитаторов, встречавших и сопровождавших возвращавшихся русских пленных, о впечатлениях и настроениях военнопленных, отношении к ним представителей Советской власти, а также публичное высказывание Н. И. Бухарина об озлоблении пленных против власти. Отмечается, что водворившиеся на места русские военнопленные в советской печати именовались «равными среди равных граждан», которым об иждивенческих настроениях следовало бы забыть. По мнению автора, благодаря агитационным и организационным усилиям большевиков озлобленность и контрреволюционность бывших русских пленных «не стала самостоятельной дестабилизирующей силой» [13].

Челябинский историк О. С. Нагорная считает, что военный плен первой современной войны превратился для массы русских военнопленных в фактор эмансипации [14]. Однако обращение вернувшихся военнопленных к усвоенным в плену знаниям и навыкам в условиях Советской России выделило их как «нежелательных чужих», помешав их интеграции в новое общество. В Советской России ветераны и жертвы Первой мировой войны не стали первостепенным объектом социальных устремлений новой власти. Различие интересов и пропасть между центром и периферией обусловили провал политики социального обеспечения бывших военнопленных старой армии, в особенности инвалидов. В главе, посвященной массовому стихийному движению русских военнопленных, начавшемуся в ноябре 1918 г., О. С. Нагорная характеризует его как бегство домой изголодавшихся людей, но не как стремление в Советскую Россию для продолжения дела, начатого рабочим классом. Автор даёт отрицательную оценку организации приёма и временного размещения возвращавшихся русских военнопленных. Становясь объектами мобилизационных мероприятий разных правительств в России, бывшие русские военнопленные прибегали к уходу от тотального контроля, встраиванию во властный дискурс, апелляции к образу жертв прежнего режима, скрытому сопротивлению и активному противодействию власти, делает вывод О. С. Нагорная. После окончания Гражданской войны часть бывших русских пленных солдат и офицеров не захотела оставаться в России и оказалась в эмиграции. Автор справедливо отмечает отсутствие специальных работ по вопросам интеграции в мирную жизнь российских ветеранов Первой мировой войны [15].

Анализируя жертвы и потери Первой мировой войны, В. З. Волков в своей работе определил численность русских военнопленных на 1 февраля 1917 г. по данным держав Тройст-

венного союза – 3 528 456 человек и по данным Центрэвака – 4 143 066 человек [16]. С. Н. Васильева считает, что к концу войны было взято в плен примерно 3 395 тысяч русских военнопленных, а после возвращения большей части военнопленных на родину из Германии и Австро-Венгрии в Германии оставалось около 600 тысяч военнопленных, лишённых всякой помощи и не имевших возможности самостоятельно вернуться на родину [17]. А. И. Степанов приводит численность русских военнопленных, которая, по официальным данным Четверного союза, составила 2 417 тысяч человек [18].

С середины 1990-х гг. стала изучаться проблема возвращения военнослужащих Русского экспедиционного корпуса (РЭК) на Родину, которая в настоящее время нуждается в дальнейшей разработке. З. С. Бочарова в своей статье отмечает, что к 1920 г., по данным советской стороны, вернулись в Россию из Франции 15 тысяч военнослужащих РЭК, оставались в Алжире – 22 тысячи. По подсчётам автора, в 1922 г. из Германии вернулись 49 солдат РЭК. В статье отмечается, что в 1923 г., 19 июня, из Франции отправили на родину на пароходе «Брага» более 300 солдат РЭК, при этом, по данным советской стороны, во Франции осталось русских солдат в шесть раз больше, чем было отправлено на этом пароходе. Сведения о встрече возвратившихся военнослужащих РЭК З. С. Бочарова называет противоречивыми. Так, особоуполномоченный фильтрационной комиссии Бакулин в отчёте от 26 июля 1923 г. писал о торжественном приёме, тёплой встрече, быстрой отправке по домам. В отчёте же сопровождавшего транспорт из Франции Потёмкина указано на отсутствие спальных принадлежностей для прибывших, плохое питание, вообще «убогий» приёмно-распределительный аппарат, на недовольство всем этим прибывших. Последние требовали вернуть всех желающих обратно, выражали желание сообщить ещё остававшимся за границей о своих негативных впечатлениях о встрече на родине. Автор отмечает, что, когда в октябре 1924 г. между СССР и Францией были установлены дипломатические отношения, предполагалось, что из Франции должны вернуться ещё 10–20 тысяч солдат РЭК. Во Франции было объявлено о регистрации до 12 декабря 1925 г. лиц, желающих вернуться в СССР. К середине 1925 г. был положительно решён вопрос об отправке группы солдат РЭК за казённый счёт [19].

Из приведённого историографического обзора следует, что при изучении проблемы репатриации русских военнопленных современными исследователями уделяется внимание таким её аспектам, как численность; психологическое состояние и материальное положение возвращавшихся русских военнопленных, их отношение к новой власти; способы репатриации; усилия большевиков и антибольшевистских сил по привлечению на свою сторону бывших русских пленных. При этом количество возвратившихся из вражеского плена с 1914 по 1917 г. определяется на сегодняшний день в 775 тысяч человек, а за период с 1918 по 1921 г. включительно – в 1 млн 142 тысяч человек (без Польши и Прибалтики). Общую численность русских военнопленных исследователи, на основе различных источников, определяют в диапазоне от 2,4 до 4,1 миллиона человек. Современные историки негативно оценивают организацию приёма русских военнопленных, возвращавшихся в Советскую Россию в крайне бедственном состоянии, особенно в конце 1918 – начале 1919 г., что становилось причиной их озлобления против власти.

Советские историки доказательством эффективности агитационно-пропагандистской работы большевиков и приверженности возвращавшихся русских военнопленных Советской власти считали отсутствие в стране за весь период возвращения на родину контрреволюционных выступлений с участием бывших пленных. На сегодняшний день историками приведены факты активного и скрытого сопротивления власти, к которому прибегали бывшие русские пленные наряду с остальным населением страны.

Представляется целесообразным дать оценку эффективности деятельности Центропленбежа и его преемников по проведению репатриации русских военнопленных, по привлечению их на добровольной основе в Красную армию. Необходимо также определить, носили ли объявленные меры государственной поддержки бывших русских военнопленных, являвшиеся, по мнению исследователей, недостаточными, изначально пропагандистский характер.

Примечания

1. В плену: О помощи находящимся в плену русским солдатам / сост. В. П. Обнинский. М., 1916; Тарасевич А. В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. М., 1917; Шамурин Ю. Два года в германском плену. М., 1917; Шуберская Е. М. Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле – октябре 1916 г. Пг., 1917; Сады-

кер П. А., Фанштейн А. С. Положение русских военнопленных в Австро-Венгрии и меры к улучшению его. Астрахань, 1918; и др.

2. Кирш Ю. Под сапогом Вильгельма: (Из записок рядового военнопленного № 4925). 1914–1918. М.; Л., 1925; Дмитриев В. Доброволец: (Воспоминания о войне и плене). М.; Л., 1929; Левин К. Я. Записки из плена. М., 1930; и др.

3. Жданов Н. М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II и III. М., 1920. С. 10, 63, 72, 122.

4. Мальков А. А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. Казань, 1971.

5. См.: Ульянов И. И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 192.

6. Мальков А. А. Указ. соч. С. 192.

7. Нечаева Э. П., Лившиц С. В. Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.): депонированная рукопись. Куйбышев, 1982.

8. Там же. С. 6.

9. Там же. С. 14.

10. Щеров И. П. Военная миграция в России 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 22, 23.

11. Посадский А. В. Пленные после плена: к истории русских военнопленных Великой войны в 1918–1920 гг. // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 183–188.

12. Чернопёров В. Л. Деятельность советского дипломата В. Л. Коппа по возвращению на родину российских военнопленных (1919–1921 гг.) // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006. С. 188–198.

13. Жданова И. А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // Российская история. 2011. № 4. С. 63–72.

14. См.: Нагорная О. С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Она же. Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 5; Она же. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011; Она же. Военнопленные-инвалиды Первой мировой войны в России и Германии: дискурс, опыт, образ // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Междунар. науч.-практ. конф. «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». М., 2013. С. 49–54.

15. См.: Она же. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. С. 392, 335, 385.

16. Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / предисл. С. Г. Струмилина. М.; Л., 1930. С. 61.

17. Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Она же. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М., 1999.

18. Степанов А. И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / отв. ред. Г. Д. Шкундин. С. 629–630.

19. Бочарова З. С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // ВИЖ. 2009. № 9. С. 51–58.

Notes

1. *V plenu: O pomoshchi nahodyashchimsya v plenu russkim soldatam* [Caught : About assistance to Russian soldiers in captivity] / comp. V.P. Obninsky. Moscow. 1916; Tarasevich A.V. *Otchet po obsledovaniyu lagerej i mest vodvoreniya russkih voennoplennykh v Avstrii i Vengrii* [Report on survey of camps and placements of Russian prisoners of war in Austria and Hungary.] Moscow. 1917; Shamurin Yu. *Dva goda v germanskom plenu* [Two years in German captivity]. Moscow. 1917; Shuberskaya E.M. *Dnevnik komandirovki v Germaniyu dlya osmotra russkih voennoplennykh v iyule oktyabre 1916 g. Pg., 1917* [Diary of trip to Germany to inspect the Russian prisoners of war in July October 1916, 1917]; Sadyker P.A., Fanshteyn A. *Polozhenie russkih voennoplennykh v Avstro Vengrii i mery k uluchsheniyu ego* [Situation of Russian prisoners of war in Austria-Hungary and measures to improve it]. Astrakhan, 1918; etc.

2. Kirsch Yu. *Pod sapogom Vil'gel'ma: (Iz zapisok ryadovogo voennoplennogo № 4925) 1914-1918* [Under Wilhelm boot : (From the notes of an ordinary prisoner number 4925)]. 1914-1918. Moscow: L., 1925; Dmitriev V. *Dobrovolets: (Vospominaniya o vojne i plene)* [Volunteer: (Memories of the war and captivity)] . Moscow; L., 1929; Levin K.Y. *Zapiski iz plena* [Notes from captivity]. Moscow. 1930; etc.

3. Zhdanov N.M. *Russkie voennoplennyye v mirovoj vojne 1914–1918 gg* [Russian prisoners of war in World War 1914–1918]. Part I, II and III. Moscow, 1920. Pp. 10, 63, 72, 122.
4. Malkov A.A. *Deyatel'nost' bol'shevikov sredi voennoplennykh russkoj armii 1915–1919 gg* [Activities of the Bolshevik Russian Army within POWs of 1915–1919]. Kazan. 1971.
5. See: Ulyanov I.I. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i voennoplennyye* [October Revolution and POWs] // *Proletarskaya revolyutsiya - Proletarian revolution*. 1929, № 7, p. 192.
6. Malkov A.A. Spec. work. P. 192.
7. Nechayev E.P., Livshits S.V. *Deyatel'nost' organov Tsentral'noj kollegii po delam plennykh i bezhentsev po idejno politicheskomu vospitaniyu russkikh voennoplennykh, vozvrativshisya na rodinu (1918–1920 gg.)* [Activities of Central Board for the POWs and refugees on the ideological and political education of Russian prisoners, returnees (1918–1920)] Deposited manuscript. Kuibyshev. 1982.
8. Ibid. P. 6.
9. Ibid. P. 14.
10. Scherov I.P. *Voennaya migratsiya v Rossii 1914–1922 g.: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk*. [Military migration in Russia 1914–1922: Author. dis. Doct. hist. sci.] Moscow, 2001. Pp. 22, 23.
11. Posadsky A.V. *Plennyye posle plena: k istorii russkikh voennoplennykh Velikoj vojny v 1918–1920 gg.* [Prisoners after the captivity: the history of Russian prisoners of war in the Great War 1918–1920] // *Doklady akademii voennykh nauk. Voennaya istoriya. № 5 (23). Pervaya mirovaya vojna: poiski novykh podhodov k issledovaniyu, priglashenie k dialogu* - Reports of the Academy of Military Sciences. Military history. Number 5 (23). The First World War: the search for new approaches to the study, an invitation to dialogue. Saratov, 2006, pp. 183–188.
12. Chernoperov V.L. *Deyatel'nost' sovetskogo diplomata V. L. Koppa po vozvrashcheniyu na rodinu rossijskikh voennoplennykh (1919–1921 gg.)* [Activity of Soviet diplomat V.L. Kopp at repatriation of Russian prisoners of war (1919–1921)] // *Doklady akademii voennykh nauk. Voennaya istoriya. № 5 (23). Pervaya mirovaya vojna: poiski novykh podhodov k issledovaniyu, priglashenie k dialogu* - Reports of the Academy of Military Sciences. Military history. Number 5 (23). The First World War: the search for new approaches to the study, an invitation to dialogue. Saratov, 2006, pp. 188–198.
13. Zhdanova I.A. *Organizatsiya vozvrashcheniya rossijskikh plennykh v 1918–1919 godakh* [Organization of Russian prisoners' return in 1918–1919] // *Rossijskaya istoriya - Russian history*, 2011, № 4, pp. 63–72.
14. See: Nagornaya O.S. *Drugoy voennyj opyt. Russkie voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Germanii (1914–1922)* [Another military experience. Russian prisoners of war World War in Germany (1914–1922)]. Moscow. 2010; the same author: *Religioznaya zhizn' rossijskikh voennoplennykh v nemetskih lageryah v gody Pervoj mirovoj vojny* [The religious life of Russian prisoners of war in German camps during World War II] // *Otechestvennaya istoriya - History of Russia*, 2008, № 5; the same author: *Rossijskie voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Germanii (1914–1922 gg.): diss. dokt. ist. nauk*. [Russian prisoners of war World War in Germany (1914–1922 gg.) Diss. Doct. hist. sci.] Chelyabinsk, 2011; the same author: *Voennoplennyye invalidy Pervoj mirovoj vojny v Rossii i Germanii: diskurs, opyt, obraz* [Prisoners of World War - disabled in Russia and Germany: discourse, experience, image] // *Invalidy i vojna. Invalidy Pervoj mirovoj vojny: istoricheskie i npravstvennyye uroki: doklady i vystupleniya uchastnikov II Mezhdunarodnoj nauchno prakticheskoy konferentsii «Invalidy i vojna. Invalidy Pervoj mirovoj vojny: istoricheskie i npravstvennyye uroki»* [Handicapped and war. World War Disabled: historical and moral lessons: reports and speeches of the participants of the II International Scientific and Practical Conference "Handicapped and war. World War Disabled: historical and moral lessons"] Moscow, 2013, pp. 49–54.
15. See: the same author: *Drugoy voennyj opyt. Russkie voennoplennyye Pervoj mirovoj vojny v Germanii (1914–1922)* [Another military experience. Russian prisoners of war World War in Germany (1914–1922)]. Moscow. 2010. Pp. 392, 335, 385.
16. Volkov E.Z. *Dinamika narodonaseleniya SSSR za 80 let* [Population dynamics of the USSR for 80 years] / Pre. S.G. Strumilin. Moscow; Leningrad, 1930. P. 61.
17. Vasilyeva S.N. *Voennoplennyye Germanii, Avstro Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: diss. ... kand. ist. nauk* [Prisoners of war in Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War: diss. Cand. ist. sci.]. Moscow, 1998; the same author: *Voennoplennyye Germanii, Avstro Vengrii i Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Prisoners of war in Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]: a tutorial for the course. Moscow, 1999.
18. Stepanov A.I. *TSena vojny: zhertvy i poteri* [Price of war: victims and losses] // *Mirovye vojny XX veka - World War XX century: in 4 vol.* Moscow. 2002. Vol. 1: *Pervaya mirovaya vojna: Istoricheskij ocherk - The First World War: Historical Sketch* / chief. ed. G.D. Shkundin. Pp. 629–630.
19. Bocharova Z.S. *Vozvrashchenie na rodinu v 1920 e gody soldat russkogo ekspeditsionnogo korpusa* [Returning to the homeland in the 1920s of Russian expeditionary corps soldiers] // *VIZh*, 2009, № 9, pp. 51–58.

Соблюдение законности и соблюдение прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы

Статья посвящена проблемам реализации принципа законности и соблюдения прав человека в местах лишения свободы в Российской Федерации. Авторским коллективом раскрываются отличия принципа законности в уголовно-исполнительном праве от законности как принципа деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. В работе приводятся конкретные примеры нарушения принципа законности в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России, а также подчеркивается повышенная общественная опасность нарушения законов в местах лишения свободы. Реализация принципа законности на практике означает защиту прав и интересов не только осужденных, но и сотрудников администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Нарушение условий контракта о прохождении службы в органах уголовно-исполнительной системы влечет за собой снижение заинтересованности служащих к своей работе, порождает небрежное отношение к должностным обязанностям.

The article investigates the implementation of the principle of legality and respect for human rights in places of detention in the Russian Federation. The group of authors reveal differences between the principle of legality in criminal law enforcement from legality as a principle of activity of institutions and agencies enforcing punishment. The paper gives specific examples of violations of the principle of legality in the work of agencies and bodies of the correctional system in Russia, and also highlights the increased public risk of law violations in places of detention. Implementation of the principle of legality in practice means protecting the rights and interests not only of the convicted, but administration officials and bodies of the correctional system. Breach of contract on the service in the penal system results in lower interest of employees in their work, entails neglect of official duties.

Ключевые слова: пенитенциарная система, принцип законности, соблюдение прав человека в органах уголовно-исполнительной системы.

Keywords: penitentiary system, principle of legality, human rights bodies in the penal system.

Принцип законности – конституционный и закреплен в ряде статей Конституции (4, 13, 15, 17–19 и др.), а также в международных документах о защите прав человека в местах лишения свободы: Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой ООН в 1984 г., Европейских пенитенциарных правилах 1987 г., Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятом ООН в 1989 г., и других документах. Принцип законности и другие принципы, закрепленные в указанных документах, затрагивают приоритетные права человека, лишенного свободы, которые должны, безусловно, закрепляться в национальном законодательстве и соблюдаться в правоприменительной деятельности. Даже исключительные обстоятельства не могут служить основанием для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 3 Конвенции о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания).

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования, наиболее характерными нарушениями законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы являются:

- незаконное применение к осужденным физической силы, спецсредств и орудий;
- произвол, жестокое обращение с осужденными;

- несоблюдение требований закона при привлечении осужденных к труду;
- неправомерное помещение осужденных в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, признание злостными нарушителями порядка отбывания наказания;
- невыполнение норм материально-бытового и медико-санитарного обеспечения и др. [1]

В уголовно-исполнительном праве принцип законности выражен в верховенстве закона, регулирующего исполнение наказания, и его приоритете перед другими нормативными правовыми актами, регулирующими общественные отношения в указанной сфере. Принцип законности должен реализовываться в точном и строгом соблюдении уголовно-исполнительного законодательства учреждениями и органами, исполняющими наказание, органами государственной власти и управления, всеми организациями, хозяйствующими субъектами, должностными лицами, работниками организаций, взаимодействующих с учреждениями и органами, исполняющими наказание, лицами, осуществляющими охрану и конвоирование осужденных, а также общественными объединениями, принимающими участие в исправлении осужденных. Принцип законности нашел отражение в ст. 10–15 УИК РФ, определяющей правовой статус осужденных, 19–23 – устанавливающих систему и виды контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказание, и в других статьях кодекса.

Принцип законности устанавливает требование, обязанность уголовно-исполнительных органов, их должностных лиц осуществлять юридически значимые действия в соответствии с буквой и духом закона, в его рамках и пределах. При практическом проведении закона в жизнь законность выступает в качестве метода руководства и управления деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания должностных лиц, а еще точнее, законность – это особое свойство, качественное содержание данной деятельности, то есть один из ее методов.

Реальные действия, осуществляемые в пределах установленного законом порядка сотрудниками администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, составляют суть режима законности в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, их должностных лиц, реализация каждым осужденным (и в отдельных случаях представителями администрации) предоставленных законом прав и свобод, образующих их правовой статус, должное выполнение ими своих обязанностей обеспечивается государством с помощью социально-правовых гарантий: правовых, политических, экономических, идеологических, а также правовыми способами осуществления контроля и надзора, применение мер убеждения и принуждения.

Закон является основой деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Из принципа законности вытекает обязанность должностных лиц учреждений и органов УИС строго соблюдать нормы уголовно-исполнительного законодательства с момента прибытия осужденного до момента его освобождения из мест лишения свободы. Более того, закон возлагает на них ответственность за обеспечение законности в их деятельности. Любые отступления сотрудников по любым мотивам от норм закона и ошибки в его применении являются нарушениями законности и неизбежно влекут незаконность принятых ими решений, их обязательное исправление и наказание виновных. «Закон суров, но это закон» [2]. Сам уголовно-исполнительный закон уже воплощает в себя справедливость и целесообразность. Он содержит тщательно разработанные правовые положения, позволяющие в каждом конкретном случае принять справедливое, целесообразное, и, следовательно, законное решение.

Если нарушения закона вовремя не пресекаются, то от этого могут пострадать от одного до нескольких десятков осужденных, и, прежде всего, противозаконные действия оказывают разрушающее влияние на правовой статус осужденного. Факты беззакония в учреждениях и органах УИС имеют повышенную общественную опасность и способствуют росту рецидивной преступности.

Необходимо также отличать принцип законности в уголовно-исполнительном праве от законности как принципа деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Данные понятия раскрывают «законность» на разных уровнях: законном (правовом) и практическом, принцип законности в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы «продолжает», «переносит» законность из нормы закона в практику. Исходя из изложенного, можно дать следующее определение законности как правового принципа деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания: «Законность в деятельности органов, ис-

полняющих наказания, есть конституционный правовой принцип, устанавливающий требование строгого и неуклонного соблюдения и точного исполнения Конституции, уголовно-исполнительного законодательства и принятых на их основе ведомственных нормативных актов как органами и учреждениями, исполняющими наказания, так и их должностными лицами».

Права и интересы осужденных находятся под особым контролем и защитой государства и общества. Функции контроля и защиты осужденных, подозреваемых и обвиняемых обеспечивают специальные государственные органы (прокуратура, суд, уполномоченный по правам человека и др.). Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает гарантии и порядок реализации прав, законных интересов и обязанностей осужденных на всех стадиях процесса исполнения наказания и на применении всех средств исправления, предусмотренных ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Данный принцип также означает, что после снятия или погашения судимости в установленном законом порядке лицо вновь становится полноправным членом общества и никакое предвзятое к нему отношение со стороны работодателя либо любых органов, учреждений и должностных лиц не допускается.

В полной мере принцип защиты прав и свобод человека и гражданина имеет отношение и к представителям администрации учреждений и органов УИС. Глава VI «Правовая и социальная защита работников уголовно-исполнительной системы» закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» закрепляет перечень прав, гарантий и льгот, предоставляемых государством сотрудникам уголовно-исполнительной системы и членам их семей. Среди них:

- неприкосновенность личности, чести и достоинства персонала ИУ;
- личная безопасность сотрудников УИС и членов их семей;
- обеспечение сотрудников УИС жилой площадью;
- социальные и иные льготы.

В ходе исследования А. В. Кубасова установлено, что примерно 50% опрошенных сотрудников УИС считают себя не защищенными законом и нуждаются в дополнительной правовой защите.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по соответствующему субъекту РФ допускает нарушения условий контракта о прохождении службы в УИС, а именно:

- нарушение условий труда (ненормированный рабочий день, не отвечающее санитарным нормам рабочее место и т. д. (24%);
- необеспечение личной безопасности сотрудников и членов их семей (13%);
- неправильное начисление заработной платы, задержка выплаты заработной платы и пособий (25%);
- отсутствие в отдельных регионах программ по строительству жилья, неправильное их распределение и другие нарушения.

Все вышеперечисленное снижает у значительной части сотрудников уголовно-исполнительной системы интерес к своей работе и, как следствие, порождает небрежное и порой халатное отношение к своим обязанностям, что в ряде случаев приводит к нарушениям законности.

Таким образом, практическая деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы нуждается в приведении процесса исполнения наказаний в соответствии с нормами действующего российского и международного законодательства и повышения эффективности контроля со стороны государства за деятельностью сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Примечания

1. Кубасов А. В. Обеспечение принципа законности в исправительных учреждениях общего и строгого режимов: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 94.
2. См.: Казаченок Т. Г. Античные афоризмы. Минск, 1987. С. 21.

Notes

1. Kubasov A. V. *Obespechenie principa zakonnosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah obshchego i strogogo rezhimov: Diss. Kand. yurid. nauk* [Ensuring the principle of legality in correctional facilities of the general and strict modes: Cand. jur. sci. diss.]. Ryazan, 2005, p. 94.
2. See: Kazachenok T. G. *Antichnye aforizmy* [Antique aphorisms]. Minsk, 1987. P. 21.

Прокуратура Российской Федерации: вопросы взаимодействия с органами, осуществляющими предварительное расследование

В настоящее время в России идет процесс формирования нового понимания места и роли Прокуратуры РФ и Следственного Комитета РФ в уголовном судопроизводстве. В статье проводится обзор основных изменений взаимоотношений прокуратуры со следственными органами и учреждениями, произошедшими в рамках Концепции судебной реформы в России. Анализируются правовые механизмы взаимодействия Прокуратуры РФ и Следственного Комитета РФ в России. Отмечается, что в результате проведенных реформ сложилась новая система «сдержек и противовесов», изменились основные функции и процессуальные полномочия прокуратуры и следственных органов в уголовном судопроизводстве. В завершение определяется процессуальная роль прокурора и следователя в обеспечении законности и повышении качества следственной деятельности.

Currently, Russia is in the process of forming a new understanding of the place and role of the Prosecutor's office and the Investigative Committee of the Russian Federation in criminal proceedings. The article gives a review of major changes in the relations of the Prosecutor's office with the investigative bodies and institutions that have occurred within the Concept of judicial reform in Russia. Analyzes the legal mechanisms of interaction Prosecutor's office and the Investigative Committee of the Russian Federation in Russia. It is noted that in the result of the reforms has developed a new system of "checks and balances", changed the basic functions and procedural powers of the Prosecutor's office and the investigating authorities in criminal proceedings. The article ends determined by the procedural role of the Prosecutor and investigator in the rule of law and improving the quality of investigative activity.

Ключевые слова: концепция судебной реформы, Прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, правоохранительные органы, полномочия прокуратуры, полномочия следственных органов, надзорная функция прокуратуры, уголовное судопроизводство, процессуальный контроль, коррупционные проявления.

Keywords: concept of judicial reform, the Prosecutor's office of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, the law enforcement bodies, the powers of the Prosecutor's office, the powers of the investigating authorities, the supervision function of the Prosecutor's office, the criminal proceedings, the procedural control corruption.

Российское уголовное судопроизводство традиционно имеет публичный характер, обусловленный приоритетом защиты государственных интересов. Несмотря на то что субъектный состав должностных лиц, наделенных публичными полномочиями в российском уголовном судопроизводстве, длительное время являлся традиционным, содержание процессуального статуса некоторых участников и их процессуальная роль, в том числе прокурора и следователя, подвергаются постоянным изменениям.

С 7 сентября 2007 г. принципиально изменилась система российских правоохранительных органов. В рамках данной реформы было создано новое самостоятельное ведомство – Следственный комитет при Прокуратуре РФ, а с 15 января 2011 г. он окончательно выделился из Прокуратуры РФ как Следственный комитет РФ. В результате проведенных реформ кардинально изменились полномочия прокуратуры в отношении предварительного следствия. Сложилась новая система сдержек и противовесов, при которой Следственный комитет РФ сосредоточился на расследовании уголовных дел, а прокуратура оставила за собой надзорные функции.

Актуальность затронутой темы не вызывает сомнений, и это подтверждают многочисленные работы, посвященные взаимоотношениям прокуратуры со следствием, появившиеся в последние годы. Необходимость проведения данной реформы назревала уже давно.

Еще в Концепции судебной реформы 1991 г. отмечалось, что «соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним же противоречит системному подходу, вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [1]. Данная позиция нашла сторонников в лице многих российских ученых и практических работников.

Так, Ю. С. Дибиров отмечает, что, объединяя три совершенно разные функции: ведение следственных действий, поддержку обвинения в суде и надзор за соблюдением законности, в том числе и в ходе следствия, – прокуратура с любой точки зрения была аномальной структурой. Одно и то же ведомство не может вести одновременно и следствие, и надзор за ним [2]. По мнению А. Паничевой, А. Похмелкина, Ю. Костанова, то обстоятельство, что следователи прокуратуры работали под непосредственным руководством прокурора, негативно сказывалось на качестве прокурорского надзора. Надзирая фактически за самим собой, прокурор, естественно, некритически относился к работе следователя, не всегда вовремя, а главное правильно реагировал на ошибки следователей и допускаемые ими нарушения закона [3]. Многие авторы сходились на том, чтобы создать единый самостоятельный следственный аппарат. Таким образом, появление Следственного комитета РФ большинство ученых рассматривают как первый шаг по реализации положений этой Концепции. Прежде всего, хотелось бы сделать обзор основных изменений, произошедших в результате реформы.

Во-первых, появился новый следственный орган, осуществляющий полномочия в сфере уголовного судопроизводства. В соответствии с Положением о Следственном комитете РФ, утвержденном Указом Президента РФ от 14 января 2011 г. № 38, Следственный комитет составляет единую федеральную централизованную систему следственных органов и учреждений, действует на основе подчинения нижестоящих руководителей вышестоящим и председателю Следственного комитета Российской Федерации. Следователи Следственного комитета призваны осуществлять оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью. Руководство деятельностью Следственного комитета РФ осуществляет Президент РФ, который назначает на должность и освобождает от должности председателя Следственного комитета РФ [4].

Во-вторых, существенно изменились полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве. В первую очередь это коснулось предварительного следствия, полномочия прокурора здесь существенно урезаны. Так, прокурор не вправе возбуждать уголовное дело, а также давать согласие на возбуждение уголовного дела, участвовать в производстве предварительного расследования и в необходимых случаях давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий либо лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия, отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, продлевать срок предварительного следствия, приостанавливать или прекращать производство по уголовному делу и др. Большую часть прежних полномочий прокурора отныне осуществляет руководитель следственного органа.

В «утешение» прокурору оставлены в полном объеме надзорные полномочия при расследовании уголовных дел, которое осуществляется в форме дознания, и где он – процессуальный руководитель органов дознания [5]. Тем не менее следует признать, что у прокурора все же сохранились некоторые возможности повлиять на предварительное следствие. Так, в соответствии с п. 14, 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе утверждать обвинительное заключение по уголовному делу, возвращать уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

Кроме того, если прокурор признает постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, отменить постановление о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Также прокурор может отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, если признает отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). И если

сохранение за прокурором права утверждать итоговое решение, на наш взгляд, еще можно как-то обосновать (так как прокурору придется поддерживать в суде обвинение, а значит его позиция должна соответствовать обвинительному заключению), то остальные полномочия никак не вписываются в концепцию проводимой реформы, поскольку являются эффективными методами воздействия на ход следствия.

Так, весной 2011 г. в Московской области разгорелся крупный коррупционный скандал, связанный с «крышеванием» прокурорами подпольных казино. Главное следственное управление Следственного комитета России возбудило в отношении четырех прокуроров уголовное дело, которое вскоре отменил первый заместитель Генерального прокурора РФ В. Малиновский, назвав его «незаконным и необоснованным, поскольку оно вынесено на основании недостаточно проверенных данных». Следственный комитет РФ обжаловал решение В. Малиновского у его непосредственного начальника – Генерального прокурора Ю. Чайки, который, однако, поддержал своего заместителя. В связи с отменой прокуратурой постановления о возбуждении уголовного дела в отношении чиновников, в Следственном комитете России заявили, что этот случай не единичный. Подмосковная прокуратура регулярно отменяет постановления следователей о возбуждении уголовных дел по коррупционным преступлениям [6]. Таким образом, на сегодняшний день говорить о полной самостоятельности следователя и невмешательстве в его деятельность прокуратуры не представляется возможным. Кроме того, на наш взгляд, не в полной мере реализована и такая цель реформы, как полное исключение коррупционных проявлений в правоохранительной системе.

Результаты проведенной реформы вызвали неоднозначную реакцию среди ученых и практиков. Например, Д. А. Арутюнян считает, что разведение функций государственного обвинения по уголовным делам и процессуального руководства предварительным следствием, отказ от неограниченного прокурорского надзора являются безусловно положительным сдвигом [7]. О. Л. Васильев, также полагающий, что прокурор лишился своих надзорных полномочий, в качестве доказательства своей позиции указывает на цели, которые ставит перед собой прокурор, реализуя свои полномочия. Он пишет: «Прокурор, отменяя постановление следователя о прекращении уголовного преследования, может руководствоваться только преследовательской мотивацией, а может, видя явное нарушение закона со стороны следователя, – исключительно требованием закона» [8].

В настоящее время надзорная функция прокуратуры в отношении предварительного следствия действительно стала соответствовать своему названию, а прокурор лишился не надзорных полномочий, а контрольных. Так, важнейшие отличительные признаки контроля и надзора – это возможность вмешательства в оперативно-хозяйственную и организационную деятельность поднадзорных объектов и применение мер воздействия органами контроля и надзора. Органы надзора не вмешиваются в оперативно-хозяйственную и организационную деятельность поднадзорных объектов, в то время как контрольные органы своими предписаниями зачастую влияют на деятельность подконтрольных объектов. Кроме того, контрольные функции включают в себя не только надзор за соблюдением законодательства и постановку вопроса об устранении нарушений, но и устранение их самостоятельно в пределах предоставленной компетенции, а также в необходимых случаях привлечение виновных к ответственности и наложение санкции. Что же касается надзорных органов, то они таким правом не обладают [9]. Например, в ранее действующем законодательстве прокурор мог отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, теперь же согласно ч. 6 ст. 37 УПК РФ прокурор может лишь обратиться к руководителю следственного органа с требованием об отмене такого постановления. Руководитель, в свою очередь, может согласиться с доводами прокурора и отменить незаконное постановление, а может вынести мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора.

С отстранением прокуратуры от производства расследования тоже не все так гладко. Например, В. Ф. Статкус полагает, что органы прокуратуры должны быть освобождены от производства расследования, за исключением дел о нарушениях конституционных прав граждан, допущенных при расследовании уголовных дел следователями всех ведомств, о преступлениях лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (гл. 52 УПК РФ), а также о воинских преступлениях [10]. По мнению автора, этим должны заниматься следственные (название условное) прокуратуры. Можно не согласиться с автором по поводу этого утверждения.

Во-первых, в случае сохранения за прокуратурой следствия необходимо учредить указанную должность, но это может привести к неразберихе в процессуальных функциях и перекосам в сложившейся системе сдержек и противовесов.

Во-вторых, сразу возникает вопрос: кто будет надзирать за этими следственными прокурорами? В. Ф. Статус ответа на этот вопрос не дает. Если же это будут органы прокуратуры, то очевидно, что рано или поздно мы столкнемся с теми же проблемами, которые и породили необходимость в настоящей реформе. Наконец, неясным для нас является критерий, которым руководствовался автор, решая, какие дела должна расследовать прокуратура. Если бы речь шла только о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, объективность следователей Следственного комитета действительно могла быть поставлена под сомнение. Что же касается остальных категорий дел, на наш взгляд, нет никаких достаточных оснований для их передачи в производство органам прокуратуры. Ю. С. Дибиров считает, что правильнее было бы оставить прокуратуре следствие, отобрав надзор, так как прокурор на суде фактически отвечает за результаты работы Следственного комитета [11]. Однако не стоит забывать о том, что прокурор утверждает обвинительное заключение, тем самым соглашаясь с результатами следствия. Значит, поддерживая обвинение в суде, прокурор отвечает и за свою работу тоже. Кроме того, лишить прокуратуру надзора за следствием крайне затруднительно. Ведь это полномочие традиционно именно для прокуратуры, и на сегодняшний день ни один орган не способен возложить его на себя.

Не меньшее количество споров вызвало и появление новой фигуры в УПК РФ – руководителя следственного органа. В уже упоминавшейся нами Концепции судебной реформы говорилось о том, что «центральной фигурой Следственного комитета должен быть следователь. Существование руководителей всех уровней оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования». Говорилось также о недопустимости подчинения следователя административным начальникам, иерархической организации процессуальных связей, когда команды издаются «сверху – вниз» и т. д. Однако, проанализировав полномочия руководителя следственного органа, можно сделать вывод о том, что они практически не ограничены.

Как уже отмечалось выше, именно руководитель следственного органа отныне осуществляет те полномочия, которые раньше принадлежали прокурору и которых он лишился. В связи с этим многие задались вопросом: а в чем же самостоятельность следователя? Да, он не зависит от прокурора, но при этом полностью подчинен руководителю следственного органа. Учеными и практиками такое решение законодателя расценивается скорее как минус.

Замена прокурорского надзора контролем со стороны руководителя следственного органа ни к чему хорошему привести не может. Не спасает положения ни возможность обжаловать действия и решения следователя в суде, ни право прокурора обратиться к руководителю следственного органа с требованием устранить нарушения закона. Контроль руководителя следственного органа не может заменить прокурорского надзора по тем же причинам, по которым был неэффективен надзор за следователями прокуратуры. Причем связка «руководитель следственного органа – следователь» более тесная, чем связка «прокурор – следователь», считают А. Паничева, А. Похмелкин, Ю. Костанов. С ними согласна и Т. Ю. Ничипоренко: «Фактически следователь не получил большей самостоятельности – прокурора заменил руководитель следственного органа, наделенный большими властными полномочиями». При этом, как отмечает О. Л. Васильев, следователи в настоящее время еще более зависимы от своего начальника, чем ранее. Так, если в предыдущей редакции ст. 38 УПК РФ следователь мог обжаловать указание прокурора вышестоящему прокурору без чьего-либо согласия, то теперь обжалование решений прокурора следователь может осуществить лишь с согласия своего руководителя, и если руководитель своего согласия не дает, следователь вынужден продолжать работать и делать то, что ему укажут.

Так, Н. М. Селезнева дисбаланс процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа считает одним из негативных факторов, влияющих на предварительное следствие: «Сложившиеся на практике взаимоотношения между прокурором и следователем, прокурором и руководителем следственного органа отрицательно сказываются на качестве работы, так как прокурор поставлен в униженное положение и ему остается манипулировать оставшимися полномочиями и устанавливать личный контакт со следователем».

Противоположной точки зрения придерживается Д. А. Арутюнян: «Усиление ведомственного процессуального контроля на данном этапе реформирования уголовного судопроизводства в силу недостатка в квалифицированных следственных работниках призвано способствовать обеспечению законности и повышению качества следственной деятельности».

Следует согласиться, что обе представленные позиции заслуживают внимания. Действительно, оставить следователя абсолютно без какого-либо контроля невозможно. Зачастую на работу в следственные органы приходят молодые, неопытные сотрудники, которые просто нуждаются в наставнике. В данном случае руководитель следственного органа выступает не просто как контролирующая инстанция, но и как учитель, который своими указаниями способен обучить нового следователя. С другой стороны, полномочия руководителя не должны быть столь безграничны. Ряд из них вполне мог бы носить рекомендательный характер (например, руководитель следственного органа дает указания о направлении расследования, но только следователь решает, исполнить их или нет). Таким образом, если по итогам расследования окажется, что следствие было проведено неполно или некачественно, то следователь будет нести ответственность именно за свои решения и действия, а не за решения и действия своего непосредственного начальника.

Таким образом, на сегодняшний день прокуратура более не расследует уголовные дела, а надзор за предварительным следствием соответствует модели классического прокурорского надзора. И несмотря на то что многие ученые полагают, что реформа не дала положительных результатов (вследствие несовершенства законодательства, низкого качества предварительного следствия, кадрового состава и др.), делать столь категоричные выводы, на наш взгляд, преждевременно.

Примечания

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1489.

2. Дибиров Ю. С. Проблемы конституционно-правовых основ организации и деятельности Генеральной прокуратуры и Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 6. С. 70.

3. Паничева А., Похмелкин А., Костанов Ю., Румянцев В., Решетилова И. Не оставляйте следователя безнадзорным // Законность. 2008. № 5. С. 8.

4. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 21.11.2012) «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации») // СЗ РФ. 2011. № 4. Ст. 572.

5. Барабаш А. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам // Законность. 2011. № 4. С. 6.

6. URL: http://infox.ru/accident/crime/2011/02/18/Zamprokurora_Podmosk.phtml (последнее обращение – 11 октября 2013 г.).

7. Арутюнян Д. А. Актуальные вопросы модернизации предварительного следствия в России // Российский следователь. 2011. № 6. С. 36.

8. Васильев О. Л. Изменения в уголовном процессе (лето 2007 г.): совершенствование предварительного расследования или очередной шаг к ослаблению прокуратуры? // Вестник Московского университета. Сер. 11 «Право». 2008. № 2. С. 26.

9. Уманская В. П. Теоретическое и законодательное соотношение контроля и надзора // Административное право и процесс. 2005. № 4. С. 59–60.

10. Статкус В. Ф. Еще раз о едином следственном комитете в Российской Федерации. Прожекты, мифы и реальность // Вестник криминалистики. 2008. № 3. С. 16.

11. Дибиров Ю. С. Указ. соч. С. 70.

Notes

1. The resolution of the Supreme Council of RSFSR of October 24, 1991 No. 1801 1 "About the Concept of judicial reform in RSFSR" // SND and VS RSFSR Sheets. 1991, No. 45, art. 1489. (in Russ.)

2. Dibirov Yu. S. *Problemy konstitucionno pravovyh osnov organizacii i deyatel'nosti General'noj prokuratury i sledstvennogo komiteta pri General'noj prokurature RF* [Problems constitutionally legal bases of the organization and activity of the Prosecutor General's Office and Committee of inquiry at the Prosecutor General's Office of the Russian Federation] // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo - Constitutional and municipal law*. 2010, No. 6, p. 70.

3. Panicheva A., Pokhmelkin A., Kostanov Yu. Rumyantsev V., Reshetilova I. *Ne ostavlyajte sledovatelya beznadzornym* [Don't leave the investigator neglected] // *Zakonnost' - Legality*. 2008, No. 5, p. 8.

4. The decree of the Russian President of 14.01.2011 No. 38 (an edition from 21L 1.2012) "Questions of activity of Committee of inquiry of the Russian Federation" (together with "The provision on Committee of inquiry of the Russian Federation")//Resolves of Russian Federation. 2011, No. 4, art. 572. (in Russ.)

5. Barabash A. *Prokurorskiy nadzor za predvaritel'nym sledstviem: vozvrashchenie k osnovam* [Attorney supervision of preliminary investigation: return to bases]// *Zakonnost'- Legality*. 2011, No. 4, p. 6.

6. Available at: http://infox.ru/accident/crime/2011/02/18/Zamprokurora_Podmosk.phtml (the last address – on October 11, 2013). (in Russ.)

7. Arutyunyan D. A. *Aktual'nye voprosy modernizatsii predvaritel'nogo sledstviya v Rossii* [Topical issues of modernization of preliminary investigation in Russia]// *Rossiyskiy sledovatel' - Russian investigator*. 2011, No. 6, p. 36.

8. Vasilyev O. L. *Izmeneniya v ugovnom processe (leto 2007 g.): sovershenstvovanie predvaritel'nogo rassledovaniya ili ocherednoj shag k oslableniyu prokuratury?* [Changes in criminal trial (summer of 2007): improvement of preliminary investigation or the next step to weakening of prosecutor's office?] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11 «Pravo»*. - *Herald of the Moscow university. Ser. 11 "Right"*. 2008, No. 2, p. 26.

9. Umanskaya V. P. *Teoreticheskoe i zakonodatel'noe sootnoshenie kontrolya i nadzora* [Theoretical and legislative ratio of control and supervision]// *Administrativnoe pravo i process - Administrative law and process*. 2005, No. 4, p. 59-60.

10. Statkus V. F. *Eshche raz o edinom sledstvennom komitete v Rossijskoj Federacii. Prozhekty, mify i real'nost'* [Once again about uniform committee of inquiry in the Russian Federation. Projects, myths and reality]// *Vestnik kriminalistiki - Criminalistics Herald*. 2008, No. 3, p. 16.

11. Dibirov Yu. S. Spec. work. P. 70.

УДК 342.6

О. А. Коротаева

Административные регламенты в реализации контрольно-надзорных полномочий органов исполнительной власти

В статье анализируются проблемы регламентации административно-процедурной деятельности государственных органов исполнительной власти и их должностных лиц. Автор отмечает, что в современном российском административном праве появился новый правовой институт – «регламентное» право – и подробно исследует понятие административного регламента и административные процедуры, рассматривает соотношение данных категорий.

Кроме того, рассматриваются общие закономерности и отличительные особенности административного регламента органа исполнительной власти, выделены основные признаки и задачи административного регламента государственных органов исполнительной власти, проанализирована его структура.

Несомненным достоинством статьи является анализ проблем, связанных с применением административных регламентов государственных органов исполнительной власти, и их классификация.

Кроме того, были предложены некоторые варианты решения проблем, связанных с применением административных регламентов государственных органов исполнительной власти.

In article are analysed problems to regulation administrative-procedural activity state organ executive authorities and their executives. The Author notes that in modern new legal institute appeared in modern russian administrative right and in detail researches the notion of the administrative regulations and administrative procedures, is considered correlation data category.

Besides, are considered general regularities and discriminating particularities of the administrative regulations of the organ executive authorities, are chosen main signs and problems of the administrative regulations state organ executive authorities, is analysed its structure by Undoubted dignity of the author of the article is an analysis of the problems, in accordance with using administrative regulations state organ executive authorities and is organized their categorization.

Besides, were offered some variants of the decision of the problems, in accordance with using administrative regulations state organ executive authorities.

Ключевые слова: управление, право, административное право, исполнительная власть, административная реформа, административный процесс, административный регламент, административная процедура, административные действия, административная деятельность, административная регламентация.

Keywords: management, law, administrative law, executive power, administrative reform, administrative process, administrative procedure, Administrative Regulation, administrative activity, administration actions, administrative regulation.

В последнее время в современном российском административном праве появился новый правовой институт – институт административных регламентов федеральных органов исполнительной власти. Его появление связывается с очередным витком развития административной реформы исполнительной власти в России.

Согласно Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р, административно-управленческие процессы в федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов РФ недостаточно организованы и часто неэффективны. Качество этих процессов может быть существенно улучшено путем их модернизации, опирающейся на разработку и внедрение административных регламентов с использованием возможностей информационно-коммуникационных технологий [1].

Следовательно, важной правовой основой для регламентации административно-процедурной деятельности государственных органов исполнительной власти и их должностных лиц должны были стать административные регламенты. Принятие большого количества этих нормативных правовых актов стало основанием для формирования нового института, который можно назвать «регламентным правом» [2], регулирующим отношения в сфере исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг органами государственной власти

Как отмечает К. В. Давыдов, в настоящее время институт административных регламентов федеральных органов исполнительной власти можно отнести к числу новейших и весьма интенсивно развивающихся явлений административно-правовой реальности [3].

В научной литературе, посвященной административному праву, существуют различные точки зрения на понятия административного регламента и соотношение административных регламентов и административных процедур.

Так, например, по мнению ряда авторов [4], под административным регламентом понимается нормативный правовой акт, устанавливающий административную процедуру (административные процедуры), то есть действия или совокупность действий (решений) исполнительного органа государственной власти, его структурных подразделений и должностных лиц, производимых с определенной целью при осуществлении их полномочий [5].

При этом главной процессуальной особенностью административного регламента является то, что посредством его нормативно закрепляется форма административно-процессуальных действий, под которой понимается «внешнее, объективное и обязательное выражение содержания административного процесса, не допускающее вариантов действий субъектов правоприменения» [6]. Таким образом, административная процедура соотносится с административным регламентом как форма осуществления компетенции и правовой источник ее реализации [7].

Другая же точка зрения связана с разграничением административных регламентов и административных процедур. По мнению О. С. Рогачевой, «административный регламент представляет собой правовой акт управления, который принимается с целью установления правовых требований к организации внутренней деятельности и административным процедурам выполнения полномочий органов, структурных подразделений и служащих в системе органов исполнительной власти» [8]. То есть установление ряда административных процедур является целью издания административного регламента.

В обоих случаях сложность составляет отсутствие единства подходов к пониманию административной процедуры и административного процесса в целом.

Законодатель же не дает единого определения административного регламента, а разделяет административные регламенты в зависимости от их целевого назначения, так, например, есть определение административного регламента предоставления государственных услуг [9] и административного регламента исполнения государственных функций [10].

Следовательно, можно сказать, что «...понятие “регламент” в сфере государственного администрирования, в отличие от термина “административные процедуры”, имеет легальную дефиницию» [11], а административные процедуры такой дефиниции не имеют.

В целом можно выделить общие закономерности и отличительные признаки административного регламента органа исполнительной власти.

Во-первых, административный регламент является специфическим подзаконным нормативным правовым актом и утверждается, как правило, руководителями соответствующих органов [12]. При этом административный регламент помимо федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ создается на основе целого ряда специальных унифицированных нормативных правовых актов Правительства РФ [13].

Во-вторых, административный регламент органа исполнительной власти устанавливает временные пределы (административно-процессуальные сроки) действий должностных лиц и подразделений данного органа.

В-третьих, в нормах административного регламента устанавливается последовательность совместных действий и решений должностных лиц и подразделений органа исполнительной власти, связанной с реализацией административно-публичных функций, возложенных на органы исполнительной власти. Следовательно, административный регламент напрямую связан с административной процедурой.

В-четвертых, административные регламенты органов исполнительной власти призваны установить и поддерживать отдельные стороны административного правопорядка. В частности, административные регламенты устанавливают:

а) общие правила организации деятельности органов исполнительной власти по реализации административных полномочий и взаимодействия этих органов;

б) общие правила внутренней организации органов исполнительной власти;

в) квалификационные требования к государственным служащим органа исполнительной власти;

г) порядок взаимодействия с физическими и юридическими лицами, иными государственными органами, органами местного самоуправления, учреждениями и организациями по реализации административно-публичных функций, возложенных на органы исполнительной власти [14].

Кроме того, несмотря на различие регламентов по назначению и характеру административно-правовых функций, возложенных на органы исполнительной власти, можно отметить и общее в их структуре.

В административный регламент включаются следующие разделы: общие положения; требования к порядку исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги); административные процедуры; порядок и формы контроля за исполнением государственной функции (предоставлением государственной услуги); порядок обжалования действий (бездействия) должностного лица, а также принимаемого им решения при исполнении государственной функции (предоставлении государственной услуги).

Можно выделить следующие задачи административного регламента: оптимизация деятельности органов исполнительной власти и исполнения государственных функций, детальная регламентация деятельности государственных служащих в системе деятельности всех органов исполнительной власти, обеспечение открытости осуществления исполнительной власти и отчасти противодействие коррупции, хотя некоторые авторы [15] антикоррупционную составляющую ставят на первое место.

Однако должным образом осмысления места данного института в системе ведомственных актов до сих пор не произошло.

На современном этапе административной реформы в Российской Федерации действует более 500 административных регламентов в различных сферах публичного управления, и количество их увеличивается. Трудно сказать, насколько это эффективно, так как такое количество и качество актов невыгодно как для правоприменителя, так и для граждан и организаций.

Подобная ситуация порождает множество проблем, связанных с реализацией административных регламентов [16].

Было бы уместно использовать классификацию проблем реализации административных регламентов, разработанную О. С. Рогачевой [17], несколько модифицировав ее.

Первая группа проблем сводится к определению дефиниции административной процедуры и определению ее связи с административным регламентом.

Вторую группу проблем реализации административных регламентов составляют качественные характеристики актов данного вида. Их можно подразделить на следующие виды и разновидности:

1) проблемы [18], возникающие из непоследовательного соблюдения разработчиками установленных требований к структуре и содержанию административных регламентов. Данные проблемы реализации могут выражаться в виде:

– несоблюдение требований к структуре и содержанию административных регламентов, а также требований к регламентации отдельных административных процедур. Например, к этой группе проблем можно отнести механическое дублирование положения других нормативных актов, регламентирующих те же административные процедуры;

– нет логически структурированного последовательного описания административных процедур, вследствие чего не обеспечивается их упорядочение и конкретизация;

– наличие избыточных документов и процедур, например устанавливающих сокращенные сроки;

– формальное закрепление порядка обжалования действий (бездействия) должностных лиц, порядка информирования заявителей и заинтересованных лиц, предмета контрольно-надзорных проверок и некоторых других важных положений административных регламентов;

– отражение устаревшей информации или информации, не соответствующей действительности, и т. д.;

2) проблемы, связанные с противоречием административных регламентов действующему законодательству, например несоответствие требований к составу документов, необходимых для предоставления государственной (муниципальной) услуги, противоречия с главой 2.1 Федерального закона № 210-ФЗ в части закрепления порядка и сроков рассмотрения жалоб заявителей и т. д.;

3) проблемы, связанные с недостатками правового регулирования порядка разработки административных регламентов. К этой группе проблем можно отнести:

– проблемы, связанные с делегированием полномочий;

– закрепление в административных регламентах исполнения государственных функций сведений о размере платы за услуги организации (организаций), участвующей (участвующих) в исполнении государственной контрольно-надзорной функции;

4) проблемы, вытекающие из неурегулированности некоторых важных аспектов разработки и утверждения административных регламентов. Здесь можно выделить:

– вопросы, связанные с определением границ предмета регулирования административных регламентов [19]. В этой группе проблем на практике возникают сложности [20]:

• с выделением государственных (муниципальных) функций (услуг) для целей их регламентации;

• разграничением понятий «государственная (муниципальная) функция» и «государственная (муниципальная) услуга»;

• разграничением групп и последовательностей административных процедур для целей их регламентации;

– вопрос определения полноты регламентации. Административные регламенты часто имеют две крайности: с одной стороны, страдают отсутствием полноты регулирования, что влечет за собой появление «пустых» административных регламентов, с другой – содержат положения, выходящие за рамки регламентного регулирования. С полнотой регламентации тесно связана проблема корректности и четкости формулировок. Например:

• использование в административных регламентах оценочных понятий;

• включения норм, обуславливающих возникновение коррупциогенных факторов;

• положения, выходящие за рамки регламентного регулирования, – закрепление норм материального права и регламентация юрисдикционной деятельности;

– проблема закрепления в административных регламентах положений, указывающих на персональную ответственность должностных лиц и обеспечение взаимосвязи с должностными регламентами [21].

К третьей группе проблем реализации административных регламентов можно отнести организационные проблемы деятельности:

– Нарушение требований административных регламентов в части обеспечения необходимого стандарта предоставления государственных услуг, в частности недостатки в информационном обеспечении управленческой деятельности, ненадлежащие места приема заявлений граждан, высокая нагрузка на сотрудников подразделений, несоблюдение режима работы.

– Низкое ресурсное обеспечение, а именно, несоответствие зданий, сооружений, рабочих помещений требованиям регламента, неукomплектованность штатов, изношенность инфраструктуры зданий, недостаточное финансирование [22].

В современном российском законодательстве существует тенденция к увеличению количества числа административных регламентов, при этом существенной проблемой является отсутствие механизмов их реализации. Насколько это соотносится с такими их задачами, как «повышение управляемости в органах власти, усиление контроля за их деятельностью со стороны общества, создание исчерпывающих требований к решениям и содержанию работ государственных служащих, снижение административного усмотрения и коррупционного потенциала управленческих решений» [23]?

Таким образом, необходимо закрепить единый статус административного регламента предоставления государственных услуг и административного регламента исполнения государственных функций, установить единые требования к ним и определить места административных регламентов в системе нормативных правовых актов Российской Федерации. При этом либо отказаться от административного регламента и заменить его Административно-процессуальным кодексом или Управленческим, выделив там отдельный раздел или главу, посвященную регламентации административно-процедурной деятельности государственных органов исполнительной власти и их должностных лиц, либо принять отдельный нормативный правовой акт, регулирующий данные правоотношения на законодательном уровне.

Примечания

1. Собрание законодательства РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.
2. *Рогачева О. С.* От административных регламентов к административным процедурам: постановка задачи и пути ее практической реализации // *Административное право и процесс.* 2013. № 6. С. 48.
3. *Давыдов К. В.* Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории. М., 2010. С. 13.
4. Ю. А. Тихомиров, М. Я. Масленников, А. В. Мартынов.
5. См.: *Филатова А. В.* Регламенты и процедуры в сфере реализации государственного контроля (надзора). Саратов: Науч. кн., 2009. С. 116.
6. См.: *Масленников М. Я.* Российский административный процесс: триединство процессуальной нормы, содержания и формы // *Административное право и процесс.* 2008. № 2. С. 2–9.
7. *Мартынов А. В.* Актуальные проблемы реализации административных регламентов в сфере исполнительной власти // *Административное и муниципальное право.* 2009. № 11.
8. *Рогачева О. С.* Указ. соч. С. 48.
9. Правила разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 г. № 373 // *СЗ РФ.* 2011. № 22. Ст. 3169.
10. Правила разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 г. № 373 // *СЗ РФ.* 2011. № 22. Ст. 3169.
11. См.: *Завьялова И. С.* Правовые основы реализации форм государственного управления в Российской Федерации: теория, практика и способы решения актуальных проблем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 5.
12. В частности, административные регламенты федеральных органов исполнительной власти утверждаются федеральными министрами, директорами федеральных служб и федеральных агентств.
13. Типового регламента взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, Типового регламента внутренней организации федеральных органов исполнительной власти, Порядка исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг).
14. *Стахов А. И., Домрачев Д. Г.* Административные регламенты органов исполнительной власти. Киров, 2013. С. 94.

15. Там же. С. 104.
16. Буряга В. О. Административный регламент в сфере реализации исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
17. Рогачева О. С. Указ. соч. С. 50.
18. Буряга В. О. Административные регламенты: некоторые проблемы применения // Юридический мир. 2013. № 10. С. 36.
19. Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 9.
20. Буряга В. О. Административные регламенты: некоторые проблемы применения. С. 39.
21. Игнатюк Н. А. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти: вопросы методологии // Журнал российского права. 2006. № 10; Яцкин А. В. Правовое регулирование разработки административных регламентов // Журнал российского права. 2006. № 10.
22. Жулин А. Б., Иванова О. С. Мониторинг внедрения административных регламентов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2. С. 175–181.
23. Нарышкин С. Е., Хабриева Т. Я. Административная реформа в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 3–14.

Notes

1. Collection of the legislation of the Russian Federation. 2005. No. 46, art. 4720. (in Russ.)
2. Rogachyova O. S. *Ot administrativnyh reglamentov k administrativnym proceduram: postanovka zadachi i puti ee prakticheskoy realizacii* [From administrative regulations to administrative procedures: problem definition and ways of its practical realization] // *Administrative law and process*. 2013, No. 6, p. 48.
3. Davydov K. V. *Administrativnye reglamenti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii: voprosy teorii* [Administrative regulations of federal executive authorities of the Russian Federation: theory questions]. Moscow, 2010. P. 13.
4. Yu. A. Tikhomirov, M. Ya. Maslennikov, A. V. Martynov.
5. See: Filatova A. V. *Reglamenti i procedury v sfere realizacii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)* [Regulations and procedures in the sphere of realization of the state control (supervision)]. Saratov: Nauch. kn., 2009. P. 116.
6. See: Maslennikov M. Ya. *Rossijskij administrativnyj process: triedinstvo processual'noj normy, sodержaniya i formy* [Russian administrative process: trinity of procedural rule, contents and form] // *Administrative law and process*. 2008, No. 2, pp. 2-9.
7. Martynov A. V. *Aktual'nye problemy realizacii administrativnyh reglamentov v sfere ispolnitel'noj vlasti* [Actual problems of implementation of administrative regulations in the sphere of executive power] // *Administrative and municipal law*. 2009, No. 11.
8. Rogachyova O. S. Spec. work. P. 48.
9. Rules of development and approval of administrative regulations of providing the state services: affirmed by The resolution of the government of the Russian Federation of May 16, 2011 No. 373 // Resolves of Russian Federation. 2011, No. 22, art. 3169. (in Russ.)
10. Rules of development and approval of administrative regulations of execution of the state functions: affirmed by The resolution of the government of the Russian Federation of May 16, 2011 No. 373 // Resolves of Russian Federation. 2011, No. 22, art. 3169. (in Russ.)
11. See: Zavyalova I. S. *Pravovye osnovy realizacii form gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii: teoriya, praktika i sposoby resheniya aktual'nyh problem: Avtoref. diss. Kand. jurid. nauk* [Legal bases of realization of forms of public administration in the Russian Federation: theory, practice and ways of the solution of actual problems: Cand. jur. sci. autoref. diss.]. Voronezh, 2007. P. 5.
12. In particular, administrative regulations of federal executive authorities are approved by federal ministers, directors of federal services and federal agencies.
13. Standard regulations of interaction of federal executive authorities, Standard regulations of the internal organization of federal executive authorities, Order of execution of the state functions (providing the state services).
14. Stakhov A. I., Domrachev D. G. *Administrativnye reglamenti organov ispolnitel'noj vlasti* [Administrative regulations of executive authorities]. Kirov, 2013. P. 94.
15. Ibid. P. 104.
16. Buryaga V. O. *Administrativnyj reglament v sfere realizacii ispolnitel'noj vlasti v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. Kand. jurid. nauk* [Administrative regulations in the sphere of realization of executive power in the Russian Federation. Cand. jur. sci. autoref. diss.]. Moscow, 2009.
17. Rogachyova O. S. Spec. work. P. 50.
18. Buryaga V. O. *Administrativnye reglamenti: nekotorye problemy primeneniya* [Administrative regulations: some problems of application] // *YUridicheskij mir - Legal world*. 2013, No. 10, p. 36.
19. Nozdachev A. F. *Sistemnaya reglamentaciya administrativnoj deyatel'nosti: otechestvennaya doktrina i praktika* [System regulation of administrative activity: domestic doctrine and practice] // *Zakonodatel'stvo i ehkonomika - Legislation and economy*. 2011, No. 8, p. 9.

20. Buryaga V. O. *Administrativnye reglamente: nekotorye problemy primeneniya* [Administrative regulations: some problems of application]. P. 39.

21. Ignatyuk N. A. *Administrativnye reglamente federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: voprosy metodologii* [Administrative regulations of federal executive authorities: methodology questions]// *ZHurnal rossijskogo prava - Magazine of Russian law*. 2006, No. 10; Yatskin A. V. *Pravovoe regulirovanie razrabotki administrativnyh reglamentov* [Legal regulation of development of administrative regulations]// *ZHurnal rossijskogo prava - Magazine of Russian law*. 2006, No. 10.

22. Zhulin A. B., Ivanov O. S. *Monitoring vnedreniya administrativnyh reglamentov* [Monitoring of introduction of administrative regulations]// *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya - Questions of the public and municipal administration*. 2008, No. 2, pp. 175-181.

23. Naryshkin S. E., Habriyeva T. Ya. *Administrativnaya reforma v sub"ektah Rossijskoj Federacii* [Administrative reform in subjects of the Russian Federation]// *ZHurnal rossijskogo prava - Magazine of Russian law*. 2008, No. 10, pp. 3-14.

Икона как образ и текст в поэзии русской эмиграции

В докладе рассматриваются семиотические аспекты иконы в религиозно-философском и художественном пространстве русской эмигрантской поэзии 1920–1940 гг. Отмечается влияние «иконического текста» на поэтику лирики в многоуровневом аспекте: стихотворного экфразиса, хронотопа, особенностей перспективы, симультанной композиции. В сфере внимания – творчество Г. Иванова, И. Новгород-Северского, П. Ставрова, С. Маковского и других поэтов.

The paper looks into the semiotic aspects of the icon as seen religiously, philosophically and artistically by the Russian emigrant poets of the 1920s–1940s. The so called “iconic text” influences the lyric poetics in many aspects such as poetic ekphrasis, chronotop, the features of the perspective, light and colour canon, and simultaneous composition. The works by G. Ivanov, I. Novgorod-Seversky, P. Stavrov, S. Makovsky and other poets are taken as an example.

Ключевые слова: семиотика иконы, поэзия русской эмиграции, интермедальная поэтика.

Keywords: the icon semiotics, the poetry of the Russian emigration, intermedial poetics.

Художественная система поэзии русской эмиграции 1920–1940-х гг. представляет сложный текст, семиотическое поле которого обладает определенными характеристиками и формирует художественно-поэтическую модель мира.

Доказательством этого служит наличие системы культурных кодов, составляющих данный текст, – пространственно-временных, предметно-функциональных, чувственных. Мы исходим из того, что эти координаты обусловлены, прежде всего, онтологией изгнания, которое становится метаметафорой, реализующейся во множестве семиотических параметров – от пространственно-временных до предметно-чувственных, составляющих текст художественного (в частности, лирического) сознания.

Метафорическое переживание изгнания в культуре эмиграции приобрело религиозно-мифологическую коннотацию не только потому, что это отвечало онтологическим характеристикам эмигрантского сознания, но и в связи с тем, что дешифровка религиозных символов нескончаема, обеспечивая возможность бесчисленных прочтений на уровне индивидуальных художественных систем.

В этом контексте важная роль отводится «иконическому тексту» эмигрантской культуры, который стал не только отражением религиозно-философских исканий эмиграции, но и источником новых художественно-эстетических возможностей. Икона стала и знаком православия, и символом «русскости», и способом объединения нации за рубежом, и возможностью познакомить запад с древнерусским искусством.

Храмовая культура, перенесенная за рубеж из залитой кровью России, призвана была не просто сохранить православную веру и православную церковь, но и способствовать воспитанию силы духа в тяготах эмигрантской жизни. В числе особо почитаемых эмигрантами икон были некоторые чудотворные иконы, главная из которых – чудотворная икона Курско-Коренной Божией Матери «Знамение» – основная святыня Русской зарубежной церкви, вывезенная из России в 1920 г. Созданное в 1927 г. в Париже при поддержке и по инициативе В. П. Рябушинского замечательное общество «Икона» (L'Association «l'Исфне») ставило целью «изучение и охрану древней иконы и искусства Восточной Церкви». Членами общества были эмигранты-коллекционеры икон и исследователи древнерусского искусства, художни-

ки-реставраторы и иконописцы. В рамках деятельности общества икона изучалась как с точки зрения эстетической, так и с точки зрения церковного и литургического содержания. В самом широком контексте икона вышла за рамки духовно-религиозного смысла и приобрела художественно-образный символический смысл. Среди членов «Иконы» были не только художники Д. С. Стеллецкий и И. Я. Билибин, но и писатели П. П. Муратов и Б. К. Зайцев, С. К. Маковский и др. Многочисленные православные храмы, объединявшие эмигрантов, были оформлены работами иконописцев – членов общества [1].

Не случайно иконические образы в том или ином виде стали частью художественного сознания эмиграции, отразившись не только в изобразительном искусстве, но и в искусстве слова.

Поэзия в силу своих жанрово-родовых особенностей отличается в большей степени имплицитным отражением образной семантики иконы, тяготея в большей степени к ассоциативно-символическим рядам, интертекстуальности, интермедальности. Будучи предметом «с постоянно высоким семиотическим статусом», располагаясь в зоне между «сакральным» и «профанным» мирами, икона обладает мощным знакообразующим статусом, находясь в сложных взаимодействиях как со словом, так и с невербальной составляющей культуры.

Во-первых, слово связано с иконой многочисленными и многообразными нитями, прежде всего – через священные тексты, надписи, молитву, которые являются доминирующим вербальным источником многих икон. Это свойство иконы становилось центром внимания исследований В. Бычкова, В. Лепехина, Б. Успенского [2], с разных сторон подходящих к феномену иконического – на иконографическом, онтологическом, семиотическом, историко-культурном, психологическом и иных уровнях. В данном ракурсе основные знаки иконического языка: сюжет, цвет, свет, жест, детали, пространство, время, элементы семантического синтаксиса – являются не просто частями мозаики, из которых складывается текст иконы, а многомерным воплощением сакрального текста.

Во-вторых, несмотря на различия иконы и живописи, икона, как и живопись, является формой визуальной и одновременно художественной коммуникации. Она сформировалась как живописное свидетельство словесной истории, но на определенном этапе уже словесная история становится проявлением живописной; и если на раннем этапе живопись подражала Слову, то в новое время уже Слово, расширяя свои возможности, в поисках новой выразительности подражает живописи.

Интерес эмиграции к иконе был обусловлен не только идеологическими причинами и мессианскими задачами духовного характера, но и в целом стал продолжением художественных открытий начала XX в.

Для начала XX в. открытие иконы как особого жанрово-стилевого феномена имело непреходящее значение (по отношению к живописи, в частности авангарда, это было обозначено и отечественными, и зарубежными исследователями). В свою очередь, это влияние стало одной из сторон более широкого процесса, связанного с идеей большого синтеза, но не только в смысле *Gesamtkunstwerk*, а и в аспекте общей смены культурной парадигмы.

Этот процесс характеризуется опосредованностью восприятия традиции, в данном случае иконической, когда сам автор может не осознавать истоков своих художественных экспериментов, когда текст иконы присутствует в произведениях, не обязательно связанных с религиозной тематикой. Не случайно поэзия в силу своей художественной природы, способности «выражать невыразимое» оказывается в центре этих экспериментов, существенно расширяя и обогащая интертекстуальное поле иконической образности.

Одной из форм такого поиска является принцип интермедальности как следствия усложнения принципов организации художественного текста, который заимствует и «ассимилирует» свойства текстов других видов искусства, создавая особый способ организации, переводя визуальный код в систему вербального» [3]. Активизация интермедальных процессов в литературе XX в., по мнению многих исследователей этих процессов, связана с отказом от литературоцентризма и переходом к «искусствоцентризму», что совершенно справедливо по отношению к художественным исканиям рубежа XIX–XX вв.

Формы интермедальных взаимодействий в литературе XX в. достаточно многообразны. В их числе обозначим следующие: 1) *экфразис* (словесное воспроизведение живописного произведения средствами литературы); 2) *интермедальные включения* мотивов, образов, сюжетных звеньев одного медиального типа – музыкального, живописного, архитектурно-

го – в тексты другого медиального типа (чаще всего литературного); 3) *формообразующие элементы* (жанр, семантический синтаксис) живописного, музыкального, архитектурного произведения в их проекции на литературный текст.

Икона в этом ряду является идеальным «полем» интермедиальности, представляя не столько отдельный вид искусства, сколько определенный культурный текст, синтезирующий практически все сферы художественного творчества. Будучи текстом, аккумулирующим семиотические сферы изображения и слова, икона формирует свою знаковую систему, которая, как это парадоксально ни звучит, выходит далеко за рамки религиозного сознания, становясь, прежде всего, жанрово-стилевым феноменом художественной культуры в целом. Не случайно открытие и осмысление этого феномена в начале XX в. надолго определило основной вектор художественных исканий русского модернизма, а через него – и последующих форм литературного творчества. Подобное соотношение между типами медиальности организуется по принципу, названному в разных исследованиях «текстом в тексте» (Ю. М. Лотман), «искусством в искусстве» (Е. Фарыно), «геральдической конструкцией» (М. Б. Ямпольский).

Сформировавшись в пространстве культуры философско-религиозного ренессанса и напряженных нравственно-этических исканий, в условиях перемещения интеллектуальной и религиозной жизни России на Запад, русская эмигрантская литература продолжила стилевую традицию Серебряного века в его направлении к синтезу. И в данном случае мы имеем в виду не только обращение к образному «фонду» иконописи в творчестве того или иного поэта, но и влияние на литературу всего знакового комплекса иконы. При этом «иконический текст» в своём глубинном значении обнаруживает наиболее тесные связи с лирикой в силу повышенной образности, символической насыщенности, собственной системы кодов, с помощью которых можно описать тончайшие переживания и сакральные смыслы.

Роль экфразиса (как словесного описания иконы) заключается не только в том, что поэт описывает её, а в том, что в поисках способов такого описания усложняется язык поэзии, усиливаются его метафоричность, ассоциативность, символические ряды. В этом смысле лирика эмиграции также продолжает традиции Серебряного века, однако здесь важно и другое: в иконических экфразисах поэзии эмиграции велика роль культурно-исторического акцента. Восприятие иконы всегда связано с памятью об ушедшей в прошлое России, с потребностью сохранения русской культуры, русского пути и православной веры, одним из главных символов которого и являлась икона. И совершенно закономерно и естественно одно из главных мест здесь принадлежит «богородичным» иконам.

В этом плане интересны экфразисы В. Сумбатова, в частности «Явление радости» (1922), стихотворение, представляющее эмоциональный экфразис иконы «О Тебе радуется Благодатная». Богородичный образ утверждается во всеобъемлющем смысле – как радость всех живущих на земле и на небе. Именно поэтому эта икона символизирует храм и сердце матери, исполненное любовью ко всем изгнанным и обездоленным:

И вот – явилась Ты, и в сумраке стоюком
Мне внятен голос Твой, ясны Твои черты!
Уста мои горят: то свет Твой неизменный,
Как пламя изо льда, из сердца гимн исторг,
И славлю я Тебя, Владычица вселенной!
Ты – Дева – Мать Любви, ты счастье и восторг! [4]

По своей гимнической интонации стихотворение близко к благодарственной молитве, читаемой перед иконой, на которой Пресвятая Богородица изображена в райском саду на фоне храма на троне, у подножия которого автор гимна «О Тебе радуется...» Св. прп. Иоанн Дамаскин и святые, славящие Богородицу. Поэт, работавший в эмиграции художником в Ватикане, мог видеть список этой иконы, хранящейся в Музее Греческого института византийских и поствизантийских исследований (Венеция), хотя, разумеется, этот извод во множестве списков был представлен в российских и западноевропейских храмах.

В лучших своих стихотворениях эмигрантского периода («Призрак», «Ты со мной неотступно всегда и везде») поэт неизменно соотносит образ родины с ликом Богоматери.

В то же время в художественном сознании поэтов остро ощущается особый характер антиномий, лежащих в основе монологов-молитв иконам Божией Матери, свидетельствующий

щих о том, что икона воспринимается не только как религиозный символ, но и как факт культурной истории России на фоне трагических катастроф XX в.

Таково стихотворение А. Несмелова «Тихвин» (1922), своеобразное посвящение чудотворной Тихвинской иконе (Богоматерь-Путеводительница), которая, согласно легенде, исчезала в моменты гражданских и религиозных смут, а затем чудесным образом являлась в новых местах, в том числе, по легенде, и в северных русских землях, воспарив в свое время и над рекой Тихвинкой. На месте чудесного явления был возведен Успенский храм, где хранилась икона. Эмиграция воспринимала икону как символ сакрального статуса России перед ликом Бога и, соответственно, как знак её мессианской роли и силы. С этим связывали и особую иконографию иконы Одигитрии как «Путеводительницы». Иконе молились во спасение: «...подаждь им победы на вся враги их, и сохрани вся грады и страны христианския, и сей святыи храм от всякаго навета вражия избави, и всем вся на пользу даруй, ныне пришедшим с верою...» [5] Поэтому в стихотворении Несмелова (примыкающем тематически к автобиографической поэме «Тихвин») она связана не столько с экфразисом иконического образа, сколько со сказаниями о нем, и вводится в исторический контекст, отсылающий к трагедии России и приходу Антихриста:

И осталось только пепелище,
И река из древнего русла
Зверем, поднятым из логовища,
В Ладожское озеро ушла.
Тихвинская Божья мать горько
Плачет на развалинах одна.
Холодно. Безлюдно. Гаснет зорька.
И вокруг могильна тишина [6].

В этом же ряду – и лирика С. Бехтеева, поэта, мало известного на родине. Трагедия цареубийства, Гражданской войны, вера в грядущее возрождение объединяются в лирических молитвах его поэзии. Образ Иконы Богоматери приобретает смысловую полноту на фоне постепенного «вхождения» в образ Державной Царицы, Путеводительницы и Заступницы. Стихотворение «Наш храм» (1932), написанное, как следует из авторского примечания, «в день празднования иконы Божией Матери, именуемой “Достойно есть” (Милующая), X век», построено по композиционному принципу иконостаса (ступеней приближения к лику). В самом тексте нет точных деталей, указывающих на иконографию образа, но упоминание о нем в приведенном примечании принципиально важно потому, что образ наследует византийские традиции православной веры (оригинальный список иконы, относящийся к 980 г., хранится на Афоне), а также вызывает ассоциации со сказаниями, положенными в основу текста иконы, и потому, что связан с акафистом Пресвятой Богородице в честь этой иконы, перед которой молятся о духовном прозрении, возвращении заблудших, прощении грешников: Радуйся, упование наше непостыдное. Радуйся, скорбей наших разрешение; Радуйся, печалей наших утление. Радуйся, веры православныя утверждение; Радуйся, неверия и зловерия посрамление. Радуйся, любви Божественныя явление; Радуйся, чудес преславных совершение; Радуйся, христианам Помощнице и милосердия о грешных Предстательнице» [7]:

Сама Державная Царица
Здесь в Божьей келии живет
И нас, как яркая зарница,
Сквозь тьму житейскую ведет.
Ведет к святому воскресенью
Того, Кто в кротости Своей
Простив врагам, предал забвенью
Все оскорбленья буйных дней [8].

Несомненный интерес представляют малоизвестные экфразисы поэта И. Новгород-Северского, собранные в книгу «Мать Божия Державная» (Париж, 1966) и представляющие молитвенные обращения к различным изводам иконы Богоматери (в сборнике их больше 50). Здесь интересен синтез канонической и фольклорной традиции в описании иконы, что передает народное представление о лике Божией Матери. При этом в изобразительную па-

литру включаются звуковой, цветовой и ольфакторный коды, помогающие синтетическому восприятию иконы. А стихотворение, посвященное «Иконе Путивльской», включает еще и ассоциативный план «Слова о полку Игореве»: «*Не в Путивле плачет Ярославна, / А по всей родной земле, / С нею Матерь Божья неустанно / Сыну молится во мгле*» [9].

Среди икон-экфразисов можно отметить стихотворения Л. Алексеевой («К Лесной Мадонне»), Б. Филиппова («Бамберг. Собор. Черная Мадонна», 1945), посвященные Черной Мадонне, и многие другие поэтические тексты русской зарубежной лирики.

Говоря о втором типе интермедальности в иконическом тексте, мы имеем в виду включение в поэтический текст мотивов, образов, отдельных сюжетных фрагментов иконы. Интересно при этом, что образно-символические ряды иконы проникают в произведения, внешне далекие от религиозного дискурса. Вместе с тем, будучи обильно вкрапленными в систему поэтики, они становятся очень выразительным и сильным способом создания концептуальной сферы произведения, способствуя глубине интерпретации текста. Это и «Желтый ангел» А. Вертинского, и иконографические образы-детали В. Корвин-Пиотровского в стихотворении «Решеткой сдавлено окно...», где вербализованы пространственные образы иконы: в единый круг пространства вписываются море, лес, иконные горки, ладья, радуга, облака [10]. А у М. Форштетера по подобию Града Божьего строится образ Праги, составленный из канонических деталей: плывущий в «огненной лазури» град, стянутый тугим кругом, и переосмысленная поэтическая интерпретация Троицы. Выразительной иллюстрацией сложного художественного интертекста иконы может служить поэма С. Рафальского «Поэма о потустороннем мире» с ключевым знаком-эпиграфом из Твардовского («*Была страна Муравия, / И нету таковой...*»), определяющим не только тематическое «ядро» произведения (взгляд с «того света»), но и ритмический рисунок стиха.

Примечателен, прежде всего, принцип антиномичной поэтики, положенный в основу поэмы и представляющий земной мир через ситуацию мистического возвращения лирического персонажа (в определенном смысле *alter ego* автора) после Суда Небесного на грешную землю. Вся поэма насыщена не только иконическими образами, но и сюжетами икон, основу которых составляет представление о божественно-человеческой природе героя поэмы.

В финале имплицитно вводится венчающая поэму ассоциация с иконописным изводом сюжета иконы «Христос во Славе»: «...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» (Мтф. 24:27–30):

И вот я – смертью смерть поправ,
Стою в сияньи Звезд и Слав,
И стали давним сном мытарства,
И под миражем бытия
Я – это Он, Он – это я,
И все – Его Святые Царства... (т. 2, с. 114)

Еще более сложная организация образно-мотивного комплекса иконы наблюдается в лирике Б. Поплавского. Прежде всего, это образ-символ Черной мадонны, давший название одному из самых загадочных стихотворений поэта, представленный на фоне дикого, разорванного мира, хаоса и безумия с его запахами, звуками, цветами. Черная мадонна (её иконография представлена в разных странах Европы), лику которой приписывались магические свойства [см.: 11], в контексте стихотворения Б. Поплавского приобретает символический смысл.

При этом обращает на себя внимание ракурс изображения мирового хаоса – это взгляд сверху, с небес, охватывающий сразу все пространство: пространственная поэтика сюрреалистического письма вписывается в религиозно-мистический контекст:

Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле.
Дико вскрикнет черная Мадонна
Руки разметав в смертельном сне.
И сквозь жар, ночной, священный, адный.
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет (т. 3, с. 7)

Наконец, одним из самых интересных приемов работы литературы с иконическим текстом является использование в качестве художественного кода лирики элементов семантического синтаксиса иконы и её пространственно-временных параметров. Наиболее последовательно этот тип интермедиальности проявляется в поэтических трансформациях обратной перспективы, порождающих новые возможности поэтической условности. Это, прежде всего, система обратной перспективы, исходящая из множественности зрительных позиций, впоследствии суммирующихся в едином впечатлении и в единой точке. В то же время деформация изображаемых предметов и пространств в литературном тексте приобретает особый смысл.

Во-первых, в поэтический текст включаются элементы симультанного пространства иконы, которое станет одной из главных стилизованных черт авангардной поэтики, формирующейся в рамках художественно-эстетической парадигмы XX столетия [12]. Следует признать, однако, что эта проблема в большей степени исследована на материале изобразительных форм искусства авангарда и практически обошла стороной литературу, что делает актуальным обращение к этому ракурсу.

Пространственный код может представлять принцип «матрешки» – своеобразной «встроенности» пространств друг в друга, как это мы наблюдаем в иконе, либо (по принципу «кристаллической поэтики») приобретать особую форму композиционного решения стиха (вид из окна движущегося поезда):

В окне мелькали пустыри и пашни,
Рассыпанные по лужкам стада,
Высоко в скалах, неизменно с башней, –
Похожие на скалы города (С. Маковский, «В окне мелькали пустыри и пашни»
(т. 1, с. 115),

– или в «Одуванчиках» Дм. Мережковского (где описание пейзажа построено по принятому канону иконы):

Небо нагорное сине;
Верески смольным духом
Дышат в блаженной пустыне;
Белые овцы кротки,
Белые лилии свежи;
Генисаретские лодки
Тянут по заводи мрежи.
Слушает мытарь, блудница,
Сонм рыбаков Галилейских;
Смугла разбойничьи лица
У пастухов Иудейских.... (т. 1, с. 39).

Пространственная симультанность как поэтический прием и элемент стиля характерна для творчества многих поэтов эмиграции – Вл. Ходасевича, И. Голенищева-Кутузова, Ю. Одарченко, Б. Поплавского, М. Цветаевой, Б. Божнева... При этом достаточно сложно провести грань между ориентацией на иконописную традицию и поэтическими экспериментами, связанными с художественными исканиями эпохи. Точкой отсчета здесь, по-видимому, должны быть эксплицитные интертекстуальные переключки с сакральными текстами.

Так, в русле экспериментальной поэтики, принцип симультанности встречается, например, у Вл. Ходасевича. В мир «Соррентийских фотографий» поэт вписывает мотивы и образы Священной истории, но они построены по иконографическим канонам евангельского сюжета, визуализированного в жанре иконы-фрески и представляющего «отпечаток» «двух совместившихся миров», нескольких топосов («оливкового сада», Москвы, Петербурга, Сорренто, Голгофы), планов и ракурсов. Все они вписаны в мотив «крестного пути» и включают экфразис иконы Божией Матери (судя по поэтическому описанию, это икона «Всех скорбящих Радость»):

...А над толпою лишь Она,
Кольцом огней озарена,
В шелках и розах утопая,

С недвижной благостью в лице,
В недостижимом венце,
Плывет, высокая, прямая... (т. 1, с. 219).

Кроме того, здесь, подобно вектору движения взгляда в пространстве иконы (снизу вверх), строится поэтика «вертикали» художественного мира стихотворения. Этот приём используется также в стихотворении «Стали подниматься на ступени...» Ю. Одарченко.

Если принимать во внимание тот факт, что обратная перспектива (по Б. Успенскому) предполагает взгляд изнутри иконы, в динамике зрительной позиции, то не менее важен еще один принцип поэтической «конструкции» иконы: лирический герой словно «входит» в пространство иконы, принимает на себя функцию сакральных персонажей, становится их двойником (ассоциация лирического героя с Христом, Богородицей, Ангелом, Магдалиной), что в целом характерно для традиции Серебряного века.

В качестве вывода отметим, что икона – это лишь один из векторов интертекстуальных переключений русской эмигрантской поэзии с культурной традицией, и представленные заметки не исчерпывают всей глубины поставленной проблемы. В обозначенном аспекте перспективны наблюдения над воздействием цветосветовой характеристики эмигрантской поэзии в её отношении к иконической традиции, поэтическое переосмысление текстов молитв и тропарей в честь тех или иных икон. По-видимому, целесообразно говорить и о традиции русской религиозной лирики в поэзии эмиграции, о своеобразном художественном синтезе иконы и живописи в пределах одного поэтического текста, что открывает большие возможности в исследовании поэтики художественного текста.

Примечания

1. Наиболее полное издание, посвященное деятельности общества: *Вздорнов Г. И.* «Общество «Икона» в Париже: в 2 т. / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залеская, О. В. Лелекова. М.; Париж: Прогресс-Традиция, 2002.

2. *Бычков В. В.* Феномен иконы. М.: Ладомир, 2009; *Лепяхин В. В.* Икона и Иконичность. СПб.: Успенское подворье Оптиной Пустыни 2002; *Лепяхин В. В.* Икона в русской художественной литературе: Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002; *Успенский Б. А.* Семиотика иконы // Семиотика искусства. М.: Языки рус. культуры, 1995. С. 221–296.

3. *Тишунина Н. А.* Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Санкт-Петерб. филос. о-во, 2001. С. 153.

4. *Сумбатов В.* Явление радости // Сумбатов В. Прозрачная тьма. Собрание стихотворений. URL: http://www.litmir.net/br/?b=175522&p=6#section_15

5. Молитвы к 45 чудотворным Иконам Божией Матери / сост. Михаил Малеев, иерей. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/bogorod2/H43-T.htm>

6. *Несмелов А.* Тихвин // Несмелов А. Избранные стихотворения. URL: <http://pesni.voskres.ru/poems/nesme07.htm>

7. Икона Богородицы «Достоинно есть» («Милующая») // Пресвятая Богородица Дева Мария. URL: http://www.deva-maria.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=185:ikona-bogomateri-dostoino-est-miluushaya&catid=33:

8. *Бехтеев С.* Наш храм // Бехтеев С. Избранные стихотворения. URL: http://www.neugasimaia-lampada.narod.ru/Nash_Chram.html

9. *Новгород-Северский И.* Матерь Божия Державная. Париж, 1966. С. 14.

10. «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1960: в 4 кн. М.: Моск. рабочий, 1994–1995. Т. 1. С. 323. Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

11. *Кротов Я.* XVI век: в защиту черного цвета // Кротов Я. Богочеловеческая комедия. URL: http://krotov.info/yakov/history/17_moi/1677_black_madonna.htm

12. См., например: *Бычков В. В.* Икона и русский авангард нач. XX века / Коревище ОБ. Книга неклассической эстетики. М.: ИФРАН, 1998. С. 58–75.

Notes

1. The most unabridged edition devoted to activity of society: *Vzdornov G. I.* «*Obshchestvo «Ikona» v Parizhe* [“The society “icon” in Paris]: in 2 vol. / G. I. Vzdornov, Z. E. Zaleskaya, O. V. Lelekova. Moscow; Paris: Progress-Traditsiya. 2002.

2. *Vychkov V. V.* *Fenomen ikony* [Fenomena of an icon]. Moscow: Ladimir. 2009; *Lepakhin V. V.* *Ikona i Ikonichnost'* [Ikon and Ikonity]. Saint-Petersburg: Uspenskoe podvor'e Optinoj Pustyni 2002; *Lepakhin V. V.*

Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopistsy [Ikona in the Russian fiction: Icon and iconoduly, iconography and icon painters]. Moscow: Otchij dom. 2002; Uspensky B. A. *Semiotika ikony // Semiotika iskusstva* [Semiotics of an icon// Semiotics of art]. Moscow: *Yazyki rus. kul'tury*. 1995. Pp. 221-296.

3. Tishunina N. A. [Methodology of the intermedial analysis in the light of interdisciplinary researches//Methodology of humanitarian knowledge in the long term the XXI century]. *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Proc. Int. Sci. Conf.] Saint-Petersburg. : Sankt-Peterburgskoye filos. obshestvo, 2001, p. 153. (in Russ.)

4. Sumbatov V. *Yavlenie radosti* [Phenomenon of joy]//Sumbatov V. *Prozrachnaya t'ma* [Transparent darkness]. Collection of poems. Available at: http://www.litmir.net/br/?b=175522&p=6#section_15

5. *Molity k 45 chudotvornym Ikonam Bozhiej Materi* [Prayers to 45 wonder-working Icons of the Mother of God] / comp. Mikhail Maleev, priest. Available at: <http://www.wco.ru/biblio/books/bogorod2/H43T.htm>

6. Nesmelov A. *Tihvin* [Tikhvin]//Nesmelov A. *Izbrannye stihotvoreniya* [Chosen poems]. Available at: <http://pesni.voskres.ru/poems/nesme07.htm>

7. *Ikona Bogoroditsy «Dostojno est'» («Miluyushchaya»)* [The icon of the Virgin "Adequately is" ("Pardoning")]/the Blessed Virgin Virgin Mary. Available at: http://www.deva-maria.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=185:ikona-bogomateri-dostoino-est-miluyushchaya&catid=33:

8. Bekhteev S. *Nash hram* [Our temple]//Bekhteev S. *Izbrannye stihotvoreniya* [Chosen poems]. Available at: <http://www.neugasimaia-lampada.narod.ru/Nash-Chram.html>

9. Novgorod-Seversky I. *Mater' Bozhiya Derzhavnaya* [Mother of God Derzhavnaya]. Paris. 1966. P. 14.

10. "We lived then on a planet another ..." The Anthology of poetry of the Russian abroad. 1920–1960: in 4 books. Moscow: Mosk.Rabochy, 1994–1995. Vol. 1. P. 323. Further all references to this edition are given in the text with the indication of volume and the page.

11. Krotov Ya. *XVI vek: v zashchitu chernogo tsveta* [XVI century: in protection of black color]// Krotov Ya. *Bogochelovecheskaya komediya* [God-human comedy]. Available at: http://krotov.info/yakov/history/17_moi/1677_black_madonna.htm

12. See, for example: Bychkov V. V. *Ikona i russkij avangard nach. XX veka* [Ikona and Russian vanguard head XX century] / *KoreviSHCHE OB. Kniga neklassicheskoy ehstetiki* [KoreviSHCHE OB. Book of a nonclassical esthetics]. Moscow: IFRAN. 1998. Pp. 58-75.

УДК 811.161.1'42:81'33

О. И. Колесникова

Сигналы эстетической информации как факторы персуазивности в книжной рекламе

Объектом исследования являются лингвокреативные факты в книжных аннотациях и рецензиях, которые создаются с целью привлечения внимания потенциальных читателей к опубликованным произведениям художественной литературы. В центре интереса автора – эстетически значимые средства языка, вызывающие перлокутивный эффект. Для анализа берется материал интернет-сайтов со специализированной медиарекламой книги.

The object of the research are the lingvocreativ facts in book reviews, which are created with the purpose of attraction of the potential readers of fiction attention. The artistic language features that cause the perlokutiv effect are in the centre of interest of the author's. The analysis is based on the material of Internet sites with a specialized media advertisement of books.

Ключевые слова: медиареклама художественной книги, эстетические средства презентации книги, перлокутивный эффект.

Keywords: media advertisement of fiction, aesthetic means of presenting of books, perlokutiv effect.

Дискурс о книге, в том числе книжная реклама, представляет интерес как прагматически организованное речементальное пространство, в котором реализуются креативные возможности языка. Прагматические функции аннотаций и рецензий здесь заключаются не только в «продвижении» книги как товара (коммерческая функция). Немаловажно, что книги анонсируются как особый продукт творческой деятельности талантливого автора, имеющий духов-

но-культурную ценность (интеллектуальная функция). Кроме того, это еще и повышение престижа чтения, влияние на читательское развитие личности (социально-культурная функция). Воздействие на адресата рекламы книги с целью побуждения к совершению определенных действий осуществляется в рамках особой – персуазивной – коммуникации. Ее речевой инструмент нацелен на усиление аргументации, достигаемое, в частности, эстетическими средствами языка.

Материалом нашего исследования персуазивности (убедительности) языковых способов презентации суждений рецензентов (писателей, критиков, редакторов, журналистов) о произведениях художественной прозы послужили тексты, написанные специалистами и размещенные на рекомендательных и торговых сервисах в сети [1]. Их целевое назначение – информационно-рекламное оповещение широкого круга читателей об изданной книге, передача сигнала о появлении в печати книжной новинки. В дискурсе о книге прагмаэстетическими средствами языка [2] создаются условия для перлокутивного эффекта. Под перлокутивным эффектом здесь понимается специфическое реагирование потенциального читателя в виде осознания заинтересованности в чтении произведения. В речевом акте такой эффект должен быть запланирован субъектом речи. Исследователи предлагают считать особым типом коммуникативного эффекта «инициальный эффект» – желаемый адресантом речи и зависящий именно от него результат коммуникации, который «не вербализован, имплицитен и не доказуем» [3]. Поэтому, хотя такой эффект и предпочтителен для адресанта, он только возможен для адресата и «финальным» может не стать.

В рекламном дискурсе осознание интенции субъекта речи может помешать адресату принять нужное адресанту решение. Пресуппозиция «товар плох, его специально расхваливают» сводит на нет почти все средства реализации намерения автора, если не переубедить потенциального потребителя товара с помощью, например, рефрейминга [4]. Не столь прямолинейно выступает прагматическая основа дискурса в области специфичной – книжной – рекламы, чему есть, на наш взгляд, две причины.

Во-первых, сам жанр рекламного обращения с информацией о предлагаемой для покупки книге связан с устойчивой формой литературной рецензии. Она обычно строится по узуальной информативной модели и предназначена для выражения критической оценки объекта. Если согласиться с В. В. Дементьевым, который говорит о способности речевого жанра выступать в роли коммуникативного аттрактора [5], то можно предположить, что такие вторичные жанры, как рекламные рецензия, анонс, аннотация, описание, с их фасциативными целеустановками [6], уравнивают прагматический расчет издателя и культурные ожидания читателя. Подсознательно каждый читатель в ходе освоения смысла опирается на фоновое знание о квалифицированном характере освещения презентуемого произведения специалистом. Такое знание создается за счет когнитивных признаков «объективность» и «компетентность», формируемых информацией о завоеванном книгой месте в мире литературы, заявлениями о характере ее восприятия публикой или критикой, фактами о премиях, переводах на языки стран мира, экранизациях и т. д.

Во-вторых, по нашим данным, эффективным средством выражения персуазивной интенции автора рекламной рецензии являются особые словесные знаки – эстетические способы вербализации оценки объекта (произведения) и его частных особенностей (авторской манеры, выражения позиции рецензента и других). Факты креативных «находок» для вербализации рекламной идеи не только помогают адресату осознать интенцию рецензента, но и художественно преобразуют коммуникацию, создают эмотивно-смысловое пространство восприятия информации, что повышает убедительность дискурсивных средств в издательских описаниях и аннотациях.

С позиций дискурсивно-когнитивного подхода к анализу и оценке языковых явлений, в них принято учитывать признаки участия когнитивных (мысленных) структур – как адресанта, так и адресата речи – в формировании концептуально-семантического пространства [7]. Поэтому обращение к прагматике дискурсивных единиц на любом уровне (предметном, образно-символическом, концептуальном) предполагает выявление наиболее «сильных» знаков языка. «Силу», по-видимому, придают этим единицам те смысловые «опоры» (являющиеся у читателя рецензии мысленные структуры, или когнитивные образования), которые будут отмечены в его сознании как имеющие ценностные значения компоненты. К аксиологически значимым концептуально-семантическим признакам книжной рецензии могут относиться те признаки, которые коррелируют с ценностной системой индивида и

поэтому вызывают желание получить книгу (через интернет-магазин или сайт издательства): например, «важность» сообщения – в силу его «полезности» (пополнение информационного фонда), «необычность», «новизна», «необходимость», «занимательность», «интерес».

В лингвистическом плане отклик-реакцию адресата можно отнести к сфере «стилистического эффекта», который квалифицируется как динамическая когнитивно-психологическая категория [8]. Результирующий смысл как новое когнитивное образование в рекламной коммуникации должен быть предсказуемым, чему, как мы считаем, служат элементы художественного дискурса, то есть эстетически значимые способы вербализации оценки объекта (произведения). Можно назвать эти способы сигналами эстетической информации. Термин «эстетическая информация» мы трактуем шире, чем, например, Т. В. Жеребило. Это не только «отражение автором знаний о мире в образной форме в целях самовыражения и художественного воздействия на адресата» [9], но и любая информация о книге, вербализуемая средствами языка, креативно преобразующими дискурс. Такими сигналами в читательском сознании порождаются чувственно-конкретные представления об объекте изображения в презентуемой книге. Сигналы эстетической информации способствуют лучшему осознанию писательских достижений. Они четче показывают сюжетную линию, подчеркивают специфику подхода писателя к разрешению художественного конфликта, а самое главное – интеллектуализуют поле рецепции в дискурсе.

Распознавание эстетических сигналов в процессе речевосприятия происходит, очевидно, благодаря способности языкового сознания разграничивать обычные и лингвокреативные дискурсивные единицы. Можно предположить, что данное речемыслительное действие читателя осуществляется на базе осознания смыслового «сдвига», при ощущении внутренней конфликтности смыслов с одновременным удерживанием этих смыслов в их множественности. Важную роль в лингвокогнитивном механизме выделения, а затем – и оценивания знаков нестандартной речи – играют аффективные реакции индивида на эстетически маркированную речь. Прагматической значимостью обладает и фактор «насыщенности» текста (высказывания) эстетическими сигналами, способными вызвать у реципиента определенную реакцию (перлокутивный эффект).

На уровне интенциональной (направленной на вовлечение читателя в координаты художественной картины мира) организации дискурса о книге можно выявить специфические фреймы. Фреймы выступают такими фрагментами знания, которые при передаче информации не только «выстраивают» восприятие, но и – благодаря креативным лингвемам – оказывают прагмаэстетическое воздействие в любом, даже деловом, дискурсе [10]. Анализ материала показывает, что основными фреймами, создающими эстетические рамки для интерпретации сообщения о книге, являются:

– позиция издания в современном книжном рынке: *Выход первой книги... Эл Джеймс взорвал литературный мир! Книга, номинированная на Букеровскую премию, буквально взорвала отечественный книжный рынок (books.ru); ...без преувеличения можно назвать настоящей сенсацией, да просто-таки взрывом в книжном мире...; роман приобрел чрезвычайную популярность ... став лидером в продаже и т. д.* Сравним с фактами рациональной аргументации в рекламном дискурсе: *Книга из всемирно знаменитого цикла... суммарный тираж которого подбирается к трем миллионам экземпляров (Азбука-Аттикус); ...держится на первой строчке бестселлеров любых рейтингов (books.ru); первый в истории мировой литературы бестселлер, выпущенный невероятными по меркам XVIII века тиражами (Делибри);*

– место и значимость произведения в литературном процессе: *жемчужина мировой литературы, жемчужина магического реализма; вершина творчества своего великого создателя; книга собрала целый букет престижных литературных премий в Европе и Америке.* Ярким оценочным потенциалом обладают лаконичные сочетания с вторичными номинациями (*книга-легенда*), в том числе перифразы (*настоящий «культурологический замес»*). С глубинными характеристиками, проясняющими читателю духовную миссию или неординарность произведения, выступают экспликативные концептуальной сущности книги как явления культуры (*своеобразный антипод второй великой антиутопии XX в., литературный парадокс XX столетия*), представляющие объект в широком контексте мирового литературного творчества;

– значимость автора книги (писателя) в мире литературы. По сравнению с прямыми фактуально-значимыми номинациями (*автор всемирного/мирового бестселлера*) или мета-

форическими, со «стертой» образностью (*настоящая звезда современной европейской литературы*), сигналы эстетической информации характеризуются тропеическим обыгрыванием статуса автора с помощью перифразирования – как в виде довольно стереотипных ярлыков, закрепленных за конкретным писателем («король ужасов» Стивен Кинг, великий пересмешник Во), так и в виде более креативных. Например, «Коллекционера» Д. Фаулза издательство «Эксмо» представляет как не похожего ни на «собратьев» (*принадлежащих перу великого «волхв»*), ни на другие произведения жанра «психологического детектива». Здесь в номинации «волхв» по отношению к автору использовано название другого романа писателя («Волхв»), и в результате великим чародеем именуется сам автор, а не его герой. К. Маккарти предстает как *современный американский классик главного калибра* (Азбука). Частотностью отмечены аналогии атрибутивного типа: *румынский Маркес* (о М. Кэртэреску, АдМаргинемПресс), *российский Конан Дойль* (об А. Бушкове, ОлмаМедиаГрупп) и т. д. Не исключена и ироническая оценка: так, К. Кизи именуется «веселым проказником», В. Сорокина шутливо представляют как *Великого Писателя Земли Русской* (далее для краткости – ВПЗР) (Прочтение) и т. д.;

– художественное мастерство писателя, особенности манеры письма, достоинства стиля представлены в издательских описаниях чаще всего в экспрессивных конструкциях, например: *Эдгар Аллан По – человек ослепительного таланта* (Буквояд). Эмоциональность здесь самый главный фактор воздействия, поэтому нередко возвышенно стилистические эмфазы, например: *Один из самых потрясающих романов Юрия Буйды, в котором автор предстаёт не просто писателем, но магом, изменяющим саму действительность!* (Livelib.ru). «Многообещающие» эпитеты, характеризующие произведение, формируют комплиментарный дискурс, который, несомненно, обращен к воображению адресата: *Об этом новый роман Джонатана Коу, столь же элегантно и превосходно выстроенный, как и все предыдущие книги современного классика* (ФантомПресс);

– ключевая идея произведения. Репрезентация доминантного личностного смысла, как и авторского взгляда на художественно преображенный в произведении фрагмент картины мира, также отмечена эстетизированными знаками. Моральное кредо автора часто не эксплицируется, но факт постановки писателем волнующего общества или отдельного индивида вопроса позволяет считать форму дискурса о книге суггестивно-преобразующей, так как после прочтения рецензии ожидание разрешения обозначенного в ней конфликта может сформировать намерение приобрести книгу.

Как и в случае с массовой литературой, в рекламной презентации серьезных произведений часто используется такой традиционный прием, как интригующие вопросы, например: *Так кто же он такой – тургеневский Базаров, если сам автор говорил о нем: «Хотел ли я обругать Базарова или его превознести? Я этого сам не знаю...»* (Озон.ру). Отражение авторского взгляда на изображаемое нередко облекается в риторические по форме и эмотивные по смыслу единицы, к примеру, в градации с многосоюзием: *Любовь ее окажется сильнее и крепчайших морозов, и людской жестокости, и страха перед неведомым*. (Азбука – о героине переведенного на 23 языка романа «Нежность волков» С. Пенни);

– архитектура произведения, которая также создается посредством образной характеристики в рамках изложения наиболее важных особенностей фабулы, сюжета, композиции. Часто используются персонификация: *В новом романе Александра Звягинцева... пожелтевшие документы истории оживают многообразными цветами эмоций и страстей человеческих* (ОлмаМедиаГрупп); а также контрастирующие метафоры: *Яркое остроумное творчество Хулио Кортасара отличается неугасимым интересом к фасаду и изнанке жизни* (Books.ru). Живо и нестандартно представить в речи потрясающие воображение повороты в судьбах героев, удивительно и неожиданно разворачивающиеся события в их жизни, необыкновенный динамизм происходящего – главные творческие задачи рецензентов;

– читательские переживания и впечатления. Основной прагматической целью мы считаем стремление авторов аннотаций и рецензий «приблизиться» к читателю настолько, чтобы он погрузился в атмосферу чтения конкретного произведения. «Созвучие» состояний коммуникантов в рекламном дискурсе обеспечивается внешними, чисто риторическими средствами, например параллелизмами-противопоставлениями: *Читать учебники и исторические трактаты – скучно и утомительно. Читать Радзинского – захватывающе и увлекательно* (АСТ). Очень часто – обычно в анонсах выхода произведений массовой литературы – используется форма прямого обращения к читателю, например, с вопросом: *Что бы вы делали, если бы*

вдруг оказались в прошлом? (Книга.ру); форма побуждения – приглашения погрузиться в мир неординарных событий: *Окупись в водоворот страстей и грехов, расплата за которые слишком высока, даже если ты не виновен...* (Рипол классик); форма совета – как в примере с обыгрыванием «переливающихся» смыслов: *Во что действительно стоит вонзить свои клыки – так это в «Подлинные дневники Вампира»* (Рипол классик). Прием солидаризации с адресатом обнаруживается в случае выражения типичности испытываемых чувств или читательских впечатлений в целом: *И в их ошибках, радостях и печалях мы часто узнаем себя...* (о героях новой повести В. Токаревой «Тихая музыка за стеной», Астрель).

В качестве дополнительного (второстепенного) фрейма в рекламной аргументации книжной новинки может выступать временное пространство как фон художественного изображения в книге. Его характеристику в издательских описаниях книг отличает, конечно, не объективация исторически достоверных данных, а акцентирование хронологических рамок художественным способом. Например, в аннотациях издательства «Новое литературное обозрение» иносказательность при описании времени действия или номинации отрезков литературного бытия служит ключом к гораздо более глубокому пониманию читателем исторической реальности. Например, в рецензии на сборник произведений японской литературы *нашего времени – времени беспрецедентного хаоса и вместе с тем невероятной свободы* – благодаря почти оксюморонным экспрессивным характеристикам воссоздается дух времени и в то же время передается неповторимость творчества, всегда определяемого временем. В аннотации к повести «Хроники 1999 года» И. Клеха границы изображения *жизненных перипетий сотен персонажей... в «преддверии миллениума»* обозначаются как время **начала собирания камней после их разбрасывания в счастливые и проклятые девяностые**. Яркие признаки художественной концептуализации временного пространства могут обнаруживаться в четко расставленных акцентах при характеристике круга героев произведения: *Автор знакомит нас... с жертвами «оттепельных» надежд... и участниками культурного сопротивления десятилетий застоя – писателями и художниками*.

Более «мощным» сигналом эстетической информации можно считать факты совмещения фреймов в одном дискурсивном высказывании. Например, объединяются авторская идея и оценка стиля писателя: **Зачем живем? Для кого умираем? Подзабытые и безответные вопросы, без которых невозможна жизнь. Проза человека, который не прячется за деепричастные обороты** (Новое литературное обозрение); архитектоника и читательские впечатления: **Мистические камни адаманты, небывалая солнечная активность, сильный медиум и... лестница Иакова – вот основные ингредиенты истории, от которой захватывает дух** (Иностранка).

Специфику реализации прагматических факторов в рекламном дискурсе, представляющем беллетристику, и в частности бестселлеры, мы видим в том, что каждый из названных фреймов нередко формируется яркими и всегда позитивно настроивающими адресата знаками. Поскольку художественное произведение предлагается практически неограниченному кругу читателей, дискурсивное высказывание в рецензии (аннотации) оформляется с помощью специальных экспрессивно и стилистически маркированных приемов с гарантированным воздействующим потенциалом. Общая картина восприятия текста о книге моделируется с опорой на ожидаемые и крайне разнообразно представленные в конкретизаторах-эпитетах концептуально-семантические признаки. Такие репрезентанты качеств произведения, как *лучшее, уникальное, феноменальное, наиболее знаменитое, скандальное* и многие другие выполняют роль не столько ментальных, сколько эмоциональных опор для создания эффекта предвкушения, ожидания у потенциальных читателей, в рамках стереотипных для каждого жанра наименований представлений или ощущений.

Можно сказать, что уже сложилась своеобразная риторика книжных презентаций в сети, обладающая типичными эстетизированными средствами. В публичном дискурсе к средствам риторического построения относятся, к примеру, «разнообразие словесных рядов разной стилистической природы, повышенная образность, гибкая и тонкая система семантико-стилистической динамики, искусство смены экспрессивных и интонационных тональностей, контрасты на всех уровнях, неожиданные и оригинальные антитезы и т. д.» [11]. Наиболее частотными в ряду эстетически маркированных элементов дискурса о книге можно считать параллелизмы. Нередко параллелизм обнаруживается в сегментированных конструкциях, например: *«...автор... не только писатель, но и философ. Просто и проникновенно*

говорит он о самом важном. О долге и верности. О дружбе и любви. О нетерпимости к злу» (Эксмо). Таким же «пульсирующим», то есть прерывистым и отчетливо различимым – в основном благодаря лексическим и синтаксическим повторам – становится стиль рецензента, когда целью является показ парадоксальности художественного решения проблемы: *Жизнь взаимы. Жизнь, когда не жаль ничего, потому что терять, в сущности, уже нечего. Это – любовь на грани обреченности. Это – роскошь на грани разорения. Это – веселье на грани горя и риск на грани гибели. Будущего – нет. Смерть – не слово, а реальность. Жизнь продолжается. Жизнь прекрасна!..* (о романе «Жизнь взаимы» Э. Ремарка, АСТ).

Прагматический расчет на современного читателя часто проявляется в том, что языковые знаки облакаются в привлекательные оболочки – модные элементы актуальной в дискурсе о книге лексики. Это, например, 1) адъективы **культовый** – употребляется для художественной атрибуции разных семантических элементов концептуального поля «книга»: *Эта книга стала немедленной сенсацией и по праву приобрела культовый статус* (Livelib.ru); *Перед вами – продолжение культовой повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом»* (Эксмо); *Книга «Игра престолов» – это детище культового американского писателя Джорджа Р. Р. Мартина* (Книга.ру); **кодовый** – для определенной части социума, например, для поколений *молодых бунтарей от битников и хиппи до современных радикальных молодежных движений* – о названии романа Сэллинджера «Над пропастью во ржи» и имени его главного героя (Эксмо); 2) субстантивы **подарок**: *История... – настоящий подарок ценителям любовного жанра в литературе* (Книга.ру); **путеводитель** *по темным фантазиям и запретным удовольствиям от легендарного маркиза де Сада* (Делибри) и многие другие; 3) группа дериватов в рамках семантических групп, объединяемых эстетическим значением «воплощение разных художественных качеств произведения» или «разноплановые события»: **переплетение** – *абсурдного и смешного, документальности и выдумки* (Books.ru); *Сон и явь, игра и повседневность переплетаются в новом романе... столь причудливым образом...* (Амфора); показ особенностей художественного изображения может усложняться в разных конструкциях подобия: *Эта книга подобна зеркальному лабиринту или даже странному хору – шесть голосов наслаиваются, переплетаются и отражаются друг в друге* («Облачный атлас» Д. Митчелл, Буквоед). Компаративной ситуацией, привлекаемой для аргументации восторженного мнения о книге, становятся различные ипостаси ценностной сущности писательского творчества. Так, в ряде аннотаций издательства «АдМаргинем-Пресс» это кредо или стиль мэтра изящной словесности Владимира Набокова: *...кажется, будто афоризм Набокова о жизни, подражающей литературе, вовсе не парадокс, а простая констатация факта* («Маджонг» А. Никитина); *Необыкновенное сочетание утонченного эротизма, по-набоковски изысканного чувства формы и яркого национального колорита...* («За что мы любим женщин» М. Кэртэреску).

Интеллектуализованными формами эстетической передачи информации о книжных новинках можно считать и такие номинации презентуемой книги или автора, как топонимические перифразы (*забытый шедевр «турецкого Ремарка»*; *роман о русском Монпарнасе*), а также прецедентные факты (*«Вещь в себе». Самодостаточное произведение*). Их интерпретация, как и любых реминисценций, требует от сознания «дешифрующего напряжения».

Интеллектуализация речи как форма мыслеформулирования рассчитана на носителей языка с богатым читательским опытом, развитым языковым вкусом, лингвистическим и литературным кругозором и потому представляется нам ведущим принципом организации современного дискурса, презентующего выход произведения не массовой, а «высокой», «элитарной» литературы. Представляя произведение, рецензент в этом случае «организует» работу читательского сознания с помощью актуализации интертекстуальных связей, инициируя не только проведение ассоциаций с другими литературными источниками, а – при необходимости – и форсируя ощущение неполноты тезауруса адресата, например: *На вопросы, которые поднимали еще М. Булгаков в «Собаьем сердце» и Дж. Лондон в «Мартине Идене», Дэниел Киз дает свой однозначный отве* (Эксмо).

Яркой интеллектуализованной формой в рекламе книги выступают дискурсивные средства выделения объекта на фоне других – как правило, более значительных произведений: *Книга, без которой не было бы не только Фаулза и Коэльо, но даже и «позднего» Маркеса!* (об «Игре в классики» Х. Кортасара, АСТ); *Роман, без которого не существовало бы ни «Степного волка» Германа Гессе, ни «Кэрри» Стивена Кинга* (о «Ребекке» Д. Дюморье,

Livelib.ru). Как правило, так анонсируется менее известное, чем упоминаемые шедевры-«пре-емники» новаторских тенденций, творение.

Многоярусный вертикальный контекст создают и другие, более изысканные способы убеждения. К ним относятся, в частности, случаи использования в одной фразе сразу нескольких метафорических замен-иносказаний, в том числе устойчивого характера: например, фантастика в «Цветах для Элджернона» Д. Киза предстает в описании издательства как *отважно игнорирующая каинову печать «жанрового гетто»* (Эксмо). Крайне редко встречаются иноязычные вкрапления, сопровождаемые пояснением, например: «Хроники 1999 года» – *своего рода «опус магнум» писателя – его главная книга* (Новое литературное обозрение).

Неповторимость манеры авторского письма – один из главных аргументов чтения книги в нише интеллектуального спроса. В отличие от «безыскусного» способа отметить талант художника (например: *литературное мастерство, с которым написан роман, вряд ли оставит равнодушными даже самых искушенных ценителей слова*, Livelib.ru), креативный подход к характеристике искусства художественного воплощения замысла часто обнаруживается в эмотивных высказываниях, основанных на семантических преобразованиях. Наряду с объективацией профессиональных суждений, отмеченных обязательной комплиментарностью, например: *Повествование автора отличается сюжетной изобретательностью и мастерским владением шоковыми эффектами* (о Юрии Буйде, Livelib.ru), – в наиболее персуазивных текстах о книгах отмечаются случаи смещения фреймов. В нередких здесь случаях вторичного семиозиса для демонстрации художественности и талантливости автора фрейм «автор» смещается в плоскость фрейма «произведение»: *Проза Дмитрия Рагозина... внимательная к словам и их вневременным играм...то стелется плотным орнаментом, то пускается в рискованную авантюру, распадается на остроугольные фрагменты, вводит в темный лабиринт* (Новое литературное обозрение); «Комедия»... (речь идет о «Божественной комедии» Д. Алигьери. – О. К.) *дышит такой жгучей страстностью, такой подлинной человечностью...* (Азбука-Аттикус).

В целом тексты книжной медиарекламы, с одной стороны, отличает отсутствие характерных для рекламного дискурса признаков имитации разговорности. С другой стороны, четко проявляется кооперативная тональность, которая обнаруживается в факте невыраженности явных признаков «всезнающего» знатока-адресанта речи.

Чаще всего креативными средствами создается обогащенная художественной семантикой культурная среда репрезентации духовных ценностей и идеалов. В дискурсивном сетевом пространстве креативные единицы имеют четкое прагматическое назначение, связанное, во-первых, с необходимостью поиска средств оптимизации коммуникативного эффекта, и, во-вторых, с созданием интеллектуально-эмоционального дискурса как языковой реальности, инициирующей нужные действия адресата в посткоммуникативной ситуации. Это достигается через формирование поля рецепции речи авторов, в которое поступают сигналы эстетической информации. Эти сигналы могут передаваться в открытой и скрытой форме. Открытая форма отчетливо риторична, скрытая – как более интеллектуализованная – чаще всего развертывается в интертекстуальном пространстве смысла, и поэтому интерпретационная деятельность читателя принимает осложненный культурными концептами характер.

Если представление произведений для массового спроса сопровождается вербализацией объектов с помощью типичных средств экспрессивизации, то для презентации классической и современной качественной литературы задействуются наиболее интеллектуализованные, обдуманые и заранее подготовленные к «усвоению» адресата способ художественной концептуализации объекта. В первом случае в дискурсивной плоскости «послетекста» рекламного характера создаются прагматические условия с целью вызвать ощущения оригинальности, неповторимости, занимательности, остроумия, интересности. Во втором – рассмотренные способы передачи эстетической информации сигнализируют о многослойности смыслов, которая, хотя и может стать барьером для читателей из-за лакун в культурной компетенции, выступает наиболее важным фактором персуазивности дискурса о книге.

Примечания

1. Источники материала: сайты книжных интернет-магазинов «Озон», «Лабиринт», «My-shop.ru», «Delibri», а также издательств «Новое литературное обозрение», «АдМаргинемПресс», «Азбука-Аттикус», «Эксмо», «ОлмаМедиаГрупп», «Рипол классик» и других.

2. Прагмаэстетическими средствами языка мы считаем подчиненные прагматической задаче повышения убедительности речи художественно обработанные факты, вызывающие эмоциональное и интеллектуальное одобрение у адресата. См. о них: Колесникова О. И., Козлова Е. А. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе: монография. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2013. С. 72–73.

3. Клушина Н. И. Эффект в современной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. 2013. № 11. С. 94–102.

4. В массмедиальном дискурсе рефреминг выступает основой суггестивности за счет использования метафорических моделей. См.: Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М., 2003.

5. Дементьев В. В. в монографии «Теория речевых жанров» (М.: Знак, 2010. С. 86) использует этот термин синергетики для обозначения способности типической жанровой формы задавать направление интерпретации текста.

6. В психоанализе фазинацию (от англ. fascination – очарование) рассматривают как «эффект, вызываемый специально организованным вербальным (словесным) воздействием, предназначенным для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение». Психологический словарь // Мир психологии: сайт. URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1053>.

7. Исследовательское поле здесь образует «определение круга расширяющихся экстенсидов формы и тех обыденных знаний, которые входят в семантику формы и/или которые по ассоциации связаны с телом соответствующего знака», но «на более абстрактных уровнях бытия языковой формы», см.: Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 51.

8. Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. М.: «Академия», 2010. С. 25.

9. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010. Изд. 5-е, испр. и дополн. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1327 (дата обращения 26.02.2014).

10. Колесникова О. И. Речевые способы убеждения в деловой периодике: прагмаэстетическая стратегия // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2012. № 3. С. 161–166.

11. Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. С. 44.

Notes

1. Source of materials: sites of Internet book shops "Ozon", "Labirint", "My shop.ru", "Delibri", and also publishing houses «Novoe literaturnoe obozrenie», «AdMarginemPress», «Azбука Attikus», «Eksmo», «Olma-MediaGrupp», «Ripol klassik» and others.

2. We consider as pragmaesthetics means of language the increases of persuasiveness of the speech subordinated to a pragmatical problem artly processed facts causing emotional and intellectual approval in the addressee. See about them: Kolesnikova O. I., Kozlova E. A. *Pragmaehsteticheskaya strategiya ubezhdeniya v delovoj presse* [Pragmaesthetics belief strategy in the business press]: monograph. Saarbruyukken: Lap Lambert Academic Publishing. 2013. Pp. 72-73.

3. Klushina N. I. *Effekt v sovremennoj kommunikatsii* [Effect in modern communication]// *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* - Language, communication and the social environment. 2013. No.11, pp. 94-102.

4. In a massmedial discourse the reframing acts as a suggestive basis due to use of metaphorical models. See: Zheltukhina M. R. *Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI* [Tropological suggestivity of a massmedial discourse: about a problem of speech influence of ladders in the mass media language]: monograph. Moscow. 2003.

5. Dementiev V. V. in the monograph «*Teoriya rechevyh zhanrov*» ["Theory of Speech Genres"] (Moscow: Znak. 2010. P. 86) uses this term of synergetics to denote the ability of typical genre form to set the direction of text interpretation.

6. In psychoanalysis a fastsination (from English fascination – charm) is consider as "the effect caused by specially organized verbal influence, intended for reduction of losses of semantic significant information at perception of the message recipients at the expense of what possibility of its impact on their behavior" raises. Psychological dictionary// *Mir psihologii* [World of psychology]: site. Available at: [http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html? word=1053](http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=1053).

7. The research field here forms a "definition of a circle extending extencials of a form and of that ordinary knowledge which enter semantics of a form and/or which on association are connected with a body of the corresponding sign", but "at more abstract levels of life of a language form", see: Kubryakova E. S. *V poiskah sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* [In search of essence of language. Cognitive researches]. Moscow: Znak. 2012. P. 51.

8. Kotyurova M. P. *Stilistika nauchnoj rechi* [Stylistics of the scientific speech]: tutorial. Moscow: "Academy". 2010. P. 25.

9. Dictionary of linguistic terms/T. V. Zherebilo. Nazran: "Pilgrim" Publ. 2010. Issue 5th, corr. and add. Available at: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1327 (date of the address 26.02.2014).

10. Kolesnikova O. I. *Rechevye sposoby ubezhdeniya v delovoj periodike: pragmaesteticheskaya strategiya* [Speech ways of assurance in the business periodical press: pragmaesthetic strategy] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela - News of higher educational institutions. Polygraphy and publishing problems*. Moscow, 2012, No. 3, pp. 161-166.

11. Ivanchuk I. A. *Ritoricheskij komponent v publichnom diskurse nositelej ehлитarnoj rechevoj kul'tury: avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Rhetorical a component in a public discourse of carriers of elite speech culture. Dr. phil. sci. diss. autoref.]. Saratov, 2005, p. 44.

УДК 820(09)

Т. Н. Шевелёва

Проблема соответствия христианскому идеалу в творчестве Чарльза Диккенса

Статья посвящена выявлению христианского идеала в творчестве Ч. Диккенса. Исследуются проблемы веры, религии, этики. Освещается роль добродетельных героев и героев-злодеев в аспекте соответствия/несоответствия христианскому идеалу. Выделяется доминанта творчества Диккенса – духовно-нравственная христианская основа, которая определяет специфику творчества писателя. В статье определяются основные и часто встречающиеся в романах Диккенса мотивы, отражающие аспект христианского идеала: мотив кротости, милосердия, всепрощения и мотивы, противоречащие ему: прелюбодеяния, корыстолюбия, гордыни, тщеславия, лжи. Отмечается в качестве характерной для творчества Ч. Диккенса абсолютная устойчивость этических идеалов: добро и зло раз и навсегда определены христианской позицией, которая выстраивает вектор этического содержания литературы вообще.

The problem of identification of a Christian ideal in Ch. Dickens's creativity is considered in this article. The dominant of creativity of Dickens – a spiritual and moral Christian basis which defines specifics of creativity is described. Problems of belief, religion, ethics are investigated. The role of good and bad characters in aspect of compliance/discrepancy to a Christian ideal is indicated. The article deals with the common in the novels of Dickens theme reflecting aspect of the Christian ideal: motive of mildness mercy, forgiveness and motives contrary to him: fornication, covetousness, pride, vanity and lies. Observed as characteristic of Dickens's creativity good and evil are once and for all determined by the Christian position, which builds a vector of the ethical content of literature in general.

Ключевые слова: христианский идеал, религия, кротость, милосердие, любовь, гордыня, прелюбодеяние, сребролюбие.

Keywords: Christian ideal, religion, gentleness, goodness, love, pride, adultery, greed for money.

Один из основополагающих вопросов творчества великого английского романиста Чарльза Диккенса (1812–1870) – определение и воплощение в художественной форме христианского идеала. Доминанта его творчества – духовно-нравственная христианская основа, которая позволяет «за мрачной действительностью» увидеть «неизменное чувство радости жизни». «Жизнелюбие Диккенса подтверждается еще и тем, что лучше всего ему удавался образ человека, не отмеченного ни честью, ни богатством, который никогда не унывает и который наделен завидным умением упиваться счастьем» [1].

В течение жизни Диккенс ни на минуту не отступил от своего жизненного принципа, который заключался в следовании закону Евангелия, являвшимся исходным критерием жизненной позиции писателя. Под религией Диккенс понимал не следование религиозным догматам, а «религию сердца»; в христианстве он видел прежде всего нравственную, гуманистическую сторону. Гуманизм христианского учения раскрывается для него не только и не столько в постулатах веры, сколько в деяниях. Для Диккенса важна не «чудесная» сторона Евангелия, а этическая. Христос для него – прежде всего не Сын Божий, а Сын Человеческий, Учитель, исповедовавший высокие нравственные принципы. Христианский идеал Диккенса – образ Христа – Спасителя, который «направляет его мысль» и «укрепляет в вере» и перед жизнью которого он «испытывает благоговение» [2].

Вера в человека, мысль о непротивлении злу насилием, милосердии и всепрощении пронизывает статьи, речи, письма писателя. Вся его публицистика направлена если не на уничтожение, то на ослабление пороков общества, в первую очередь, моральных. Эта тема звучит в его выступлениях на банкете в его честь в США (1842), в письмах к Джону Форстеру (1856), Френку Стоуну (1858). В последнем выражены взгляды Диккенса относительно ценности идей Нового Завета: «...обесценивать каким-либо образом божественное милосердие и красоту Нового Завета – значит совершить ошибку гораздо худшую, а приравнять Иисуса Христа к Магомету попросту безрассудство и блажь» (XXX, 112).

Христианство исходит из того, что всякое насилие есть зло и кроме зла ничего породить не может. Непротивление злу и смирение – одна из самых главных евангельских истин, восприняв которые, согласно Библии, можно возродить человека к добру и создать идеальное, гуманное сообщество людей.

В течение всей жизни Диккенс стремился отыскать «зерно доброты, которое Творец заронил даже в самые злые души», стремился показать, что «добродетель можно найти и в самых глухих закоулках» и что «неверно, будто она несовместима с бедностью, даже с лохмотьями» (XXVIII, 454).

В соответствии с учением Христа Диккенс воспринимал мир как арену столкновения двух начал: добра и зла. Душа отдельного героя, по Диккенсу, также является полем схватки доброго и злого начал. Поэтому принцип деления диккенсовских героев – чисто этический: герои поделены автором на положительных и отрицательных в зависимости от того, в какой мере они были человечны и как понимали не свое общественное положение, а отношение к окружающим людям. К числу героев, соответствующих понятию христианского идеала, и героев-злодеев в романах Диккенса могут быть отнесены персонажи, принадлежащие к различным социальным слоям общества.

Христианский идеал так, как понимал его автор, отображен практически во всех его произведениях художественного и публицистического характера, начиная с ранних романов воспитания («Приключения Оливера Твиста», 1838 и «Жизнь и приключения Николаса Никкльби», 1839) и заканчивая зрелыми романами 60-х гг. («Большие надежды», 1861, «Наш общий друг», 1865 и др.).

Художественное мировоззрение Диккенса изменялось на протяжении его жизни. Еще на раннем этапе творчества писатель понял, что изучение человеческой души – задача первостепенной важности. Эта мысль стала основой всего его творчества. Спасение человека должно начинаться со спасения его души, для чего необходима постоянная внутренняя работа, проверка своих мыслей и поступков высшей идеей – добром, любовью, справедливостью.

Добродетельные герои, воплощающие христианский идеал, – всегда носители христианских ценностей: добра, любви, справедливости, милосердия, всепрощения.

Один из часто встречающихся в романах Диккенса мотивов, отражающий аспект христианского идеала, – мотив кротости. «Лучше смиряться духом с кроткими, нежели разделять добычу с гордыми», – говорил Соломон (Притч., 19).

Мотив кротости в романах Диккенса в основном связан с детскими образами, которые несут в мир взрослой жизни чистоту и наивность. Они изображаются писателем «ангелоподобными»: ангельская сущность и внешность. Ангельская кротость – их жизненное кредо: Нелл Трент («Лавка древностей», 1941) и Эми Доррит («Крошка Доррит», 1957) – ангелы-хранители своих родителей (Нелл оберегает деда, картежника и вора, Эми – отца, многие годы прожившего в долговой тюрьме).

Любовь в христианстве неотделима от милосердия. Любовь обесценивается, если преследует какие-то цели, помимо служения ближнему. Функция любви – в служении людям, в деятельном проявлении этого служения. Спаситель, по утверждению Диккенса, «не сидел, праздно сложив руки и размышляя, – он трудился и творил добро» (XXIX, 292). Именно так и поступают Нелл и Эми.

Для Диккенса создание подобных образов имело принципиальное значение, так как способность прощения слабостей ближнего в мировоззрении писателя занимает одно из центральных мест.

Особенности христианского мировоззрения писателя ярко выражены в романе «Лавка древностей». Христианство для Диккенса – часть гуманистической программы исправления людей через воспитание добрых чувств. Смерть главной героини романа – Нелл – наступает

«после рассвета», поэтому она и воспринимается как начало духовного этапа – прикоснувшись к страданию и пройдя испытание добром, по мысли Диккенса, герой и читатель видят новый путь жизни.

Отличие судьбы героини романа «Крошка Доррит» от истории Нелл – в оптимистических нотах финала: за все страдания и тяготы жизни, за терпение и кротость судьба вознаградила Эми. Награда в форме семейного счастья, выстраданная с истинно христианским смирением и кротостью, – второй вариант судьбы героини Диккенса, воплощающей христианский идеал.

В творчестве Диккенса неоднократно возникает библейский образ «божественного младенца», с которым связан факт не только его рождения, но и обновления, появления в человеке нравственных устоев, душевной теплоты. Именно такое обновление произошло со Скруджем («Рождественская песнь в прозе», 1843). Герой рождественской повести подвержен изменению, и он перерождается именно в Рождество, тогда как его бывший компаньон Марли, не способный слышать голос сердца, умирает именно в Сочельник. П. Дэвис сравнивает Скруджа с образом «божественного младенца», называя его «имитацией Христа» (“imitation of Christ”), аргументируя свою точку зрения тем, что Скрудж в детстве «даже похож на Христа». Дэвис обращает внимание на интересную деталь «Рождественской песни в прозе»: «Дни пришествия трех духов символизируют три дня после смерти Христа до его воскрешения» [3]. Любой ребенок у Диккенса ассоциативно вызывает в памяти образ божественного младенца. Библия приводит немало подтверждений тому, что Иисус с детьми обращался с особой лаской и нежностью. Дети в произведениях Диккенса (в большинстве случаев) изображаются с чистой душой, наделенными христианскими добродетелями: милосердием, послушанием, доброй волей. Диккенс возлагал большие надежды на молодое поколение, и в своих романах он постоянно возвращался к истоку формирования личности, становления характера – раннему детству.

Диккенс сам следовал заповедям Христа и прививал любовь к религии своим детям. Для них в 1849 г. он пишет «рассказы об Иисусе Христе» – «Жизнь нашего Господа Иисуса Христа». Эта книга призвана зародить в душах юных читателей идеалы света и добра, которыми пронизано Евангелие, и определить составляющие христианского идеала.

Многие мысли диккенсовского переложения Евангелия для детей напоминают некоторые его письма, где он дает наказ детям: «Никогда не держитесь заносчиво и злобно с бедными людьми... а если кто-то... поступает плохо, подумайте о том, что он мог бы быть лучше, да нет у него... друзей хороших, что, может быть, никто не учил его добрым делам. Старайтесь помогать таким людям и уговаривайте их исправиться» [4]. Здесь, как и во всех произведениях Диккенса, вновь звучит мысль о несудимости человека человеком и о Божественном всепрощении. Диккенс учил своих детей никогда не отзываться «презрительно о бедных и несчастных», «не забывать обездоленных и жалеть их», так как сам Иисус Христос «не гнушался их обществом и не считал зазорным для себя учить их и заботиться о них» [5].

Наряду с добродетельными качествами героев, воплощающих христианский идеал, Диккенс толкует человеческие грехи и в художественной форме дает проекцию библейской классификации (гордыня, сребролюбие, тщеславие, зависть, чревоугодие, гнев, уныние) на своих героев.

В основу творчества Диккенса лег главный мотив Библии – борьба добра и зла, Бога и дьявола. Выбор между этими полярными категориями был, как известно, предоставлен свободной воле человека. Искуситель, зная это, возбуждает в первых людях порочные страсти, «смертные грехи».

Они взаимосвязаны, один грех порождает другой. Так, обладание деньгами порождает грех прелюбодеяния и сребролюбия, что было осуждено Иисусом Христом еще в Нагорной проповеди. Часто диккенсовские герои-прелюбодеи (преимущественно мужчины) являются одноплановыми характерами. В число таких персонажей входят Артур Грайд («Жизнь и приключения Николаса Никкльби», 1839), Квилп («Лавка древностей», 1841), Домби, Эдит и Каркер («Домби и сын», 1848) и др.

Так, Артур Грайд, «старичок лет семидесяти или семидесяти пяти», «тощий, сильно согорбленный и слегка кривобокий» (“lean figure, much bent, and slightly twisted”), с «морщинистым и желтым лицом» (“shriveled and yellow”) (VI, 242) [6], имея огромное состояние, хочет купить красивую жену моложе его на несколько десятков лет.

Более устрашающий образ – карлик Квилп, преследующий маленькую Нелл, которой предлагает заключить брак. Будучи женатым, Квилп предлагает Нелл стать его «номером вторым», его «следующей миссис Квилп», но так как страх и отвращение девочки не позволяет ей принять его предложение, она вынуждена скитаться вместе с дедом по стране.

Сватовство Грайда напоминает акт о купле-продаже, как и брак Домби и Эдит. Гордый аристократ Домби, наделенный автором еще и грехом гордыни, воспринимает человеческие отношения с точки зрения полезности/бесполезности для своей фирмы. Эдит – красивая, гордая, обедневшая аристократка, которая, по мысли Домби, должна привлечь в его фирму богатых клиентов. Но он не подозревал, что гордость жены взбунтуется против его гордыни, символом чего будут драгоценности, сначала сверкавшие в волосах Эдит, а потом оказавшиеся под ногами.

Эдит повинна в грехе прелюбодеяния лишь косвенно: мечта этой девушки, воспитывавшейся в атмосфере лжи и ханжества, о любви, доверии и искренности, вполне понятная и достойная, предопределяет ее связь с Каркером.

Говоря о Каркере, трудно представить человека более изворотливого. Его увлечение Эдит объяснимо – почти все диккенсовские герои, не соответствующие понятию христианского идеала, для самоутверждения пытаются обольстить близких людей своих патронов: Гашфорд («Барнеби Радж», 1841), Урия Хипп («Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим», 1850) и др.

Ухаживание Каркера для Эдит и последующее предложение бежать – последняя форма протеста против бездушия и жестокости мужа и средство раскрыть Домби глаза на подлинную суть характера управляющего.

Однако, согласно Священному Писанию, идеи которого разделял автор, всякий грех влечет наказание: «помышления плотские суть смерть» (Рим., 8:6), «похоть... рождает грех» (Иак., 1:15). Достаточно вспомнить историю двух библейских городов – Содомы и Гоморры – и их правителей, погибших в смоляных ямах.

Итак, под колесами поезда гибнет Каркер, на дне мутной реки тонет Квилп, в своей собственной постели застрелен грабителями Грайд. Таков закономерный итог жизни героя, не соответствующего понятию христианского идеала.

Обозначая в художественной картине мира Ч. Диккенса роль героев, не относящихся к христианскому идеалу: прелюбодеи, корыстолюбцев, лжецов и гордецов, – отметим, что они не подвержены (за некоторым исключением) исправлению. Диккенс обязательно показывает их наказание: моральное (укоры совести), физическое (смерть в страшных мучениях). Вводя подобных героев в художественную структуру своих произведений, автор преследовал определенную цель – выявление грехов и противопоставление им христианских добродетелей в лице отдельных персонажей.

Важнейшая тема литературы XIX в. и одна из центральных в творчестве Диккенса – деньги. Но если на раннем этапе творчества Ч. Диккенса они были спасительной силой («Приключения Оливера Твиста», 1838, «Жизнь и приключения Николаса Никкльби», 1839 и др.), то в последующих периодах творчества писателя деньги превращаются в губительную и призрачную силу («Барнеби Радж», 1841, «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», 1844, «Жизнь Дэвида Копперфилда», 1850 и др.).

Так, в роли сребролюбцев выступают Гашфорд, секретарь лорда Гордона, и Урия Хип, секретарь мистера Уикфилда. Как и большинство отрицательных диккенсовских героев, они наделены отталкивающей внешностью: Гашфорд «угловат, костист, нескладен» (VIII, 323); Урия Хип напоминает пресмыкающегося – «когда Урия желал выразить восторг, он как-то весь странно извивался», «на ощупь в темноте его рука была похожа на рыбу» (XV, 281), оставляет на странице «липкие следы, какие оставляет улитка» (XV, 279), извивался «как морской угорь» (XV, 214). Будучи умелыми льстецами, эти герои выбирают себе простодушных патронов, не слишком проницательных, чтобы угадать внутреннюю суть своих подчиненных.

Диккенс всегда подчеркивал связь двух миров – бедного и богатого: за внешним лоском богачей скрываются те же ханжество, показное смирение, сребролюбие, зависть, какие можно встретить в мире бедных в незавуалированной форме. Характерно в этом смысле напутствие сыну героя романа «Барнеби Радж» лорда Честера: ни при каких обстоятельствах «не сворачивать с дороги», если она представляет собой источник обогащения. Для него не является важным различие вероисповеданий, лишь бы невеста была «сказочно богатой наследницей» (VIII, 152). Старший Честер на своей планете под названием «Деньги» забывает о

таких скромных небесных созвездиях, как «Милосердие, Сострадание, Терпимость и Человеческое», хотя «плеяда их сияет ночью и днем так ярко, что ее и слепой заметит» (VIII, 264).

Нравственный христианский идеал, по мысли И. С. Аксакова, «сам по себе не подлежит «развитию», и достижение его доступно каждому человеку лично, в меру сил человеческой греховной природы» [7]. Эта идея с особой яркостью воплощена в творчестве Ч. Диккенса, для которого была характерна абсолютная устойчивость этических идеалов: добро и зло раз и навсегда определены христианской позицией, которая выстраивает вектор этического содержания его романов.

Примечания

1. Честертон Дж. К. Чарльз Диккенс // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв. / ред. М. П. Тугушева. М., 1981. С. 265.
2. Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957–1963. Т. XXX. С. 120. В дальнейшем цитаты по этому изданию даны в тексте с указанием тома и страницы.
3. Davis P. The lives & times of Ebenezer Scrooge. New Haven; L., 1990. P. 80.
4. Диккенс Ч. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Рига, 1991. С. 21.
5. Там же.
6. Dickens Ch. Work of Ch. Dickens. L., 1866–1870. Vol. VI. P. 610.
7. Аксаков И. С. Цивилизация и христианский идеал // Русь. 1883. № 8. С. 11.

Notes

1. Chesterton Dzh. K. *Charl'z Dikpens* // *Pisateli Anglii o literature XIX–XX vv.* [Charles Dickens//Writers of England about literature of the XIX–XX centuries] / edition of M. P. Tugushev. Moscow. 1981. P. 265.
2. Dickens Ch. Coll. of works: in 30 vol. Moscow. 1957–1963. Vol. XXX. P. 120. (in Russ.) Further quotes according to this edition are given in the text with the indication of volume and the page.
3. Davis P. The lives & times of Ebenezer Scrooge. New Haven; L. 1990. P. 80.
4. Dickens Ch. *ZHizn' Gospoda nashego Iisusa Hrista* [Life of the Lord our Jesus Christ]. Riga. 1991. P. 21. (in Russ.)
5. Ibid.
6. Dickens Ch. Work of Ch. Dickens. L. 1866–1870. Vol. VI. P. 610.
7. Aksakov I. S. *TSivilizatsiya i hristianskij ideal* [Civilization and Christian ideal]//*Rus' - Rus*, 1883, No. 8, p. 11.

УДК 821.161.1-312.1

О. И. Сыромятников

Антихрист в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

В статье исследуется идейное содержание романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Автор статьи полагает, что острая социально-политическая проблематика романа является лишь внешним выражением замысла писателя. Идейное содержание романа не исчерпывает и в целом характерный для творчества Достоевского психологизм в отношениях героев. Во всей полноте оно может быть раскрыто лишь через обращение к духовному смыслу творчества писателя. Будучи православным христианином, Достоевский воспринимал мир и отражал его в своем творчестве по-православному: используя понятия, образы и идеи христианского вероучения. Особая часть этого учения, эсхатология, посвящена последним дням творения, наступление которых ознаменуется появлением в мире антихриста. Особенности воплощения этой идеи в «Бесах» и посвящена настоящая статья.

The article examines the ideological content of F. M. Dostoevsky's novel "Demons". The author of the article believes that the acute social and political subject matter of the novel is only an outward expression of the writer's intent. The ideological content of the novel is also not exhausted by the psychologism in relations of the heroes generally typical of Dostoevsky's works. It can be revealed in full only through an appeal to the spiritual meaning of the writer's literary work. Being an orthodox Christian, Dostoevsky perceived the world and reflected it in his works in an orthodox way: using concepts, images and ideas of the Christian faith. A special part of this teaching, eschatology, is concerned with the last days of the creation, the occurrence of which will be marked by the emergence of the Antichrist in the world. This article deals with peculiarities of realization of this idea in "Demons".

Ключевые слова: Достоевский, роман «Бесы», Бог, Христос, антихрист.

Keywords: Dostoyevsky, novel "Demons", God, Christ, antichrist.

«Бесы» – самый эсхатологический роман Ф. М. Достоевского во всем *великом пятикнижии* [1]. Писатель показывает в нем реальную картину наличествующего бытия, но это картина не *внешней* (социальной) действительности, а ее *внутреннего* духовного основания. Достоевский словно снимает с духовной реальности завесу из внешних событий, являющихся лишь ее следствием.

Кризис бытия достигает в «Бесах» наивысшей точки: рушатся человеческие судьбы, люди гибнут, убивая себя и друг друга, горит в огне пожара город и т. д. Прежний удобный и спокойный мир становится опасным для человека и непригодным для жизни. Достоевский ясно указывает на главную причину этого – мир разрушается под действием жестоких и злобных сил, враждебных *жизни, добру и красоте*. О наступлении этих сил писатель предупреждал в эпилоге «Преступления и наказания»: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. <...> Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. <...> Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. <...> Начались пожары, начался голод» [2]. По существу, эта картина является теологическим христианским пояснением к тому, что происходит в событийном пространстве всего *великого пятикнижия* Достоевского. Оказывается, люди начинают разрушать себя и окружающий мир не в силу каких-либо социальных причин, а потому, что «принимали в себя» неких духовных существ – бесов.

Христианином является тот, кто верит в Бога так, как этому учит Христианская церковь. Достоевский, безусловно, знал и разделял ее учение о духовном мире – мире бесплотных тварных существ (ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и др.). Ангелы были частью изначально благого творения Божия, наделенные умом и свободной волей. Часть их под предводительством великого ангела Денницы злоупотребила своей свободой, решившись на богоборческий бунт. Бог разрушил их замысел и отлучил от света *добра, истины и красоты*, вследствие чего отступники погрузились во тьму: Денница стал сатаной (дьяволом), а ангелы, пошедшие за ним, – бесами (демонами).

Характерной чертой всякого духа зла является неспособность *любить* (т. е. служить жизни), *смириться* (т. е. признать существование кого-либо более великого, нежели ты сам) и *покаяться* (т. е. признать собственные преступления и встать на путь исправления). Навсегда лишившись способности любить, бесы могут лишь ненавидеть – ненавидеть жизнь во всех ее проявлениях. В своей ненависти они готовы уничтожить и сам источник жизни – Бога – и даже самих себя, но это им не дано. А вот уничтожить мир, сотворенный Богом, и его главную часть – человека, они могут, а потому и стремятся к этому изо всех сил. Власти над человеком, сотворенным по образу и подобию Божию [3], они не имеют, но могут получить ее либо по воле Бога, либо по воле человека, который призывает их для удовлетворения гордыни, эгоизма, сластолюбия и других пагубных страстей.

Бесы существуют как факт духовной реальности, к которой человек причастен по своей природе [4]. Однако уже к середине XIX в. понятие «бесы» (как и многие другие «церковные» понятия) заметно маргинализировалось в силу ускоряющегося разрушения религиозного ядра общественного сознания. Поэтому в первом романе *великого пятикнижия* Достоевский заменил его естественнонаучным термином «трихины», понимая, что открытое выражение мысли неизбежно оттолкнет читателя. Достоевский боялся повторить ошибку Гоголя, допущенную им в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), – боялся стать назидательным, «ходульным». Однако ему было важно объяснить происходящее в романе и в мире настолько полно, насколько позволяла художественность.

Сознательно и неуклонно следуя пророческому импульсу пушкинского «Пророка» (1826), Достоевский «Преступлением и наказанием» стремится предупредить современников об опасности ослабления духовного иммунитета и показать его последствия. В «Бесах» он продолжает свое пророческое служение и действует уже свободнее, потому что внимательные читатели не могли не заметить, что то, о чем писатель предупреждал в эпилоге «Преступления...», стало осуществляться в жизни. Видит это и сам Достоевский: «Эти явле-

ния не случайность, не единичны...» [5], «факты явные и грозные. <...> Надо бороться, ибо все заражено» [6].

Существование сатаны и бесов обусловлено онтологически, ибо они являются частью единого тварного мира, чего нельзя сказать об антихристе. Это понятие используется христианством в двух смыслах. В широком смысле под ним понимается любое разумное свободное существо, отрицающее Иисуса Христа как Богочеловека, вторую ипостась Божественной Троицы. В узком смысле речь идет о человеке, вся деятельность которого будет направлена на то, чтобы, говоря от имени Христа, отнять у людей свободу – главное свойство образа Божия в человеке. Предание Церкви учит, что антихрист появится тогда, когда в людях настолько оскудеет вера, что они совсем перестанут различать добро и зло, свет и тьму, любовь и ненависть. Это произойдет потому, что люди сделают целью своей жизни непрерывное удовлетворение желаний, для чего будут изобретать всё новые и новые средства. Они будут знать о Боге, но верить лишь в самих себя. И тогда неизбежно наступит то, о чем Достоевский предупреждал в эпилоге «Преступления и наказания», в финале рассказа «Сон смешного человека» и в «Легенде о Великом инквизиторе» [7]. В тот момент, когда люди по-настоящему испугаются скорой гибели, они захотят порядка, тишины и спокойствия. И ради этого они отдадут свою свободу первому, кто всё это им даст. Это и будет антихрист – тот, кто придет *вместо* отвергнутого людьми Христа, а значит и *против* Него [8]. Он окончательно отвратит людей от Бога и предаст забвению саму память о Нем. Он *развертит* их, то есть повернет в сторону, противоположную той, которую указал Христос.

Священное Предание гласит, что если сатана является духом, то антихрист будет человеком, постоянно находящимся на границе жизни и смерти. Он – словно дверь, открытая в смерть. Через него она в виде всякого рода зла проникает в мир, и через него же приходят к смерти еще недавно живые люди. Писание говорит о признаках пришествия антихриста [9], одним из которых будет появление многих и разнообразных его предшественников. Всех их будет объединять сознательное неприятие Бога и Его мира, а также стремление занять Его место и изменить план Божественного мироустройства.

Святой Иоанн Дамаскин учит, что антихрист «рождается от блуда, и тайно воспитывается, и внезапно возмущается, и восстает, и царствует» [10]. Он явится в последний день мира, накануне Страшного Суда и, поддерживаемый сатаной, начнет войну против тех немногих, кто еще сохранит верность Христу. Он убьет их всех, сокрушив силою дьявола даже Илию и Еноха, которые восстанут для защиты праведников [11]. И когда победа антихриста будет казаться очевидной, совершится великое и славное пришествие Христа, Который уничтожит антихриста одним дыханием уст Своих [12], а затем победит и сатану. Об этих событиях повествует последняя книга Священного Писания – Откровение Иоанна Богослова, которая неоднократно упоминается в подготовительных материалах к «Бесам».

Этот роман стал результатом художественного синтеза двух основных идей писателя, постоянно присутствующих во всем его творчестве: идеи *личного спасения человека* и идеи исторического предназначения России – *русской идеи*. В творчестве Достоевского личная духовная судьба человека, ищущего путь к истине и счастью, неразрывно связана с судьбой его отечества. Писатель напряженно ищет ответ на вопрос о том, *как* следует человеку исполнять закон Христов в его актуальное время – в конце XIX в. И всегда в центре его внимания – не благополучный, духовно почивший в склепе собственной гордыни индивид, а человек, ищущий путь к живой жизни и Свету, человек, совершающий ошибки, падающий и вновь восстающий. Достоевский внимательно исследует не только причины падения, но и средства и способы дальнейшего восставания человека к жизни. При этом он не придумывает их, а лишь адаптирует к современным условиям то, что уже было открыто православием.

Подобно древним пророкам, писатель предупреждает своих современников о грядущей опасности и учит, как избежать ее. О том, что опасность реальна и велика, говорил еще Н. В. Гоголь: «Диавол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде» [13]. Знал об этом и Достоевский. В 1873 г., имея в виду своих вечных врагов – либералов-западников, – он говорил: «Они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним “прогрессам” и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уже родился... и идет! <...> Идет к нам антихрист! И конец миру близко, – ближе, чем думают!» [14].

Для того чтобы люди осознали реальность надвигающейся опасности, Достоевский наводит на бесов увеличительное стекло своего романа, в основе которого лежит обширный замысел, озаглавленный как «Житие великого грешника». Согласно плану писателя, это должно было быть исследование духовных закономерностей грехопадения («великий грешник») и возрождения («житие») человека. Первоначально речь шла об одном человеке, но, столкнувшись с реалиями нечаевского заговора [15], Достоевский решает сделать духовный анализ происшедшего и показать причину того, почему обычные люди в обычном российском городе превратились в одержимых бесами существ. В центре внимания автора находится «великий грешник» – Николай Всеволодович Ставрогин.

Уже первые страницы романа должны были насторожить внимательного читателя, прозревающего за лицом этого персонажа облик антихриста. Достоевский указывает на ряд характерных черт, которые Священное Писание атрибутирует антихристу. Ставрогин владеет некой мистической способностью подчинять себе людей, в силу чего одни его обожали, другие – ненавидели, но все признавали его особую, ничем не объяснимую власть. Сверхъестественную, противоречащую рассудку и воле, рабскую зависимость чувствует Шатов: «Ставрогин, для чего я осужден в вас верить во веки веков? <...> Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!» [16] Сестра Шатова, Даша, ясно сознавая всю гибельность этой зависимости, не может и не хочет бороться с ней и готова по первому слову Ставрогина идти за ним на край света [17]. Лиза Тушина ненавидит Ставрогина, но против своей воли приближается к нему всё ближе и ближе и в конце концов гибнет. В плену обаяния Ставрогина находится даже Петр Верховенский: «Вы мой идол! <...> Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...» [18]

Поясняя этот феномен, Достоевский записывает: «Он должен быть оболъстителен», «обворожителен, как демон» [19], «будущий антихрист будет пленять красотой» [20]. Писатель особо останавливается на лице своего героя, описывая его черты. Каждая из них сама по себе кажется идеальной, а между тем их совокупность действует отталкивающе: «Казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» [21]. Примечательно, что с каждым новым злодеянием красота Ставрогина становится еще сильнее. Хроникер замечает: «Прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно “походило на маску” <...>. Теперь же <...> он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем...» [22] В сравнении лица Ставрогина с маской выразилось несоответствие его внешнего облика внутреннему духовному содержанию. Он вынужден почти постоянно скрывать свое подлинное лицо, которое естественным образом отражает вонне его внутреннее духовное состояние. А так как душа Ставрогина к этому времени разложилась почти полностью, то эта картина, как всякий вид гибнущей жизни, могла бы испугать и оттолкнуть любого человека. Пример такого использования Ставрогиным «маски» показан в сцене в гостиной Варвары Петровны, когда Ставрогин публично совершает страшный грех – отрекается от супружеской клятвы, данной пред лицом Божиим. Заметим, что ложь – чрезвычайно опасное явление тем, что *всегда* причиняет вред лгущему. Каждый акт лжи – акт духовного суицида. Он отдаляет человека от Бога и соединяет с дьяволом, который есть «человекоубийца <...>, ложь и отец лжи» [23]. Поэтому ложь является самым страшным и непреодолимым препятствием для любви (и к Богу, и к ближнему и к самому себе). По-настоящему любить способен только человек, сознательно избегающий лжи: Раскольников, Шатов, Алексей Карамазов.

А Ставрогин не считает ложь ни злом, ни пороком и прибегает к ней всегда, когда это может привести его к цели кратчайшим путем. Если же ему не нужно скрывать свое настоящее лицо, он ведет себя *естественно*. Так, разговаривая с женой наедине, он сначала не считал нужным притворяться, и его взгляд стал «излишне суров, может быть, в нем выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение ее испугом». Это привело к тому, что «еще мгновение, и она бы закричала» [24]. Ставрогин спохватился и надел на себя маску точно так же, как накануне в гостиной матери: «В один миг изменилось его лицо, и он подошел <...> с самою приветливою и ласковою улыбкой» [25]. Однако как только он понял, что его уловка не удалась, и Марья Тимофеевна успела увидеть его *настоящую* душу, Ставрогин сбрасывает маску: «Что ты сказала, несчастная, какие сны тебе снятся! – возопил он и изо всей силы оттолкнул ее от себя, так что она даже больно ударилась плечами и головой о диван» [26]. Он уходит «в неутолимой злобе, широко шагая по грязи и лужам, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотелось захохотать, громко, бешено...» [27].

К этому времени злоба стала наиболее яркой духовно-нравственной характеристикой личности Ставрогина. Хроникер замечает: «В злобе <...> выходил прогресс против Л-на [28], даже против Лермонтова. Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, *разумная*, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть» [29]. Примечательно, что подобная оценка никак не подтверждается событиями в романе, а значит ее дает сам автор, указывающий на внутреннее, духовное состояние своего героя, скрытое за маской его прельстительной внешности. Между тем преп. Иустин замечает: «Вся мнимая привлекательность, величие и прелесть зла <...> будет собрана, воплощена и олицетворена в антихристе... В антихристе зло достигнет на земле своего предельного совершенства, он будет гениально и неподражаемо зол. Всё зло, разбросанное по миру, сокрытое в ущельях человеческих душ и в безднах бесовских злоизволений, он соберет в себе, соединит в себе и явит себя соборностью зла, вселенскостью зла, богом зла, всезлом. Он во всем будет противоположен Христу: Христос – воплощенное благо и истина, антихрист же будет стараться быть воплощенным злом и ложью...» [30]

На принадлежность Ставрогина к inferнальному миру Достоевский указывает деталями, имеющими яркое символическое значение. Он дважды замечает: «И вдруг зверь показал свои когти» [31], «и вот – зверь вдруг выпустил свои когти» [32]. А когда Ставрогин выводит жену из гостиной, «Лиза <...> для чего-то вдруг привскочила с кресла, когда они выходили, и неподвижным взглядом проследила их до самых дверей. Потом молча села опять, но в лице ее было какое-то судорожное движение, как будто она дотронулась до какого-то гада» [33]. Название главы, в которой Ставрогин появляется в романе («Премудрый змий»), восходит к книге Бытия [34]. Словом «зверь» Священное Писание называет антихриста, а «драконом» или «змеем» (т. е. гадом) – сатану: все люди «поклонились дракону, который дал власть зверю, И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно <...>. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем, и поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца...» [35].

Совмещение в личности Ставрогина двух inferнальных имен, хотя и близких, но всё же разных, говорит о том, что он не является в полноте ни тем, ни другим. Он не является сатаной, потому что сатана есть дух, не способный произвольно воплощаться в человеческое тело, а принимающий какое-либо видимое обличье лишь по промыслу или поущению Божию [36], а указаний на это в романе нет.

Но Ставрогин не является и антихристом. Несмотря на то что он развращает и губит людей, он не ставит перед собой такой цели *сознательно*, а лишь *заражает* окружающих смертью. Не менее важно и то, что он не сознает себя слугой или орудием зла и не стремится не только к мировому господству, но даже к власти над местными «бесами». Это происходит потому, что воля Ставрогина почти полностью разрушена страстями гордыни и сластолюбия и совершенными им в угоду злодеяниям. Схиигумен Савва по этому поводу замечает: «По мере порабощения человека греху ослабляется воля человека...» [37] К тому же основную черту характера Ставрогина наряду с «злойбой», «безмерной» и «бесконечной» гордостью [38] образует эгоизм: «Оставьте меня, я сам по себе. Я эгоист и хочу жить в эгоизме» [39]. Разложение духовной природы Ставрогина дошло уже до того, что он практически утратил способность любить кого-либо: «Мне жаль, что я не могу вас любить, Шатов» [40], или хотя бы ответить на чувство бесконечно преданной ему женщины: «Мне вы милы, и мне, в тоске, было хорошо подле вас: при вас при одной я мог вслух говорить о себе. Из этого ничего не следует. <...> Вникните тоже, что я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду» [41].

Но Ставрогин не только не может любить, он уже не может и ненавидеть. Всё окружающее ему только в большей или меньшей степени *неприятно*, и он лишь ищет, где этого «неприятного» поменьше. Предлагая Даше навсегда уехать в Швейцарию, Ставрогин пишет: «В России я ничем не связан – в ней мне всё так же чужое, как и везде. Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить; но даже и в ней ничего не мог возненавидеть!» [42]. Об этом духовном состоянии говорит то место Откровения Иоанна Богослова, которое святитель Тихон читает Ставрогину: «Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то из-

блюю тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты жалок и беден, и нищ, и слеп, и наг...» [43]

Духовное состояние Ставрогина на протяжении всего романа можно уподобить состоянию заболевшего человека, который медлит обращаться к врачу, считая свое положение еще не очень опасным. Но болезнь уже поразила его организм и ведет свою разрушительную работу. О том, что она уже принесла свои плоды, и зло заполнило душу Ставрогина настолько, что начало выплескиваться наружу, свидетельствуют его поступки: таскание за нос Гаганова, публичный поцелуй жены Липутина, укусы за ухо губернатора. Хроникер замечает, что, проделывая всё это, Ставрогин находился в странном, почти беспмятном состоянии, не вполне руководя собой. Всё объяснилось тогда, когда укушенный губернатор запер его под арест. Сначала было тихо, но «в два часа пополудни арестант, дотоле удивительно спокойный и даже заснувший, вдруг зашумел, стал неистово бить кулаками в дверь, с неестественной силой оторвал от оконца в дверях железную решетку, разбил стекло и изрезал себе руки» [44].

Достоевский рисует обычную картину беснования, наиболее характерная черта которой – чудовищная сила, с которой человек, лишенный свободы, освобождается от пут. Аналогичную ситуацию показывает Евангелие. Когда Христос пришел в страну Гадаринскую, «тотчас встретил Его <...> человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его, всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни...» [45]. И Ставрогину его собственная воля принадлежит лишь отчасти. Им, еще живым человеком, управляет зло, которое он сам призвал в душу для удовлетворения страстей гордыни и сластолюбия. Достоевский так говорит об этом процессе: «Я думаю, люди становятся бесами или ангелами. <...> Земная жизнь есть процесс перерождения. Кто виноват, что вы переродились в черта?» [46] И когда иссякает любовь даже к самому себе, Ставрогин убивает свое тело и превращается в полноценного беса.

Помимо Ставрогина, в романе есть еще один претендент на статус антихриста – Петр Верховенский. Его принадлежность к inferнальному пространству Достоевский подчеркивает змееподобными чертами внешности: «Лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие» [47]. Он «ходит и движется очень торопливо» и при этом «очень вертится» [48], что создает впечатление, что он находится во всех местах сразу. И, наконец, главная черта, не оставляющая двусмысленности: «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком» [49]. Но в Верховенском нет глубины и масштабности, он слишком мелок, чтобы претендовать на роль антихриста, хотя и стремится к этому. Поэтому он не змей, а змея – символ притаившейся злобы и смертельной опасности.

Заметим, что и в Ставрогине и в Верховенском есть черты, соединение которых в одном человеке могло бы представить того антихриста, о котором говорит Священное Писание. Антихрист в романе словно раздвоился между ними, а в этом случае, говорит Господь, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» [50]. Достоевский предупреждает, что если сейчас этим двум половинкам не удалось соединиться в одном человеке, то это вполне может случиться в будущем. Тем более что Ставрогин в своих злодеяниях уже дошел до предела духовно-нравственного разложения, возможного человеку. Его природа настолько разрушена грехом, а образ Божий в ней искажен и затемнен, что зачатый им в этом состоянии ребенок мог бы стать антихристом. Женщина, о связи с которой Ставрогин говорит в своей «Исповеди», и Матреша покончили жизнь самоубийством. От рук взбесившейся толпы гибнет Лиза Тушина. Все эти женщины не успели родить ребенка от Ставрогина, но он рождается у Марии Шатовой. Однако «бесы» убили Шатова, и Мария, оставшись без его помощи, погибла сама и погубила новорожденного ребенка. Зло уничтожило самое себя. Так сбывается слово Божие: «Вражду положу между тобою и между женой, и между семенем твоим и между семенем ее, оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку» [51].

Помимо этого ребенка у Ставрогина было и «духовное чадо» – Кириллов. Отношения Ставрогина с ним и с Шатовым являются примером виртуозной дьявольской педагогики: за

кратчайшее время «учитель» полностью изменил мировоззрение двух уже взрослых людей. Шатов позже сможет преодолеть власть Ставрогина и найти путь к спасению. Он прямо обвинит Ставрогина в *нравственном* преступлении: «Вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утвердили в нем ложь и клевету и довели разум его до иступления... Подите, взгляните на него теперь, это ваше создание» [52]. Ставрогину действительно удалось *так* исковеркать мировоззрение Кириллова, что он стал воспринимать окружающий мир как негативное изображение. Трагедия заключается в том, что при этом он сохранил многие прекрасные душевные качества, но все они стали служить его новой вере в небытие Бога.

Кириллов становится первым атеистом *великого пятикнижия*, то есть человеком, религиозно утверждающим отсутствие Бога. Принимая тезис Вольтера о социальной обусловленности идеи Бога: «Бог необходим, а потому должен быть» [53], – Кириллов идет дальше и заявляет, «что Его нет и не может быть. <...> Для меня нет выше идеи, что Бога нет» [54]. На место Бога он помещает человека по имени Иисус Христос: «Этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после *Ему* такого же, и никогда, даже до чуда» [55]. Заметим, что Кириллов отрицает Божество во Христе, оставляя Ему лишь совершенную человеческую природу – порождение единой земной природы: «В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого*, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке» [56].

Честность и цельность натуры Кириллова заставляет его от констатации идти дальше: «Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал – есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе» [57]. Кириллов решает подтвердить свою правоту действием: «Всё спасение для всех – всем доказать эту мысль. <...> Я убью себя сам и непременно, чтобы начать и доказать» [58]. Заметим, что Бог есть источник жизни и сама Жизнь [59], и потому всякое посягновение на жизнь есть посягновение на самого Бога. Этот бунт закономерно приводит Кириллова к мысли о том, что вместо Богочеловека Христа придет Человекобог [60], в появление которого он верует религиозно. Какое-то время Кириллов думал, что угадал этого человека в Ставрогине, но затем понял, что Ставрогин – не «сильный человек» [61]. Однако это разочарование не породило отчаяния, а подтолкнуло к действию: «Я еще только бог поневоле, и я несчастен, ибо *обязан* заявить своеволие. <...> Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей...» [62]

Кириллов повторяет слова Самого Бога: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...» [63]; «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется...» [64] и присваивает себе Его миссию («Я спасу»). Он делает это сознательно, следуя дьявольской логике: «Если нет Бога, то я Бог» [65]. Тем самым Кириллов пытается занять место Христа в мире, становясь *вместо и против* Него – антихристом [66]. В основе этого акта – бунт против Творца и творения: «Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» [67]. Однако «своеволие» и «страшная свобода» не являются для Кириллова самоцелью, потому что им движет не гордыня и эгоизм, а мечта о всеобщем счастье, к которому, как ему кажется, он нашел путь: «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту» [68]. И для того чтобы освободить человечество от страха смерти, Кириллов решает убить себя, на своем примере доказав абсолютную свободу человека: ведь если Бога нет, то и самоубийство – не грех, потому что «там» за него ничего не будет, а следовательно, бояться нечего.

Образ Кириллова вызывает *непременную* симпатию читателя. Но, сочувствуя больному, нельзя сочувствовать его болезни. Через Ставрогина дьявол попытался еще одного обычного, хорошего человека превратить в своего раба, для чего и отравил его сознание духовным ядом антихристианства. Шатов смог освободиться от дьявольской власти Ставрогина и, глядя на старого друга, сожалеет: «Если б вы могли отказаться от ваших ужасных фантазий и

бросить ваш атеистический бред... о, какой бы вы были человек, Кириллов!» [69]. «Оговорка» Шатова примечательна: Кириллов уже почти не человек. Он еще сохраняет многие прекрасные *душевные* качества, но *духовно* уже является слугой сатаны. Православие знает, что сознательное и упорное противление Богу приводит к полной утрате образа Божия, и потому, когда Верховенский вошел в комнату Кириллова, полную мрака и уже ставшую гробом, «что-то заревело и бросилось к нему. Изо всей силы прихлопнул он дверь и опять налег на нее, но уже всё утихло – опять *мертвая* (курсив наш. – О. С.) тишина» [70]. Кириллов убивает себя, и его смерть становится последним эмпирическим звеном логики богоотрицания.

Примерами своих героев Достоевский показывает, что и путь непрерывного удовлетворения страстей (Ставрогин, Петр Верховенский) и путь рационального богоотрицания (Кириллов) неизбежно оборачиваются страданиями для окружающих и гибелью для самого человека. Писатель предупреждает, что если человечество не сойдет с этого пути, то постепенно превратится в бесов, разрушит мир и откроет двери антихристу и его господину. Пока еще не все предзнаменования сбылись, не оскудела еще праведниками земля, и попытка сатаны завладеть миром не удалась. Однако, говорит священномученик Ипполит, «мы не ускользнем пришествия антихриста лишь тогда, когда не участвуем в грехах и беззакониях своего времени делом или сочувственным помыслом» [71].

Примечания

1. Романы «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1873), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1878–1880).
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 419–420.
3. Бытие, 1:26.
4. Бытие, 1:27; 2:7.
5. Достоевский Ф. М. Письмо А. А. Романову (наследнику), 10.02.1873 // Указ. соч. Т. 29. Кн. 1. 1986. С. 260.
6. Там же. С. 262.
7. См.: Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 6. С. 419–420; Т. 25. С. 115–117; Т. 14. С. 224–241.
8. От греч. предлога *αντί* – вместо, против, вопреки, насупротив, перед.
9. См.: Иер. 8:16; Дан. 11:37; Мф. 24:24; Ин. 5:43; 1 Ин. 4:1, 2:18; 2 Фес. 2:11.
10. Дамаскин Иоанн. Точное изложение Православное веры // Преподобный Иоанн Дамаскин. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 457.
11. См.: Откр. 11:3–10.
12. См.: 2 Фес. 2:8.
13. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Нужно любить Россию. О вере и Государстве Российском. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 309.
14. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 180–181.
15. Нечаев С. Г. (1847–1882) – организатор и руководитель тайного общества «Народная расправа».
16. Достоевский Ф. М. Бесы // Указ. соч. Т. 10. 1974. С. 202.
17. Там же. С. 229–230.
18. Там же. С. 323–324.
19. Достоевский Ф. М. Бесы (Подготовительные материалы) // Указ. соч. Т. 11. 1974. С. 174, 177.
20. Достоевский Ф. М. Подросток (Подготовительные материалы) // Указ. соч. Т. 16. 1976. С. 363.
21. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 31.
22. Там же. С. 145.
23. Евангелие от Иоанна, 8:44.
24. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 215.
25. Там же. С. 215.
26. Там же. С. 219.
27. Там же. С. 219.
28. Речь идет о декабристе М. С. Луние (1787–1845).
29. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 165.
30. Иустин Попович, преподобный. Догматика Православной церкви: Эсхатология. М.: Изд. Совет РПЦ, 2005. С. 74.
31. Достоевский Ф. М. Бесы. С. 37.
32. Там же. С. 38.
33. Там же. С. 147.
34. «Змий был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3,1).
35. Откровение, 13:3–8.

36. Достоевский показывает это догматическое положение на примере черта из кошмара Ивана Карамазова (Т. 15. С. 73–74).
37. *Савва*, схийгумен. Азбука духовной жизни // Святильники духа. М.: Братство св. апостола Иоанна Богослова, 2010. С. 46.
38. *Достоевский Ф. М.* Бесы (Подготовительные материалы). С. 117, 136, 149.
39. Там же. С. 134.
40. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 202.
41. Там же. С. 513.
42. Там же. С. 513–514.
43. *Достоевский Ф. М.* Бесы (Подготовительные материалы). С. 11.
44. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 43.
45. Евангелие от Марка, 5:2–5.
46. *Достоевский Ф. М.* Бесы (Подготовительные материалы) // Указ. издание. Т. 11. 1974. С. 184.
47. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 143.
48. Там же. С. 143, 147.
49. Там же. С. 143.
50. Евангелие от Матфея, 12:25.
51. Бытие, 3:15.
52. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 197.
53. Там же. С. 469.
54. Там же. С. 469, 471.
55. Там же. С. 471.
56. Там же.
57. Там же.
58. Там же. С. 471–472.
59. Евангелие от Иоанна, 14:6.
60. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 189.
61. Там же. С. 228.
62. Там же. С. 472.
63. Откровение, 1:8.
64. Евангелие от Иоанна, 10:9.
65. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 470.
66. От греч. *αὐτί* – против, вместо, перед.
67. *Достоевский Ф. М.* Бесы. С. 472.
68. Там же. С. 188.
69. Там же. С. 436.
70. Там же. С. 476.
71. Ипполит, священномученик. Творения // О кончине века и антихристе. Изд-во Московского подворья Св.-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 2007. С. 63.

Notes

1. Novels «*Prestuplenie i nakazanie*» ["Crime and punishment"] (1866), «*Idiot*» ["Idiot"] (1868), «*Besy*» ["Demons"] (1873), «*Podrostok*» ["Teenager"] (1875), «*Brat'ya Karamazovy*» ["Brothers Karamazov"] (1878–1880).
2. Dostoyevsky F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]/Full coll. of works: in 30 vol. Vol. 6. Leningrad: Nauka, 1973. Pp. 419-420.
3. Being, 1:26.
4. Being, 1:27; 2:7.
5. Dostoyevsky F. M. [Letter to A. A. Romanov (successor), 10.02.1873]//Spec.work. Vol. 29. Book 1. 1986. P. 260.
6. Ibid. P. 262.
7. See: Dostoyevsky F. M. Spec.work. Vol. 6. Pp. 419-420; Vol. 25. Pp. 115-117; Vol. 14. Pp. 224-241.
8. From a Greek pretext *αὐτί* – instead of, against, contrary to, насупротив, before.
9. See: Iyer. 8:16; Dan. 11:37; Mf. 24:24; In. 5:43; 1 In. 4:1, 2:18; 2 Fes. 2:11.
10. Damaskin Ioann. *Tochnoe izlozhenie Pravoslavnoe very* [Exact statement Orthodox beliefs]//Saint Ioann Damaskin. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa. 2010. P. 457.
11. See: Rev. 11:3–10.
12. See: 2 Fes. 2:8.
13. Gogol N. V. *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami* [The chosen places from correspondence with friends]// *Nuzhno lyubit' Rossiyu. O vere i Gosudarstve Rossijskom* [It is necessary to love Russia. About belief and the Russian State]. Saint-Petersburg: Russkaya simfoniya. 2007. P.309.
14. Dostoyevsky in memoirs of contemporaries: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Hudozh. lit. 1990. Pp. 180-181. (in Russ.)

15. Nechayev S. G. (1847–1882) – the organizer and the head of the secret society «Narodnaya rasprava» ["National Punishment"].
16. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]//Spec. work. Vol. 10. 1974. P. 202.
17. Ibid. Pp. 229-230.
18. Ibid. Pp. 323-324.
19. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons] (Preparatory materials)// Spec. work. Vol. 11. 1974 . Pp. 174, 177.
20. Dostoyevsky F. M. *Podrostok* [Teenager] (Preparatory materials)// Spec. work. Vol. 16. 1976. P. 363.
21. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 31.
22. Ibid. P. 145.
23. The gospel from Ioann, 8:44.
24. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 215.
25. Ibid. P. 215.
26. Ibid. P. 219.
27. Ibid. P. 219.
28. It is a question of the Decembrist M. S. Lunin (1787–1845).
29. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 165.
30. Iustin Popovic, Saint. *Dogmatika Pravoslavnoj tserkvi: EHskhatologiya* [Dogmatic person of Orthodox church: Eskhatologiya]. Moscow: Sovet RPTS Publ. 2005. P. 74.
31. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 37.
32. Ibid. P. 38.
33. Ibid. P. 147.
34. "The serpent was more cunning than all field animals created by the Lord" (Being. 3,1).
35. Revelation, 13:3–8.
36. Dostoyevsky shows this dogmatic situation on the example of the devil from Ivan Karamazov's nightmare (Vol. 15. Pp. 73-74).
37. *Savva, skhiigumen. Azbuka duhovnoj zhizni* [Savva, schyigumen. Alphabet of spiritual life]// *Svetil'niki duha* [Spirit Lamps]. Moscow: Bratstvo sv. apostola Ioanna Bogoslova. 2010. P. 46.
38. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons] (Preparatory materials). Pp. 117, 136, 149.
39. Ibid. P. 134.
40. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 202.
41. Ibid. P. 513.
42. Ibid. Pp. 513-514.
43. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons] (Preparatory materials). P. 11.
44. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 43.
45. The gospel from Mark, 5:2–5.
46. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. (Preparatory materials)// Spec. work. Vol. 11. 1974. P. 184.
47. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 143.
48. Ibid. P. 143, 147.
49. Ibid. P. 143.
50. The gospel from Matfey, 12:25.
51. Being, 3:15.
52. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 197.
53. Ibid. P. 469.
54. Ibid. Pp. 469, 471.
55. Ibid. P. 471.
56. Ibid.
57. Ibid.
58. Ibid. P. 471-472.
59. The gospel from Ioann, 14:6.
60. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 189.
61. Ibid. P. 228.
62. Ibid. P. 472.
63. Revelation, 1:8.
64. The gospel from Ioann, 10:9.
65. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 470.
66. From Greek *avtí* – against, instead of, before.
67. Dostoyevsky F. M. *Besy* [Demons]. P. 472.
68. Ibid. P. 188.
69. Ibid. P. 436.
70. Ibid. P. 476.
71. *Ippolit, svyashchennomuchenik. Tvoreniya* [Ippolit, martyr. Creations]// *O konchine veka i antihriste* [About death of a century and Antichrist]. Publ. of the Moscow farmstead of St. Troitsk Sergiyevy Monastery. Moscow. 2007. P. 63.

Интертекстуальные мотивы и образы в лирике И. В. Елагина

В статье рассматривается одна из характерных особенностей в лирике поэта второй волны русской литературной эмиграции Ивана Елагина, а именно интертекстуальность мотивов и образов. Отмечается круг поэтов Серебряного века, на традиции которых опирается Иван Елагин. В статье рассматриваются характерные черты творчества Елагина, которые указывают на его связь с поэтами Серебряного века. Также отмечаются наиболее яркие образы-параллели в лирике. Особо выделяется связь урбанистической лирики Елагина с лирикой В. В. Маяковского. Объектом исследования являются стихотворения поэта Елагина. Предмет исследования данной статьи – культурно-исторические параллели, ассоциативность образов и мотивов, включенных в структуру поэтических текстов. Актуальность данной статьи состоит в том, что ранее об интертекстуальности в поэзии Елагина не было ни одной научной статьи или монографии. Анализ выполнен на материале поэтических сборников «По дороге оттуда» (1953), «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), «Дракон на крыше» (1973).

The article is review one of the prominent features in the lyrics of a poet of the second wave of Russian literary emigration Ivan Yelagin, namely Intertextuality of motives and images. Notes the circle of poets of the “Silver age”, which traditions are used by Ivan Yelagin. The article discusses the characteristics of creativity of Yelagin, which indicate its relationship with the poets of the “Silver age”. As well, notes the most vivid images-parallels in the lyrics. Particularly highlights the link of urban lyrics of Yelagin with the lyric of V. V. Mayakovsky. The object of research are the poems of Yelagin. The subject of research in this article are cultural-historical parallels, associativity images and motifs in the structure of poetic texts. The relevance of this article is that it was no scientific articles or monographs earlier about the intertextuality in the poetry of Yelagin. The analysis is based on the material of poetry books “По дороге оттуда” (1953), “Отсветы ночные” (1963), “Косой полет” (1967), “Дракон на крыше” (1973).

Ключевые слова: интертекстуальность, ассоциативность образов, аллюзия, предшественники, мотив, образ, лирический герой.

Keywords: intertextuality, associativity of images, allusion, predecessors, motive, image, lyrical hero.

Одной из особенностей поэтики Ивана Елагина являются культурно-исторические параллели, ассоциативность образов, включение элементов «чужого слова» в структуру поэтического текста. Русская и мировая литературная традиция присутствовала в его поэзии на уровне сюжетно-композиционных сближений, явных или скрытых цитат, реминисценций, аллюзий, ритмических переключек и других форм интертекстуальности.

Анализируя его стихотворения, особенно те, что относятся к раннему периоду творчества – сборники «По дороге оттуда» (1953), «Отсветы ночные» (1963), «Косой полет» (1967), – нельзя не отметить круг поэтов Серебряного века, на традиции которых он опирается, чей опыт для него очень важен. К таким поэтам относятся А. Ахматова, А. Блок, И. Бунин, М. Цветаева, Б. Пастернак, В. Маяковский, Н. Гумилев, О. Мандельштам, Н. Заболоцкий. Елагина смело можно назвать продолжателем традиций поэтов Серебряного века. Иногда он как бы переключается со своими любимыми поэтами, перифразируя то Блока: **«Переулок. Ограда. Фонарь. Мотоциклы. Трамваи. Киоски. / И опять богатырь, как и встарь, / На высоком стоит перекрестке»** [1]; то Гумилева: **«О бретерах и о мотах / Рассказали, как слова, / Кружева на отворотах, / Щегольские кружева»** (т. 1, с. 67) («Сыплется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет» – у Гумилева).

Известно, что Елагин начал писать свои первые стихотворения в середине 30-х гг. В то время ориентиром в русской поэзии для него была А. А. Ахматова. В 1939 г. поэт посетил ее в Ленинграде, в очень непростой для Ахматовой период жизни (в те дни должны были высылать ее сына, и она торопилась к нему в тюрьму с передачей), поэтому встреча их получилась слишком короткой. Позднее в своей известной поэме «Память», вошедшей в сборник «В зале вселенной» (1982), он напишет об этой запомнившейся на всю жизнь для него встрече дос-

таточно подробно. Эта кратковременная встреча с поэтессой оказалась достаточно значимой в лирике Елагина. В 1981 г., отвечая на вопросы анкеты редакции издававшейся в Айове энциклопедии современной русской и советской литературы, Елагин, называя некоторые основные «узлы» своего поэтического творчества, особо выделил тему ахматовского реквиема. Если же обратиться непосредственно к стихам, здесь можно выявить определенное своеобразие решения этой темы у Елагина. Ахматова в своем «плаче» по сыну идет от общего к частному: плач по всем убиенным, по всей «безвинной Руси» оборачивается глубокой материнской скорбью по одному-единственному сыну. Елагин же в своей поэме «Звезды», посвященной отцу, поэту-футуристу Венедикту Марту, арестованному и расстрелянному в июне 1937 г., отталкивается от конкретных деталей, которые ему запали глубоко в душу, таких как «рукописи, брошенные на пол...», «письмена тибетские заляпал / часового каменный сапог», «пепельница дыбится, как еж», «забитая комната», «старый грузовой автомобиль», на котором и увезли отца навсегда. В финале поэмы, как и у Ахматовой, трагедия отца и сына вырастает до вселенских масштабов: появляется страшный образ беззвездного мира, наполненного «дымом погибающих планет». Поэт, передавая максимальную эмоциональную напряженность, семь раз повторяет местоимение «наш», подчеркивая тем самым общее людское горе:

Наше небо стало небом черным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звезды выдернуты с корнем,
Наши звезды больше не горят (т. 1, с. 135).

Как было отмечено выше, многие стихи Елагина создавались под воздействием произведений великих предшественников. Интересно в связи с этим наиболее известное широкому кругу читателей стихотворение «Мне незнакома горечь ностальгии...», в котором «беженская» тема соединилась с темой России. При чтении его вспоминается знаменитое цветаевское «Тоска по родине! Давно...». Справедливо отметить, что у Елагина нет того пронзительного трагизма, той безмерной тоски, которой пронизана каждая строка цветаевского стихотворения, но начинаются оба с категорического утверждения об отсутствии ностальгического настроения, даже о некоем безразличии, о понимании необратимости сложившейся ситуации:

Мне незнакома горечь ностальгии,
Мне нравится чужая сторона.
Из всей – давно оставленной – России
Мне не хватает русского окна (т. 1, с. 177).

У Цветаевой:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно –
Где – совершенно одинокой.

Если у Цветаевой, по замечанию В. Швейцер, обилие восклицательных знаков «воплощает рыдания», которые должны быть скрыты [2], то у Елагина восклицания отсутствуют вообще. Раскрывая истинные чувства лирического героя, поэт как бы самореабилитирует его, описывая известное русское окно.

По точному замечанию Т. П. Буслаковой, в лирике Елагина заметна «опора на традицию урбанистической поэзии В. В. Маяковского» [3]. Как и у Маяковского, образ города у Елагина создается на основе реальных деталей: «сияние атомных ламп», «гигантская антенна», «алюминиевые строения, космические ракеты», которые поэт сравнивает ни с чем иным, как с гробами, и др. Но в этих стихотворениях важен не конкретный реминисцентный источник. С поэзией Маяковского их сближают еще и использование гротеска, сарказм в лирической интонации и острое ощущение того, что он последний, кто «понимает» красоту и неповторимость мироздания. Еще одним немаловажным, но уже внешним проявлением общего у Маяковского

го и Елагина является использование так называемого акцентного стиха. Так, например, в стихотворении «Послушай, я все скажу без утайки...» так же, как и в поэме «Небо», использование Елагиным акцентного стиха напоминает о стилистике произведений Маяковского. В поэме «Небо» строки располагаются характерной для Маяковского «лесенкой»:

Я знаю, что неба не хватит.
Немного
у неба
осталось
времени.
Потомки
какой-нибудь паклей
законопатят
Прорву космической темени (т. 1, с. 200).

В стихотворении «Послушай, я все скажу без утайки...» елагинское троекратное обращение к слушателю, дополненное призывом – «Пойми...» – выражает крайнее отчаяние от сознания, что человек превращается в некую машину, «прибор», внутри которого «гайки», «провода», «холод железа», вместо нормальных обычных человеческих чувств:

Послушай, я скоро прибором стану,
Уже я почти что не человек,
В орбиты мне вставили по экрану,
И я уже не увижу поляну,
Я не увижу звезды и снег (т. 1, с. 204).

Это обращение к слушателю перекликается с призывом лирического героя Маяковского задуматься о необходимости того, *«чтобы каждый вечер / над крышами / загоралась хоть одна звезда»* («Послушайте!», 1914). Примечательно, что практически одинаковы здесь даже названия сравниваемых стихотворений. Продолжение традиций Маяковского ощущается и в более поздних елагинских стихотворениях. Раскрывая тему творчества, Елагин пишет стихотворение «Ответ» (сб. «Дракон на крыше» 1973), в котором отрицает то, что обычно думают и говорят о поэзии и поэте. Отметим, что этому стихотворению предпослан эпиграф из О. Мандельштама: *«Попробуйте меня от века оторвать!»* Поэт пишет о том, насколько сложна и уязвима жизнь поэта в современном мире. Елагинский поэт отказывается писать о том, что от него требуют, он человек своей эпохи, своего времени, неотделимый и немислимый вне исторической ситуации – и это его долг, его обязанность перед читателем, перед родиной, перед эпохой:

Меня не отделишь
От времени. С ним не рассоришь!
Я сын его гульбищ и зрелищ,
Побоищ и сборищ (т. 1, с. 340).

Лирический герой этого стихотворения подобно герою поэмы Маяковского «Во весь голос» (1930) отказывается «стихами лить из лейки» и «мандолинить из-под стен», ему этого недостаточно. Конечной художественной целью поэмы Маяковского, как и стихотворения Елагина, является рассказать всю правду о времени, о себе, стремясь к тому, чтоб голос поэта был услышан теми, кому адресованы эти строки.

О явной поэтической симпатии Елагина к Маяковскому говорит и биограф Елагина, Евгений Витковский, отмечая при этом, что она шла скорее от отца-футуриста, чем от советской культуры. В более позднем сборнике «Дракон на крыше» (1973) появляется стихотворение «У памятника Маяковскому», которое начинается с парафразы строк из «Облака в штанах»:

«Иду красивый, двадцатидвухлетний»: у Елагина – «Стих отгремел последний – / И над Россией / Стоит он – / Двадцатидвухлетний, / Стоит красивый!»

Наконец, говоря о представителях Серебряного века, имевших определенный авторитет для Елагина-поэта, нельзя не обратить внимания на стихотворение «Я сегодня прочитал

за завтраком...» (сб. «Дракон на крыше»). Стихотворение уже с первых строк вводит читателя в курс дела:

Я сегодня прочитал за завтраком:
«Все права сохранены за автором» (т. 1, с. 388).

Автор иронически замечает, что таким же образом можно сохранить права «за ветром», «за звездой», «за дождем», «за прошлогодним снегом». А какие права есть у русских поэтов? Отвечая на этот по сути риторический вопрос, Елагин снова вспоминает тех великих русских мастеров слова, традиции которых он продолжает: это и «Право на пулю Дантеса или веревку Цветаевой? / Право на общую яму было дано Мандельштаму... / Право стоять под расстрелом, как Николай Гумилев...». Среди них поэт упоминает прямо или намеками Лермонтова, Блока, Пастернака, Есенина, Маяковского. В еще одном своем стихотворении «У вод Мононгахилы» (сб. «В зале вселенной», 1982) Елагин снова перечисляет тех предшественников, у которых он учился своему ремеслу: Блок, Ахматова, Цветаева, Пастернак:

Хотя авторитетов
На мне лежит печать,
Я перечнем поэтов
Не стану докучать.
Но все ж слова найду я
Сказать кое о ком
Из тех, кто молодую
Мне душу жег стихом (т. 2, с. 79).

Сам Елагин, говоря о характерных чертах своего творчества, называет сатирический гротеск, смесь фантастического и реального, некоторые черты современного сюрреализма. В американской поэзии 60–70-х гг. сюрреализм был довольно распространенным явлением. Его главным лозунгом стало: «Вся власть – воображению». Традиции современного Елагиному сюрреализма также нашли отклик в его творчестве. В этом отношении очень характерно стихотворение «Гости поналезли...» (сб. «Дракон на крыше»).

Гости поналезли,
И у всех болезни.
У кого какой артрит,
Тот о том и говорит.
Разгорелись важные,
Длительные прения.
(А я улизнул
В замочную
Скважину,
Прямо
В четвертое
Измерение!) (т. 1, с. 363).

К интертекстуальным образам в лирике Елагина можно отнести бессмертный образ итальянского поэта Данте Алигьери. Первое обращение было, можно сказать, случайным – в «Поэме без названия», посвященной другу юности Сергею Бонгарту. Описывая застрявший среди небоскребов и новостроек небольшой скверик из пяти-шести облетевших кленов, он замечает:

Там пьяницы сидят,
И Данте Алигьери,
Как страж у входа в ад,
Поставлен в этом сквере (т. 1, с. 219).

Изображая вечерний, ночной и утренний сквер, поэт как будто случайно вспоминает о памятнике. Стихотворение «Невозвращенец» (сб. «Косой полет») уже целиком посвящено

ему. В стихотворении говорится о том, что суд в городе Ареццо, пересмотрев дело своего великого изгнанника, полностью его оправдывает. Здесь снова появляется образ американского «пыльно-зеленого» сквера, где стоял «на цоколе сутулясь, осужденный Данте Алигьери». Елагин, оживляя памятник, подчеркивает несуразность ситуации и бессмысленность посмертной реабилитации – последнее является одним из мотивов его поэтики. В «Невозвращенце» этот мотив подчеркивается иронической концовкой:

Я теперь смотрю на вещи бодро:
Время наше беды утрясет.
Доживем и мы до пересмотра
Через лет шестьсот или семьсот (т. 1, с. 326).

Говоря об интертекстуальности в лирике Елагина, некоторые исследователи отмечают обращение поэта к художественным образам, созданным его предшественниками, причем это не обязательно поэтическое произведение, но и проза. Так, например, Т. В. Лебедева говорит о том, что Елагин «вдохнул новую жизнь в образ, придуманный чеховскими “Мальчишками”» [4]:

Комары толклись у водоема,
Где-то птица крикнула в листе,
И закат прошел, как Монтигомо,
Перья пронося на голове (т. 1, с. 176).

Подводя итог, отметим, что обращение Елагина к творчеству авторитетных и уважаемых им предшественников, продолжение их традиций, заимствование характерных черт их поэтики – неотъемлемая часть его творчества. Елагин, вспоминая стихи своих любимых поэтов, по-своему излагает их, делая свои выводы. Так, например, Л. Кушнер считает, что «чем оригинальней поэт, тем естественней для него переключка с предшественниками. Это и понятно – для переключки нужно два голоса: те, у кого нет своего голоса, не могут позволить себе и переключку, им нечем переключаться» [5].

Примечания

1. Елагин И. Собр. соч.: в 2 т. М.: Сogласие, 1998. Т. 1. С. 156. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страниц.
2. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 426.
3. Буслакова Т. П. Литература русского зарубежья (курс лекций). М., 2005. С. 282.
4. Лебедева Т. В. Литература русского зарубежья // Ст. об Иване Елагине. М., 2006. С. 423.
5. Кушнер Л. Аполлон в снегу. Заметки на полях. Л., 1991. С. 81.

Notes

1. Yelagin I. Cool. works: in 2 vol. Moscow: Soglasie, 1998. Vol. 1. P. 156. Further references to this edition are given in the text with the indication of volume and pages.
2. Schweitzer W. *Byt i bytie Mariny TSvetaevoj* [Life and being of Marina Tsvetaeva]. Moscow. 1992. P. 426.
3. Buslakova T. P. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian abroad] (course of lectures). Moscow. 2005. P. 282.
4. Lebedeva T. V. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian abroad]/Art. about Ivan Yelagin. Moscow. 2006. P. 423.
5. Kouchner L. *Apollon v snegu. Zametki na polyah* [Apollo in snow. Marginal notes]. Leningrad. 1991. P. 81.

«Китаби-Деде Горгуд» – древний памятник озанского репертуара

Одной из важных проблем, стоящих перед горгудоведами, является вопрос о процессе перехода эпоса «Китаби-Деде Горгуд» из устного бытования в письменную форму. Существуют различные мнения относительно письменной истории этого памятника. Среди них более убедительными являются доводы известного фольклориста и эпосоведа Х. Г. Кероглы. Вероятность ошибочного прочтения декоративной подписи на титульном листе сводится, можно сказать, к нулю. Х. Короглу, благодаря длительным наблюдениям, смог рассмотреть на фоне декоративно оформленной арабскими буквами надписи на титульном листе вышеуказанное имя и отчество переписчика. С другой стороны, само наличие каллиграфии свидетельствует о том, что Абдуллах ибн Фарадж Кетхода записывал текст не из устной речи. Он или внимательно изучил текст для его дальнейшей перезаписи, или же этот текст был ему давно известен. Возможно, что переписчик вначале терпеливо и сдержанно вывел свое имя на титульном листе, а затем взялся переписывать поблекший, уже не раз переписываемый им текст. Можно также предположить, что это было связано и с принесением в текст новых дополнений. «Китаби-Деде Горгуд» в качестве источника, сохранившего сюжеты огузской эпической традиции, само по себе было сложной проблемой, и начинается, прежде всего, с воссоздания правильной архитектурной системы эпоса. Потому что в эпосе озаны преподносят эпическое творчество огузов и сюжеты, возникшие на различных этапах истории, как вчерашний день огузов. Они пытались объединить в единые хронологические рамки многие историко-традиционные ценности, факты и события, противостояния Ближних и Дальних Огузов. В самой же рукописи отражены события, охватывающие почти двухтысячелетний период жизни огузов. Профессиональные озаны, включив в свой репертуар этот период, продемонстрировали такое мастерство, что им нельзя не восхищаться. Обращая внимание на текст, замечаем, что озан брал в среднем один образец из 50–100-летней истории огузов. Эти образцы выстроены в эпосе с таким мастерством, что на первый взгляд даже незаметна многовековая разница между ними. Имеющиеся на сегодняшний день рукописные варианты эпоса «Китаби-Деде Горгуд» являются ценным источником, целиком отражающим живущие в народной памяти и переходящие из уст в уста сюжеты, мотивы и образы.

One of the important issues facing from the researchers of gorgud is the issue of the transition of the epos "Kitabi-Dede Gorgud" interpretation of existence in writing. There are different views on the recorded history of the monument. Among them are more convincing arguments by H. G. Korogly, well-known folklorist and epos researcher. The probability of erroneous reading of decorative signature on the title page is reduced, we can say to zero. Kh. Koroghlu through long observation was able to see against the background of decorative design of Arabic script lettering on the front page above the name and patronymic of the copyist. On the other hand, the mere presence of calligraphy indicates that Abdullah ibn Faraj Kethoda wrote the text of the speech is not. He carefully studied or text for further rewriting, or whether the text has been long known to him. It is possible that the scribe at first patiently and discreetly got his name on the title page, and then took rewrite faded, is not it time to rewrite the text. We can also assume that it was connected with the introduction of new additions to the text. "Kitabi Dede Gorgud" as the source, saving the stories Oghuz epic tradition, in itself was a challenge, and begins first of all with the correct reconstruction of the architectural system of the epic. Because in the epic ozan presented Oghuz epic creativity and stories that emerged at various stages in history as the last day Oghuz. They tried to combine into a single chronological framework of the many historical and traditional values, facts and confrontation events between Near and Far Oghuz. In the same manuscript are reflected events which happened nearly two thousand year period of Oghuz' life. Professional ozan to include in their repertoire of this period demonstrated a skill that they can not fail to admire. Drawing attention to the text of the notice that ozan took an average of one sample of the 50–100-year history of the Oghuz. These samples are lined up in the epic with such skill that at first glance does not even noticeable difference between the two centuries. The question about interpretation of the transition *Kitabi Dede Gorgud* from verbal memory into written form is one of the important problems for Gorgud-researchers. The present day hand-written epic *Kitabi Dede Gorgud* is a valuable source entirely reflective living in people's memory and scenes, motifs and images passing from mouth to mouth. The present day "Kitabi-Dede Gorgud's manuscripts are valuable source on fully recognized living in people's memory and oral passing scenes, motifs and images.

Ключевые слова: эпос «Китаби-Деде Горгуд», устная память, жизнь огузов, рукописи, предположения, источник, книга, эпическая традиция, запись.

Keywords: epic “Kitabi-Dede Gorgud”, verbal memory, the Oguz’s life, manuscripts, assumptions, a source book, the epic tradition, the written form.

Одной из важных проблем, стоящих перед горгудоведами, является вопрос о процессе перехода эпоса «Китаби-Деде Горгуд» из устного бытования в письменную форму. Ввиду того что появление огузских сказаний в репертуаре озанов связано с доисламским периодом, различные мировоззрения древнего мира не могли остаться в стороне от огузского эпоса. Символические, тотемистские, анимистские взгляды в первоизданном виде нашли свое отражение в тюркских, а также в более поздних огузских эпических текстах. Следует отметить, что и сам эпос «Деде Горгуд», занимающий на протяжении более чем 700 лет главенствующее положение в репертуаре озанов, подвергался изменениям, переработкам и импровизациям [1]. Вместе с изменениями, происходящими в жизни огузских беков, их жизненном укладе, мировоззрении, традициях, географической среде обитания менялся, обновлялся и эпос. Этот процесс принял стремительный размах после периода арабских завоеваний.

Другим фактором, оказавшим влияние на эпический репертуар озанов, является стремительное принятие огузами исламских ценностей. Это было связано с тем, что возникла благоприятная общественно-политическая ситуация для перехода огузов от одной, более древней, формы монотеизма (тенгрианства) к другой, более молодой (исламу). Тенгрианство было передовым мировоззрением в тюркском эпическом сознании; поклонение Тенгри (древнему верховному божеству Неба) сближало тюрков с арабами, поклоняющимися Аллаху, сделало их первыми приверженцами этой новой религии.

Наблюдения, проведенные над текстами, показывают, что введение исламских ценностей, имен Аллаха и пророка Мухаммеда в контекстное содержание сюжета являются продуктами более поздней переработки. Этот процесс претворялся различными писцами в период записи эпоса. Однако поправки писцов не приняли широкомасштабный характер, а состояли из отдельных слов, выражений и кратких текстовых дополнений.

Сегодня существуют многочисленные разногласия по вопросу о периоде и самом процессе записи эпоса. В. М. Жирмунский, В. А. Гордлевский, В. В. Бартольд каждый в отдельности придерживаются разных мнений об истории возникновения эпоса и его записи.

Согласно В. А. Гордлевскому, эпические события связаны с освоением огузами Анатолии в XI–XIII вв. [2] В. В. Бартольд [3], а вслед за ним и В. М. Жирмунский считают, что многие сказания (бои) эпоса связаны с бытом огузов периода государства Аккоюнлу [4]. По мнению А. Е. Якубовского, возникновение эпоса относится к XV в. [5], а по мнению Э. Алибекзаде – к VI–VII вв. [6]

Также нет единого мнения и по поводу истории записи эпоса «Китаби-Деде Горгуд». Э. Алибекзаде относит начало этого процесса к VI–VII вв., Г. Араслы – к X–XI, О. Шаиг и М. Эргин – ко второй половине XVI в.

Существует множество гипотез и в отношении более ранней записи Дрезденской рукописи: определенная часть исследователей указывает на XI в. Считаем необходимым остановиться на одном из этих заключений, связанных с наблюдениями Ш. Джамшидова. Автор пишет: «...После слова “таммет” (знак. – У. Н.), на том месте, где обычно указывается дата написания рукописи, в нижнем углу листа друг под другом в ряд проставлены три буквы-цифры. Эту запись можно смело прочесть как цифры, так как подобный метод записи даты в свое время был широко распространен... Эту букву, похожую на арабскую букву “айн”, можно прочесть как трижды сокращенную запись цифры 4, т. е. 444 или 466. Мы взяли последний вариант автореферата докторской диссертации, напечатанного в 1985 г. Однако при внимательном рассмотрении первый вариант кажется более реальным. Цифра 4 повторяется под острым углом, уменьшаясь по направлению вниз. Верхняя часть у всех одинакова. Вторая отличается от первой, а третья от второй только по высоте. Поэтому дату первой записи памятника принимаем согласно первому варианту как 444 год хиджры или 1052/53 год. Это в точности подтверждает мысль о записи памятника в XI века...» [7] Конечно, если это предположение подтвердится, то в истории горгудоведения это могло бы считаться важным открытием. Но другие предположения по данному вопросу пока опровергают это.

Среди имеющихся на руках рукописных экземпляров Дрезденский текст является, без всякого сомнения, переписанным с одного из не дошедших до нас списков. Та дата не могла

быть ранее XIII в. Дрезденский текст был переписан с рукописи после процесса исламизации среди огузов в период выхода эпоса из репертуара. Этим завершилось бытование эпоса в профессиональном исполнении – и начался письменный этап «Китаби-Деде Горгуд».

В последующие века, еще до Дрезденского текста, не исключается запись текста рукописи несколькими переписчиками. Однако среди предположений по вопросу о дате записи Дрезденской рукописи пока наиболее убедительными остаются предположения Х. Короглу: «Китаби-Деде Коркуд ала лисани таифеи огузан» («Китаби-Деде Горгуд на языке огузских племен») – памятник огузского эпоса был записан в 887/1482 г. [8] А из декоративной “подписи” на титульной странице над основным текстом можно предположить, что автором или переписчиком был Абдуллах ибн Фарадж Кетхода» [9].

Вероятность ошибочного прочтения декоративной подписи на титульном листе сводится, можно сказать, к нулю. Х. Короглу, благодаря длительным наблюдениям, смог рассмотреть на фоне декоративно оформленной арабскими буквами надписи на титульном листе вышеуказанное имя и отчество переписчика [10]. Здесь, в декоративной арабской вязи, ясно можно распознать имя «Абдуллах ибн Фарадж Кетхода». Разумеется, что имя лица, не имеющего никакого отношения к тексту эпоса «Деде Горгуд», не могло случайно отобразиться на титульном листе рукописи.

В Средние века было традиционным подписывать имя переписчика на одной из предшествующих тексту страниц или же на титульном листе рукописи. В таких случаях переписчики выводили свое имя особым каллиграфическим почерком так, чтобы оно привлекало внимание. Поэтому вполне возможно, что переписчик Дрезденской рукописи оставил свое имя именно в особом каллиграфическом оформлении.

С другой стороны, само наличие каллиграфии свидетельствует о том, что Абдуллах ибн Фарадж Кетхода записывал текст не из устной речи. Он или внимательно изучил текст для его дальнейшей переписки, или же этот текст был ему давно известен. Возможно, что переписчик вначале терпеливо и сдержанно вывел свое имя на титульном листе, а затем взялся переписывать поблекший, уже не раз переписываемый им текст. Можно также предположить, что это было связано и с принесением в текст новых дополнений.

После того как были обнаружены Дрезденская и Ватиканская рукописи «Китаби-Деде Горгуд», они долгое время были объектом пристального изучения и текстологической классификации. «Обе рукописи были опубликованы и достаточно изучены как зарубежными, так русскими и советскими тюркологами» [11]. В то же время «Китаби-Деде Горгуд» привлек внимание востоковедов со всего света и был переведен на ряд иностранных языков. «Интерес к этому бессмертному памятнику появился и в Ираке. Произведение было переведено на арабский язык и опубликовано под названием «Сказание Деде Коркут» (Багдад, 2007. 264 с.). Вступительное слово к книге написал большой друг нашей литературы д-р Абдуллатиф Бендероглу» [12].

С тех пор как научному миру стал известен дрезденский вариант эпоса «Китаби-Деде Горгуд», он был включен Н. Г. Флейшером в каталог Дрезденской библиотеки. Возможно, ему же принадлежит следующая запись о рукописи, помещенной в каталог под номером «86»: «152-страничная брошюра по-тюркски; малый 40, записанный устаревшим почерком насх на восточнотюркском или огузском диалекте «Китаби-Дедем Горгуд». Это сказания о приключениях Ближних и Дальних (Ич Огузы и Дыш Огузы) Огузов во времена Мухаммеда. Название книги связано с той большой ролью, которую играет во всех сказаниях некий «Горгуд». Легенды повествуют о нем как о «верующей, умной и надежной среди огузских племен личности». К данным сведениям можно прибавить следующее: в центре титульного листа расположена круглая печать, а в нижнем левом углу – прямоугольная (на которой написано «Дрезденский музей, Ea 86»). Вверху написано название произведения: «Китаби-Деде Коркут ала лисани таифеи огузан». Под этим названием можно с трудом увидеть слова (монограмму): «Сахиб Ассалам Абдуллах ибн Фарадж Кетхода». В верхнем правом углу – надпись «tarixi-vəfatı Osman, sənə 993», а ниже, по направлению к правому углу, – примечание «написано по подобию мухаббетнаме». Есть ничем не обоснованное мнение о том, что в названии «Дедем Коркут» на первой странице частица «-m» по схеме ABCD («абжад») обозначает цифры года хиджры, когда была переписана рукопись. Вариант названия «Дедем Коркут» в Дрезденском экземпляре рукописи использовался 20 раз (в разных сказаниях). Предложение «написано по подобию мухаббетнаме» с точки зрения графики и орфографии указывает на

тип почерка, которым написана рукопись. Если это примечание принадлежит переписчику, то слова «по подобию мухаббетнаме» по схеме ABCD можно принять как дату появления Дрезденской рукописи: 664 год хиджры (1284). Помимо этого на той же странице есть записи, не связанные с темой книги. На обратной стороне страницы можно прочесть дважды написанное по-персидски двустигшие, а также другие записи на тюркском и арабском языках (записи отличаются каллиграфическим оформлением). Сам текст начинается со второй страницы» [13]. Затем широкое место занимает следующее за текстом описание объема текста, количества строк и рядов, количества строк на первых и последних страницах, периода и правил записи книги, вероятности записи нескольких сказаний со слов нескольких поколений озанов. Здесь интересно и мнение автора о том, что «на раннем этапе превращения эпоса “Китаби-Деде Горгуд” в образец письменной литературы он был записан в разное время и возможно со слов разных озанов. Нелогическая последовательность боев-сказаний связана именно с этим» [14]. Это замечание автора наводит на определенные соображения по поводу бытования репертуара сказаний эпоса «Деде Горгуд».

Относительно варианта рукописи существуют мнения многих ее исследователей, большая часть которых касается вопросов истории языка рукописи, а также вопросов текстологического изучения.

Дрезденская рукопись с точки зрения изучения всех текстологических показателей является ценным памятником, но не менее ценным является ее изучение как сборника эпических сюжетов. Несмотря на то что эта рукопись хотя и является широко изученной на сегодняшний день с точки зрения разнообразия устаревших типов почерка, текстологии, истории языка и т. д., все же она не вовлекалась до сих пор в круг исследований в качестве источника, в целом отражающего эпическое мышление, древние сюжеты, мотивы и образы огузов. В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, А. Ю. Якубовский, М. Эргин, О. Шаиг, Х. Г. Короглу и ряд других исследователей, говоря об огузской эпической традиции и касаясь данного вопроса, обращались к общетюркским сюжетам, мотивам и образам, однако Дрезденская рукопись основательно не анализировалась как источник народных эпических сюжетов. Х. Короглу, применивший более широкий подход к изучению этой проблемы, тем не менее, не сумел преодолеть влияния взглядов В. М. Жирмунского, и исследовал «Китаби-Деде Горгуд» как источник, сохранивший эпическую традицию, привлекая к сравнительному анализу лишь отдельные сюжеты эпоса [15].

Следует отметить, что рассмотрение «Китаби-Деде Горгуд» в качестве источника, сохранившего сюжеты огузской эпической традиции, само по себе было сложной проблемой, и начинается, прежде всего, с воссоздания правильной архитектурной системы эпоса, потому что в эпосе озаны преподносят эпическое творчество огузов и сюжеты, возникшие на различных этапах истории, как вчерашний день огузов. Они пытались объединить в единые хронологические рамки многие историко-традиционные ценности, факты и события, противостояния Ближних и Дальних Огузов. В самой же рукописи отражены события, охватывающие почти двухтысячелетний период жизни огузов. Профессиональные озаны, включив в свой репертуар этот период, продемонстрировали такое мастерство, что им нельзя не восхищаться. Обращая внимание на текст, замечаем, что озан брал в среднем один образец из 50–100-летней истории огузов. Эти образцы выстроены в эпосе с таким мастерством, что на первый взгляд даже незаметна многовековая разница между ними. Для того чтобы классифицировать это сюжетное разнообразие и изучить его, разделив на группы, прежде всего, необходимо восстановить ясную архитектурную систему эпоса. Архитектурная система позволяет, в первую очередь, определить циклы и стадии происхождения боев, включенных в эпическую канву. При группировании сказаний по периодам вырисовывается довольно интересная картина их происхождения, определяются временные и пространственные рамки боев-сказаний, а в некоторых случаях – и географическая территория. Следы каждого периода творчества проявляются в той или иной мере в самих сказаниях. С помощью этого метода, исходя из особенностей каждого периода в трехэтапном развитии эпоса, тематических и содержательных рамок, исторических фактов, реализовывается определение общей картины сюжетной многогранности Дрезденского текста.

Многочисленные исследователи «Китаби-Деде Горгуд» проблем, связанных с архитектурой памятника, практически не касались. В этом плане представляет интерес вступительная статья профессора Х. Короглы к бакинскому изданию 1989 г.

Пытаясь найти логическую стройность и хронологическую последовательность расположения в «Китаби-Деде Горгуд», Х. Короглы предлагает собственный вариант (VIII, I, III, IV, XI, II, VI, VII, IX, X, XII), который, по его мнению, оптимален.

С выводом исследователя о том, что каноническое расположение сказаний во многом не соответствует ни логике, ни хронологии, согласиться можно, однако и предложенный им вариант интересен, особенно если его рассмотреть на фактах конкретных биографий.

Так, Алп Рустам сын Дузана, один из персонажей, погибающих в сказании VIII, с которого, по мнению Х. Короглы, начинается повествование, участвует в последующих событиях, описанных в сказаниях IX, XI, XII. Другой пример. Уруз сын Салур Казана изображен в младенческих годах в двух сказаниях – IV и XI, в сказании же III он предстает зрелым воином, которому отец поручает охрану границы. Между тем, если принять вариант Х. Короглы, то и его биография оказывается нелогичной. Подобных несоответствий логике и хронологии в предложенном Х. Короглы варианте немало.

Любые чисто механические попытки логического и хронологического расположения сказаний «Китаби-Деде Горгуд» обречены на неудачу, поскольку, на наш взгляд, в этом памятнике имеет место сознательное нарушение архитектоники, придающее ему особое своеобразие и колорит.

Действие в сказаниях проходит как бы одновременно (что показывает, особенно, сравнение сказаний IV и XI; VIII и VII), в результате чего нет возможности уложить их содержание в хронологические и логические рамки.

Детальный анализ биографий каждого из свыше шестидесяти героев «Китаби-Деде Горгуд» и его содержания приводит к выводу, что наиболее оптимально расположить 12 сказаний соответственно хронологии и логике можно следующим образом: IV, XI, III, II, I, V, VI, VII, IX, X, VII и XII.

Сложность этой перегруппировки сказаний, на наш взгляд, и является одним из художественных достоинств «Китаби-Деде Горгуд», отличающих его от других образцов тюркского эпоса.

Наряду с этим «Китаби-Деде Горгуд» является носителем целого ряда традиций, свойственных произведениям тюркского эпоса.

Имя Деде Горгуд, внесенное в заголовок дастана, подсказывает, что именно ему отводится центральное место в сюжетной структуре «Китаби-Деде Горгуд». Действительно, Деде Горгуд единственный герой дастана, появляющийся на страницах всех двенадцати песен. Более того, на всем протяжении дастана герои обращаются к нему за советом и помощью, призывают его в особые минуты (для наречения именем, для переговоров с людоедом, для дачи выкупа за невесту, для сватовства).

Интересно отметить, что Деде Горгуд появляется в основном в конце каждой из двенадцати песен и, подытоживая описанные в песне события, «сказывает их». Вместе с тем в целом ряде песен он выступает как активный участник происходящего. Так, в третьей песне именно он дает имя Бамси Бейреку, который позднее именно через него сватывается к Бану-Чичек, и Деде Горгуд же помогает Бейреку дать назначенный братом Бану-Чичек Дели Карчаром за нее выкуп. Другой пример. В восьмой песне именно Деде Горгуда посылают на переговоры к Темяглазу, истреблявшему огузский род, и ему удается добиться разумного компромисса. В девятой песне именно благодаря мудрому совету Деде Коркута Баяндур-хан сумел разрешить сомнения относительно дележа дани из Грузии.

Как и в большинстве образцов тюркского героического эпоса, прозаические части «Китаби-Деде Горгуд» сменяются стихотворными, и наоборот. Симптоматично, что почти все герои памятника говорят и прозой и стихами.

Таким образом, нельзя говорить о полном стирании из памяти эпоса «Китаби-Деде Горгуд», потому что существующая традиция, структура, репертуарное бытование эпоса хотя и остались в прошлом, все же в целом появившееся и процветавшее вместе с ним озанское творчество, а также циклы огузских сюжетов, мотивов, образов распространились по всему тюркскому эпосу. Эпическая традиция озанов, разнообразие ее форм и стиля проявились в устном народном творчестве последующих периодов.

Примечания

1. «Китаби-Деде Коркут» (составители, транскрипция, упрощенный вариант и предисловие Ф. Зейналов и С. Ализаде). Баку, 1988 (на азербайджанском языке).
2. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М., 1960. С. 31–218.
3. Бартольд В. В. Турецкий эпос и Кавказ // Язык и литература: сб. Т. V. Л., 1930. С. 3–45.
4. Жирмунский В. М. «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 90–101.
5. Короглы Х. Г. Новые данные о героическом эпосе огузов // Народы Азии и Африки. 1986. № 6. С. 87–89.
6. Əlibəyzadə E. M. «Dədə Qorqud» mənəvi aləmi. Bax: E. Əlibəyzadə. Azərbaycan xalqının mənəvi mədəniyyət tarixi. Bakı: Gənclik, 1997. S. 423–508.
7. «Kitabi-Dədəm Qorqud» (Tarixi, coğrafi, tekstoloji tədqiq və Drezden əlyazmasının dürüsləndirilmə elmi mətni). (Tərtib edəni: E. A. Zəmsidov). Bakı: Elm, 1999. S. 57.
8. Короглы Х. Г. Новые данные о героическом эпосе огузов...
9. Короглы Х. Г., Набиев А. М. Азербайджанский героический эпос. Баку, 1986. С. 41.
10. Там же. С. 87–89.
11. Там же. С. 41.
12. Pəşayev Q. «Kitabi-Dədə Qorqud» İraq-Türkman ləhcəsi və ədəbi dilimiz: Sezilmə əsərləri, Yeddi cildə. II cild. Bakı: Təhsil, 2012. S. 25.
13. Əlizadə S. Q. Drezden nısxəsi. Vatikan nısxəsi. Orfoqrafiya, «Kitabi-Dədə Qorqud» – 1300 ensiklopediyası, 2 cildə, 1-ci cild. Bakı: Yeni Nərlər Evi, 2000. S. 30.
14. Ibid. S. 31.
15. Короглу Х. Г. Две тайны древнего титульного листа «Книга Моего Деда Коркута» // Вопросы литературы. 1987. № 6. С. 209–212.

Notes

1. "Kitabi-Dede Korkut" (originators, the transcription, the simplified option and the preface F. Zeynalov and S. Alizadeh). Baku. 1988 (on Azerbaijanians language).
2. Gordlevsky V. A. *Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloj Azii* [State of Seldzhukidy of Asia Minor]. Moscow. 1960. Pp. 31-218.
3. Bartold V. V. *Turetskij ehpos i Kavkaz* [Turkish epos and Caucasus]// *Yazyk i literatura: sb* [Language and literature: coll]. Vol. V. Leningrad. 1930. Pp. 3-45.
4. Zhirmunsky V. M. «Kitabi Korkut» i oğuzskaya ehpicheskaya traditsiya ["Kitabi Korkut" and oguz epic tradition]// // *Sovetskoe vostokovedenie - Soviet oriental studies*. 1958, No. 4, pp. 90-101.
5. Korogly H. G. *Novye dannye o geroicheskom ehpose oguzov* [New data on the oguz heroic epos]// *Narody Azii i Afriki - People of Asia and Africa*. 1986, No. 6, pp. 87-89.
6. Əlibəyzadə ə E. M. "Dədə ə Qorqud" mənəvi aləmi. Bax: E. Əlibəyzadə ə. Azərbaycan xalqının mənəvi mədəniyyət tarixi. Bak ı: Gənclik, 1997. P. 423–508.
7. "Kitabi-Dədəm Qorqud" (Tarixi, coğrafi, tekstoloji tədqiq v ə Drezden əlyazmasının dürüsl ə e dirilmi e elmi mətni). (Tərtib edəni: E. A. Zəmsidov). Bak ı: Elm, 1999. P. 57.
8. Korogly H. G. *Novye dannye o geroicheskom ehpose oguzov* [New data on the oguz heroic epos].
9. Korogly H. G., Nabiyev A. M. *Azerbajdzhanskij geroicheskij ehpos* [Azerbaiydzhan heroic epos]. Baku. 1986. P. 41.
10. Ibid. Pp. 87-89.
11. Ibid. P. 41.
12. Pəşayev Q. "Kitabi Dədə ə Qorqud" İraq Türkman ləhcəsi v ə ədəbi dilimiz: Sezilmi e əsərləri, Yeddi cildə ə. II cild. Bak ı: Təhsil, 2012. P. 25.
13. Əlizadə ə S. Q. Drezden nısxəsi. Vatikan nısxəsi. Orfoqrafiya, "Kitabi Dədə ə Qorqud" – 1300 ensiklopediyası, 2 cildə ə, 1 ci cild. Bak ı: Yeni N ə e rlər Evi, 2000. P. 30.
14. Ibid. S. 31.
15. Koroglu H. G. *Dve tajny drevnego titul'nogo lista «Kniga Moego Deda Korkuta»* [Two secrets of the ancient title page "my Granddad Corcouth's Book"]// *Voprosy literatury - Literature questions*. 1987, No. 6, pp. 209-212.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378 : 14

И. Ю. Азизова

Принцип культуротворчества в условиях гуманитаризации методической подготовки будущих учителей биологии

Вектор гуманитаризации образования придает ему потенциал субъективной значимости и культурной ценности для личности, создает условия для побуждения личности к осмыслению мира и себя в этом мире, духовному развитию. Естественным следствием процесса гуманитаризации педагогического образования становится принцип культуротворчества. В отношении системы методической подготовки студентов-биологов в педвузе принцип культуротворчества выступает в качестве важного методологического средства ее изучения и обновления.

Humanitarization vector of education gives it a potential of subjective importance and cultural value for an individual, makes conditions for stimulating an individual to evaluate the world and oneself in its as well as for spiritual growth. Natural consequence of the humanization process of pedagogical education becomes the principle of culture creativity. As to the system of methodical training of students-biologists the principle of culture creativity is an important methodological means of culture studies and its renewal.

Ключевые слова: культуротворчество, гуманитаризация, ценностный смысл, учитель как субъект культурного творчества.

Keywords: culture creativity; humanization; axiological meaning; teacher as the subject of cultural creativity.

Радикальные социальные преобразования в век глобализации, интеграции, обострения общекультурных проблем нашли свое отражение в образовании, которое представляет собой фактор актуализации, селекции, трансляции и, что особенно важно, – обновления культуры. Культуротворчество в образовании приводит к приумножению ведущих элементов гуманитарной культуры за счет реализации творческих потенциалов личности.

Феномен гуманитарности при обучении биологии и другим естественным наукам состоит в поиске личностного смысла постигаемых законов, внесении в методологию познания природы «гуманитарных регулятивов».

Выстраивание системы методической подготовки студентов-биологов в соответствии с тенденцией гуманитаризации образовательного процесса осуществляется через определенную совокупность методологических средств, в качестве которых выступают принципы и вытекающие из них требования.

Данные принципы (системности, культуротворчества, единства гуманитаризации и гуманитаризации образовательного процесса, его диалогичности, субъектности, научно-исследовательской направленности, технологичности) заключается в определении методической подготовки как совокупности норм, способов, форм организации образовательного процесса, определяют строение образовательных программ, структуру и взаимосвязь учебных курсов цикла методических дисциплин, обогащая возможности их гуманитаризации.

Принцип культуротворчества раскрывает содержательный смысл субъектности личности в аккумуляции, селекции, трансляции культурного опыта, в гуманитарном обновлении образовательного процесса, в культурном самоопределении.

Культуротворчество может быть направлено как вовне, когда личность творчески реализует ранее усвоенные культурные образцы в разнообразных общественных институ-

тах и отношениях, так и во внутреннем мире, в момент рефлексии, культурной самоидентификации.

И в том и в другом случаях культуротворчество является результатом внутренней, духовной работы личности по преобразованию внешних культурных объектов, символов, ценностей в сознание, по «оживлению культурных смыслов в собственной душе» [1].

Познание культуры, в которой живет человек, вплетено в сам процесс культурного становления человека. Личность «входит» в культуру и использует ее как средство саморазвития, то есть, осуществляя культурную деятельность, она созидает саму себя как субъекта культуры.

О «человеке культуры» как ее субъекте говорит доктор педагогических наук Г. И. Гайсина. По ее мнению, человек не только осуществляет потребление и духовное освоение объектов культуры, но и реализует культуросозидающее начало, воспроизводит себя как человека культуры [2].

В связи с этим уместно привести суждение известного философа М. С. Кагана: «Человек является прямым культуросозидающим субъектом, воплощающим себя в культуре, делающим ее своим инобытием и ею же формируемым» [3].

Но приемлемо и обратное действие, когда субъект, меняясь, меняет культурную среду. Как отмечает другой не менее известный философ Л. Н. Коган, «в процессе самореализации личность вносит свой вклад, большой и малый, в совокупный процесс развития культуры, выступает субъектом культурного творчества» [4].

С позиций принципа культуротворчества эти два встречных взаимодополняющих процесса должны проявляться в образовании, тогда возможно не только вхождение личности в мир культуры, культурная самоидентификация, но и культурная трансформация самого образования.

Функциональный смысл принципа культуротворчества заключен в *требованиях к содержанию методической подготовки отражать гуманистические и гуманитарные ценности, использовать культурные нормы, при которых знания рассматриваются в контексте культуры; к образовательным формам – соответствовать традиционным культурным образцам и создавать новые; к методам и приемам – соотносить образовательную деятельность с культурными ценностями и задачами посредством гуманитарных технологий; к средствам – учитывать все возрастающее значение образов, идеалов, норм, моделей мира культуры, задействованных в решении профессиональных задач учителя; результатам – обеспечивать становление личности как субъекта гуманитарной культуры; к образовательной среде – создавать соответствующую способностям, интересам, личному опыту студентов условия для «взращивания» культурной личности, реализующей себя в познании и профессиональном и культурном творчестве на основе личных приоритетов.*

Принцип культуротворчества определяет требование *ценностно-смысловой детерминированности личностного и профессионального саморазвития субъекта образовательного процесса* в процессе методической подготовки, в особенности в условиях реальной педагогической практики студентов. Требование ценностно-смысловой детерминированности выражает культурные, социальные и профессиональные позиции будущего педагога в их единстве, нацеливает на выявление сущностных моментов, позволяющих организовать процесс методической подготовки с учетом формирования ценностно-смыслового опыта студентов в ходе личностного и профессионального саморазвития.

Рассмотрим подробнее пути реализации принципа культуротворчества в содержательном, процессуальном и результативном компонентах методической подготовки студентов-биологов.

По мнению ученых, содержание образования должно конструироваться как модель науки в системе культуры. Интегрированность содержания ориентирует на многосторонность познания мира с опорой на освоение универсальных культурных ценностей прошлого и настоящего. Это означает, что в содержании, представленном знаниями, способами деятельности, смыслами и т. п., должно отражаться взаимное влияние между науками, с одной стороны, а с другой – между науками и остальным миром культуры [5].

В соответствии с принципом культуротворчества, раскрытие картины мира должно осуществляться через научное знание как культурного наследия, через демонстрацию путей проектирования жизненного пути и самореализации в природной и социокультурной среде. То есть методическая подготовка должна проходить так, чтобы будущий учитель не просто

научился передавать содержание предметной области преподаваемого предмета, рассматривать характер взаимосвязи понятий «биология», «экология» и «мораль», «биология», «экология» и «культура», «образование» и «культура», но был нацелен на развитие в перспективе духовной культуры школьников. Студенты должны прийти к заключению, что взаимодействие школьников с природой, наукой, образованием, культурными, нравственными и экологическими ценностями, в них заключенными, их присвоение и формирование новых ценностных ориентиров обуславливает развитие творческих способностей учащихся, помогает им находить оптимальные варианты решения в разных жизненных ситуациях.

Отталкиваясь от понимания достижений биологической науки как ценности познавательного характера, представляющей собой совокупность как материального, так и духовного достояния человечества, мы делаем вывод о том, что методическая подготовка студентов-биологов должна быть направлена на осознание идеи одномоментности освоения данной науки и культурных ценностей. Тогда культуротворческая функция биологического образования будет заключаться, во-первых, в обеспечении условий для вхождения личности в мир культуры за счет осознания общечеловеческих, биологических и экологических ценностей (культурация), во-вторых, в постепенном развитии ее способности реконструирования культурных форм и создания новых культурных продуктов в соответствии с особенностями и императивами современной культуры (культуросозидание).

Культурная самоидентификация, культуросозидательная деятельность личности возможны при условии воздействия культурных норм, выполняющих не регламентирующую, а ориентирующую функцию. Особое значение при этом придается гуманитарным технологиям, способным оказать «мягкое» воздействие на потребностно-мотивационную сферу человеческой деятельности.

При этом, как замечает доктор педагогических наук Н. В. Бордовская, культурологическая содержательность гуманитарных технологий заключается в том, что именно культура «ответственна» за смысловую содержательность всех применяемых преподавателем средств. Тогда процесс применения гуманитарных технологий в вузе рассматривается как прогрессирующий процесс самореализации студентов, культивирования высших человеческих достоинств каждого, дальнейшей работы над собой [6].

Принцип культуротворчества конституирует способы культурной самореализации будущего учителя биологии, что дает основания для рассмотрения его личности как субъекта становления общекультурных компетенций. Данные компетенции развиваются в особом образовательном пространстве, создание которого предписывается принципом культуротворчества, при этом «онтологизировать» образовательное пространство методической подготовки студентов-биологов призван гуманитарно-технологический подход к изучению и построению данной системы. С другой стороны, гуманитарно-технологический подход регламентирует развитие субъектных, творческих и рефлексивных качеств личности.

Отсюда следует, что система методической подготовки будет способствовать готовности будущего учителя биологии к компетентному решению профессиональных задач, субъектности в культуре, если системообразующим фактором выступит гуманитарно-технологический подход.

Итак, принцип культуротворчества предполагает взгляд на методику обучения биологии как на феномен культуры, призванный создать средствами интегрированного содержания, гуманитарными технологиями, гуманитарной образовательной средой условия, позволяющие соотнести биологическое образование с общекультурными ценностями, а личность вовлечь в культурный диалог между социумом и природной средой.

Ученые глубоко исследовали феномен культуры учителя. В работах рассматриваются отдельные стороны профессионально-педагогической культуры, которые характеризуются спецификой трансляции культурных образцов:

- гуманитарной (В. А. Сластенин);
- этической (Е. Н. Богданов, Е. Г. Силаева, Д. С. Яковлева);
- коммуникативной (А. В. Мудрик);
- технологической (М. М. Левина);
- этнопедагогической (В. А. Николаев, О. И. Пономарева);
- методологической (В. В. Краевский, В. Э. Тамарин, В. А. Сластенин) и др.

Названным выше сторонам педагогической культуры учителя принадлежит субъектная роль в трансляции культуры. Перейти к роли субъекта культурного творчества, то есть быть готовым к реализации культуросозидательной функции в массовой школьной практике, позволит обновление компонентов методической подготовки студентов-биологов.

Именно таким образом система методической подготовки студентов-биологов задает культуротворческий вектор целям биологического образования школьников в направлении обогащения культурного опыта личности; ее ориентации в вопросах и проблемах взаимоотношения культуры человека и общества с окружающей природной средой, ее оздоровления; приобщения к культурным ценностям, содержащим доставшуюся от предков естественную систему здорового взаимодействия с миром и самим собой; расширения сферы духовных запросов школьников и поиска путей их удовлетворения.

В таком случае уже само биологическое образование реализует культуротворческую функцию, направленную, по определению доктора педагогических наук Н. Д. Андреевой, на создание условий для осознания учащимися [7]:

– ценности природы (уточним: рассматриваемой в широком контексте: природы вокруг человека, природы в других людях, природы в самом человеке. – И. А.),

– исторических типов взаимодействия культуры человека, общества с окружающей средой,

– необходимости разработки новой цивилизационной парадигмы – перехода общества на модель устойчивого развития.

Итак, методическая подготовка учителя биологии в современных условиях должна представлять собой культуротворческий образовательный процесс, инициированный гуманитаризацией педагогического образования в целом и методической подготовки студентов-биологов – в частности. Именно в таком процессе студент и преподаватель реализуют себя как субъекты культуры, содержание образования строится в соответствии с содержанием педагогической культуры, используются культурные критерии оценки уровня субъектного развития и компетенций будущего учителя биологии.

Примечания

1. Гайсина Г. И. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. С. 89.

2. Там же. С. 88.

3. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. С. 123.

4. Коган Л. Н. Всестороннее развитие личности и культура. М.: Знание, 1981.

5. Комиссаров Б. Д. Методологические проблемы школьного биологического образования. М.: Просвещение, 1991; Сериков В. В. Личностно ориентированное образование – новое направление развития педагогической теории и практики // Личностно ориентированное образование: феномен, концепция, технологии: монография. Волгоград: Перемена, 2000; Сухорукова Л. Н. Теоретические основы культурно-исторического подхода к школьному биологическому образованию: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001.

6. Бордовская Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учеб. пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. С. 256.

7. Андреева Н. Д. Современные проблемы биологического образования в общеобразовательной школе // Методология и теория биологического и экологического образования в вузе и школе: сб. материалов IX Всерос. методолог. семинара 7–10 декабря 2009 года. Вып. 8, Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во «ТЕССА», 2009. С. 10.

Notes

1. Gajsina G. I. *Kul'turologicheskij podhod v teorii i praktike pedagogicheskogo obrazovaniya*: Dis. Dokt. ped. nauk. [Culturological approach in the theory and practice of pedagogical education: Dr ped. Sci. diss]. Moscow, 2002, p. 89.

2. Ibid. P. 88.

3. Kagan M. S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of culture]. Saint-Petersburg TOO TK «Petropolis». 1996. P. 123.

4. Kogan L. N. *Vsestononnee razvitie lichnosti i kul'tura* [Full development of the personality and culture]. Moscow: Znanie. 1981.

5. Komissarov B. D. *Metodologicheskie problemy shkol'nogo biologicheskogo obrazovaniya* [Methodological problems of school biological education]. Moscow: Prosveshchenie, 1991; Serikov V. V. *Lichnostno orientirovannoe obrazovanie – novoe napravlenie razvitiya pedagogicheskoy teorii i praktiki* [Personally focused edu-

cation – the new direction of development of the pedagogical theory and practice]// *Lichnostno orientirovanoe obrazovanie: fenomen, koncepciya, tekhnologii* [Personally focused education: phenomenon, concept, technologies]: monograph. Volgograd: Peremena. 2000; Sukhorukova L. N. *Teoreticheskie osnovy kul'turno istoricheskogo podhoda k shkol'nomu biologicheskomu obrazovaniyu: avtoref.* Diss. Dokt ped. nauk. [Theoretical bases of cultural historical approach to school biological education: Dr Ped. Sci. Diss.]. Moscow, 2001.

6. Bordovskaya N. V. *Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoj obrazovatel'noj praktike: teoriya i metodologiya proektirovaniya* [Humanitarian technologies in high school educational practice: theory and design methodology]: tutorial. Saint-Petersburg: OOO Knizhny dom. 2007. P. 256.

7. Andreyeva N. D. *Sovremennye problemy biologicheskogo obrazovaniya v obshcheobrazovatel'noj shkole* [Modern problems of biological education at comprehensive school//Methodology and the theory of biological and ecological education in higher education institution and school]: *Metodologiya i teoriya biologicheskogo i ehkologicheskogo obrazovaniya v vuze i shkole: sb. materialov IX Vseros. metodolog. seminar 7–10 dekabrya* [IX All-Russia omethodologist. seminar on December 7-10, 2009]. Iss. 8, Sanit Petersburg. SPb. : "TESSA" Publ, 2009. P. 10.

УДК 378.147.53

Н. В. Зубова

Комплексная кейс-технология как средство формирования профессиональных компетенций при обучении физике студентов технического вуза

В статье описывается методика применения комплексной кейс-технологии в курсе физики технического вуза, направленная на формирование профессиональных компетенций будущих инженеров производства.

The article describes the method of use of complex technology case in the course of physics of the technical University is aimed at the formation of professional competence of future engineers of production.

Ключевые слова: комплексная кейс-технология, кейс, профессия, обучение, компетенция.

Keywords: comprehensive case technology, case, profession, education, competence.

Методика обучения будущих бакалавров инженерного производства опирается на использование комплексной кейс-технологии в образовательном процессе. В его основе лежит создание кейса. Под кейсом мы понимаем педагогический инструмент, который можно рассматривать как сложное событие, интегрирующее в себе комплекс простых событий. Ядром кейс-метода являются описание ситуации и комплекс заданий к нему. В научной литературе такое дидактическое сопровождение метода тоже называют кейсом. Но в данном случае смысл уже не совпадает с переводом термина кейс («case» – случай, событие), применяемого непосредственно к описанию ситуации. Мы в своей работе тоже будем придерживаться данной широкой трактовки термина, рассматривая кейс и как описание ситуации, и как комплекс заданий к нему.

По нашему мнению, процесс создания кейса, обучающего студентов общей физике и способствующего формированию профессиональных компетенций, представляет собой сложную деятельностьную систему, осуществляемую в несколько этапов:

1. Анализ содержания специальных дисциплин технических вузов, включающих в себя знания из курса общей физики.

2. Формирование профессионально ориентированной проблемы из курсов специальных дисциплин, определяющей дидактические цели кейса.

3. На основе сформулированной профессионально ориентированной проблемы создание ситуационной задачи или нескольких однотипных задач.

4. Построение программной карты кейса, состоящей из основных тезисов, которые необходимо воплотить в тексте кейса.

5. Сбор учебной и научно-технической информации, относящейся к тезисам программной карты кейса.

6. Разработка наполнения кейса, включающего в себя:

1) описание профессионально ориентированной проблемы и формулировку ситуационной задачи;

2) необходимую для анализа ситуационной задачи информацию;

3) формулировку заданий для организации поэтапной работы студентов по подготовке к решению основной ситуационной задачи;

4) структурирование собранных заданий и распределение их по отдельным частям кейса.

1. Написание текста кейса.

2. Внедрение кейса в практику обучения, которое предполагает его применение на протяжении изучения раздела физики в целом.

Методика обучения будущих бакалавров инженерного производства опирается на использование комплексной кейс-технологии в образовательном процессе. Разработанную нами кейс-технология мы считаем комплексной, так как она обладает сложной структурой. Технология применима при изучении не отдельных вопросов курса физики, а ее тем (разделов) в целом. На отдельных этапах их изучения используются отдельные части кейса, образующие целостную структуру.

Важным условием успешной реализации комплексной кейс-технологии в учебно-познавательной деятельности студентов является этапность в ее организации. Мы предлагаем организовать практические занятия в соответствии с тремя этапами технологии: подготовительным, основным и заключительным.

Подготовительный этап включает в себя работу по осмыслению и созданию кейса. На основном этапе при работе с кейсом реализуются репродуктивный, продуктивный, поисковый и творческий уровни обучения. Данный этап имеет сложную структуру и делится на четыре стадии: информационно-познавательную, расчетно-моделирующую, исследовательскую и творческую. Заключительный этап служит для подведения итогов выполненной исследовательской деятельности и решение основной ситуационной задачи.

Последовательность действий преподавателя и студентов, отображающая ход событий при организации образовательного процесса на различных этапах комплексной кейс-технологии, описывается с помощью технологической карты, представленной в табл. 1.

I этап – подготовительный. Целью этого этапа является определение цели и задач предложенной ситуационной задачи, основанной на профессионально ориентированной проблеме исследования.

Задачи подготовительного этапа:

1. Поиск и ознакомление с учебной и научно-технической литературой.

2. Первичный анализ проблемы исследования.

II этап – основной. Целью этого этапа является определение и корректировка уровня знаний и умений студентов в области исследования физических закономерностей с помощью ситуационной задачи.

Дальнейшая реализация комплексной кейс-технологии сводится к пошаговой работе над ситуацией для разрешения профессионально ориентированной проблемы.

Технологическая карта				
№ этапа/стадия	Виды деятельности на практических занятиях на этапе/стадии		Ожидаемый результат	
	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов		
I. Подготовительный – работа по созданию и осмыслению ситуации	<p>1. Создание текста кейса и подготовка заданий для его синтеза и анализа.</p> <p>2. Разработка системы оценивания с учетом формируемых профессиональных компетенций:</p> <p>а) разработка методического обеспечения для организации самостоятельной работы студентов;</p> <p>б) определение сроков выполнения задания;</p> <p>в) выдача студентам домашнего задания;</p> <p>г) ознакомление студентов с системой оценивания решения заданий кейса;</p> <p>д) консультация учащихся.</p> <p>3. Обсуждение основных вопросов ситуационной задачи. Организация группового обсуждения результатов поставленных частных проблем и вопросов ситуационной задачи. Дискуссия</p>	<p>1. Самостоятельное ознакомление студентов с ситуационной задачей, выполнение домашнего задания:</p> <p>а) внимательное прочтение текста задачи;</p> <p>б) обращение к материалу лекций и научно-технических учебников, методических пособий;</p> <p>в) самостоятельный поиск в литературе недостающей информации;</p> <p>г) анализ и объяснение поставленных проблем.</p> <p>2. Осмысления ситуационной задачи.</p> <p>3. Формулировка вопросов и ответов на них. Обсуждение хода мыслей других студентов</p>	<p>1. Ознакомление с текстом ситуационной задачи.</p> <p>Формулирование вопросов и ответов для понимания сути ситуационной задачи (проблемы).</p> <p>Изучение научно-технической и учебной литературы для ответа на поставленные вопросы (ПК-2).</p> <p>2. Осознание сути представленной ситуационной задачи (профессионально-ориентированной проблемы) (ПК-2).</p> <p>3. Анализ профессионально ориентированной проблемы (ПК-2).</p> <p>4. Первичная оценка значимости решения ситуационной задачи. Выявление круга неразрешенных вопросов ситуационной задачи и предстоящих разрешению в поэтапной последовательной деятельности при дальнейшем изучении курса физики (ПК-2)</p>	
II. Основной – поэтапная работа над ситуацией	Стадия – информационно-познавательная	<p>1. Актуализация (активизация) полученных в результате самостоятельной работы знаний и умений. Организация группового обсуждения результатов поставленных частных проблем и вопросов по решению задач курса физики. Дискуссия. Организация оценки самостоятельной (домашней) работы студентов по определенным критериям. Организация индивидуальной и групповой работы студентов по решению практических задач по теме с целью формирования профессиональных компетенций. Организация групповой работы студентов, заслушивание докладчиков, представляющих собственные решения задач курса физики; анализ представленных решений задач</p>	<p>Участие в общей дискуссии по решению задач курса физики: вопросы, замечания, дополнения, выступления с мест.</p> <p>Обсуждение результатов полученных данных и оценка вклада, внесенного в дискуссию каждым студентом в отдельности по решению задач курса физики.</p> <p>Индивидуальная и групповая работа студентов, формирование своего трудового вклада в решение поставленных задач, выполнение заданий по требованию преподавателя.</p> <p>Осмысление полученных решений; подготовка докладчиков к представлению собственного решения поставленных задач курса физики, выступление и ответы на вопросы студентов</p>	<p>1. Умение выбирать информацию из различных источников, анализировать и применять ее к решению поставленных задач (ПК-2).</p> <p>2. Умение решать логические задачи изучаемого курса физики, анализировать полученные результаты (ПК-1).</p> <p>3. Умение анализировать частные вопросы ситуационной задачи. Искать на них ответы в литературных источниках (ПК-2)</p>
Стадия – расчетно-моделирующая, исследовательская			<p>1. Умение создавать «физические образы» представленных задач курса (ПК-1).</p> <p>2. Умение создавать математическую модель решения задач курса физики, осуществлять математические операции и выполнять расчеты имеющихся данных (ПК-1).</p> <p>3. Умение создавать математические модели объектов, представленных в профессионально-ориентированных проблемах, проводить вычисления величин (ПК-2, ПК-1)</p> <p>1. Умение выполнять и анализировать результаты экспериментальной деятельности (ПК-26).</p> <p>2. Умение формулировать и решать задачи курса физики (ПК-1).</p> <p>3. Умение планировать и осуществлять исследовательскую деятельность по разрешению частных вопросов ситуационной задачи (ПК-26)</p>	

Работа над реализацией ситуации	Стадия – творческая	<p>Реализация метода проектов в малых группах (3–4 человека) по решению ситуационной задачи.</p> <p>Организация презентаций полученных решений в малых группах (например, деловая игра).</p> <p>Организация общей дискуссии.</p> <p>Экспертная оценка.</p> <p>Обобщающее выступление преподавателя, его анализ ситуации</p>	<p>Осмысление темы проекта; поэтапное нахождение теоретических, практических данных, а также выполнение экспериментальных наблюдений для выполнения проекта.</p> <p>Создание презентаций; выступление участников презентаций; задание вопросов по теме.</p> <p>Участие в общей дискуссии: вопросы, выступления с мест; слушание преподавателя, его анализа ситуации; получение оценки и ее осмысление.</p> <p>Осмысление результатов оценки выступления; заслушивание замечаний экспертной комиссии.</p> <p>Осмысление ситуационной задачи, ее анализ; вопросы преподавателю</p>	<p>1. Умение самостоятельно находить источники информации для поиска ответов на вопросы для решения ситуационной задачи (ПК-2).</p> <p>2. Умение выбирать необходимую научно-техническую и учебную информацию для разрешения профессионально-ориентированной проблемы (ПК-2).</p> <p>3. Умение строить математические модели решения ситуационной задачи, выполнять расчеты физических данных (ПК-1).</p> <p>4. Приобретение навыков работы с имеющимся оборудованием (ПК-26).</p> <p>5. Умение выполнять прямые и косвенные измерения физических величин и вычислять их погрешности (ПК-26).</p> <p>6. Умение осуществлять проектную деятельность на основе профессионально-ориентированной проблемы исследования (ПК-26).</p> <p>7. Приобретение навыков в изготовлении оборудования для выполнения проектной деятельности (ПК-26).</p> <p>8. Умение оформлять отчеты по проектной деятельности, делать анализ полученных данных исследовательской работы (ПК-26).</p> <p>9. Умение представлять результаты проектной деятельности на научно-практических конференциях (ПК-2, ПК-1, ПК-26).</p> <p>10. Умение самостоятельно выполнять проект (ПК-2, ПК-1, ПК-26)</p>
III. Заключительный – анализ ситуации		<p>Дебрифинг.</p> <p>Оценивание студентов преподавателем</p>	<p>Извлечение и систематизация знаний (чему научились, какие профессиональные компетенции сформированы).</p> <p>Получение итоговой оценки, выраженной в балльно-рейтинговой системе, и ее осмысление</p>	<p>1. Умение давать оценку своей выполненной деятельности, объяснять достоинства и недостатки результатов проектной работы (ПК-2, ПК-26).</p> <p>2. Умение оценивать значимость результатов исследования для профессиональной деятельности инженера производства (ПК-2, ПК-1, ПК-26)</p>

Задачи основного этапа комплексной кейс-технологии:

1. Определить уровень владения студентами знаниями о технических объектах.
2. Дать студентам базовые знания в области физики.
3. Научить выполнять основные этапы решения разноуровневых задач по физике.
4. Систематизация и обобщение знаний по физике.
5. Развитие умения работать в группах и умения выступать перед аудиторией.
6. Развитие умения реализовывать проектную деятельность, основанную на разрешении профессионально ориентированной проблемы исследования.

Дальнейшая организация обучения, основанная на использовании кейса, предполагает активную работу учащихся, которые получают задания, рассчитанные на индивидуальное и групповое выполнение. В них содержатся задачи вузовского курса физики, тесно связанные с исследуемой проблемой, способствующие формированию профессиональных компетенций будущих бакалавров. Здесь происходит поэтапное решение различного вида задач, формирующих отдельные умения, необходимые для решения ситуационной задачи. Каждый вид задач входит в отдельную часть кейса. Разбор различного вида задач способствует разрешению отдельных составляющих проблем (см. табл. 2).

Виды задач		Какие формирует умения	Части кейса	Дидактические результаты решения задач
по способу решения	по содержанию задачной ситуации			
Задачи-проблемы (качественные задачи)	Познаватель-но-практические	Устанавливать причинно-следственные связи между явлениями	Практический	а) Умение анализировать научно-техническую информацию, отечественный и зарубежный опыт; б) усвоение основных теоретических понятий; в) грамотное выражение своих мыслей; г) умение давать качественную оценку в ходе обсуждения особенностей поставленной проблемы; д) умение проводить анализ технического задания и задач на основе изучения технической литературы и патентных источников; е) умение принимать участие в разработке обобщенных вариантов решения проблем, выбирать на основе анализа вариантов оптимальный, прогнозировать последствия решения
Вычислительные	Учебно-практические	Строить математические модели	Обучающий	а) Умение отбирать методы математического моделирования; б) умение проводить математический расчет деталей, узлов и модулей средств в соответствии с техническим заданием; в) умение проводить математическое моделирование процессов и объектов на базе исследований; г) умение количественно оценивать полученные результаты
Экспериментальные	Экспериментальные	Экспериментальные	Научно-исследовательский	а) Умение проводить мысленный эксперимент; б) умение проводить полный анализ и синтез поставленной проблемы; в) умение проводить наблюдения, составлять описания проводимых исследований

Этот этап мы разделили на отдельные стадии, на каждой из которых происходит последовательное выполнение заданий практического, обучающего и научно-исследовательского частей кейса. Каждая часть кейса способствует разрешению обозначенной профессионально ориентированной проблемы путем решения задач курса физики.

Информационно-познавательная стадия обучения. На начальной стадии, для разрешения проблемной ситуации кейса, мы приступаем к отработке навыка решения познавательно-практических (логических) задач. В их основе лежит частная проблема, сформулированная по материалу, содержащему техническую информацию учебного предмета, и носящая межпредметный характер.

На этой стадии процесс обучения студентов сопровождается использованием практических заданий, отображающих реальность жизненной ситуации и имеющих проблемный характер. Таким образом, решение логических задач продвигает студентов в поиске путей решения ситуационной задачи.

Расчетно-моделирующая стадия обучения. Вычисления в физической теории связаны с постановкой и численным решением задач для различных физических систем. Теория математических моделей физических явлений занимает особое положение и в математике, и в физике, находясь на стыке этих наук.

На этой стадии мы предлагаем включить в образовательный процесс три группы вычислительных задач:

- 1) задачи с техническим содержанием;
- 2) задачи с идеализированными объектами, основанные на изучении физических явлений и процессов;
- 3) задания по составлению задач различных типов, содержащие как идеализированные, так и реальные объекты, требующие для своего решения грамотно построенной математической модели.

На данной стадии студенты приобретают профессионально значимые умения (см. табл. 2) и продвигаются дальше в решении ситуационной задачи.

Исследовательская стадия обучения. На данной стадии мы предлагаем студентам использовать на практике экспериментальные задачи. Этот выбор обусловлен тем, что, согласно федеральным образовательным стандартам, выпускники технических вузов в процессе обучения готовятся к научно-исследовательскому виду профессиональной деятельности. Этот вид деятельности способствует формированию умений решать профессиональные задачи, связанные с «проведением экспериментов по заданной методике и анализом результатов; проведением измерений и наблюдений, составлением описания проводимых исследований...» [1].

Виды экспериментальных задач на данной стадии нами разделены следующим образом:

1) вычислительные задачи с иллюстрированными изображенными демонстрационными установками или техническими объектами, имитирующими эксперимент (задачи-практикумы);

2) практические задачи с наглядно представленными демонстрационными видеороликами, описывающими физические явления и процессы (исследовательские задачи).

3) учебный физический эксперимент является неотъемлемой, органической частью решения ситуационной задачи (см. табл. 2) и обучения курсу общей физики в вузе.

Творческая стадия обучения. На завершающей стадии применяется научно-исследовательская часть кейса, ориентированная на формирование умений осуществлять исследовательскую деятельность по проекту, выполнение которого подводит студента к решению ситуационной задачи и разрешению профессионально ориентированной проблемы.

В результате организации работы по выполнению исследовательского проекта в составе кейса у студентов формируется умение разрешать профессионально ориентированные проблемы следующих видов:

1) проведение эксперимента по заданной методике и анализ результатов;

2) составление описаний проводимых исследований, сбор данных для составления отчетов;

3) выполнение новых разработок на основании изучения современной научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по направлению исследований;

4) участие в разработке функциональных и структурных схем приборов с определением физических принципов действия устройств, их структур и установлением технических требований на отдельные блоки и элементы.

На этой стадии студенты приобретают знания и умения, необходимые для осуществления проектной деятельности, а также навыки исследовательской работы, необходимые для получения качественной и количественной оценки решения ситуационной задачи.

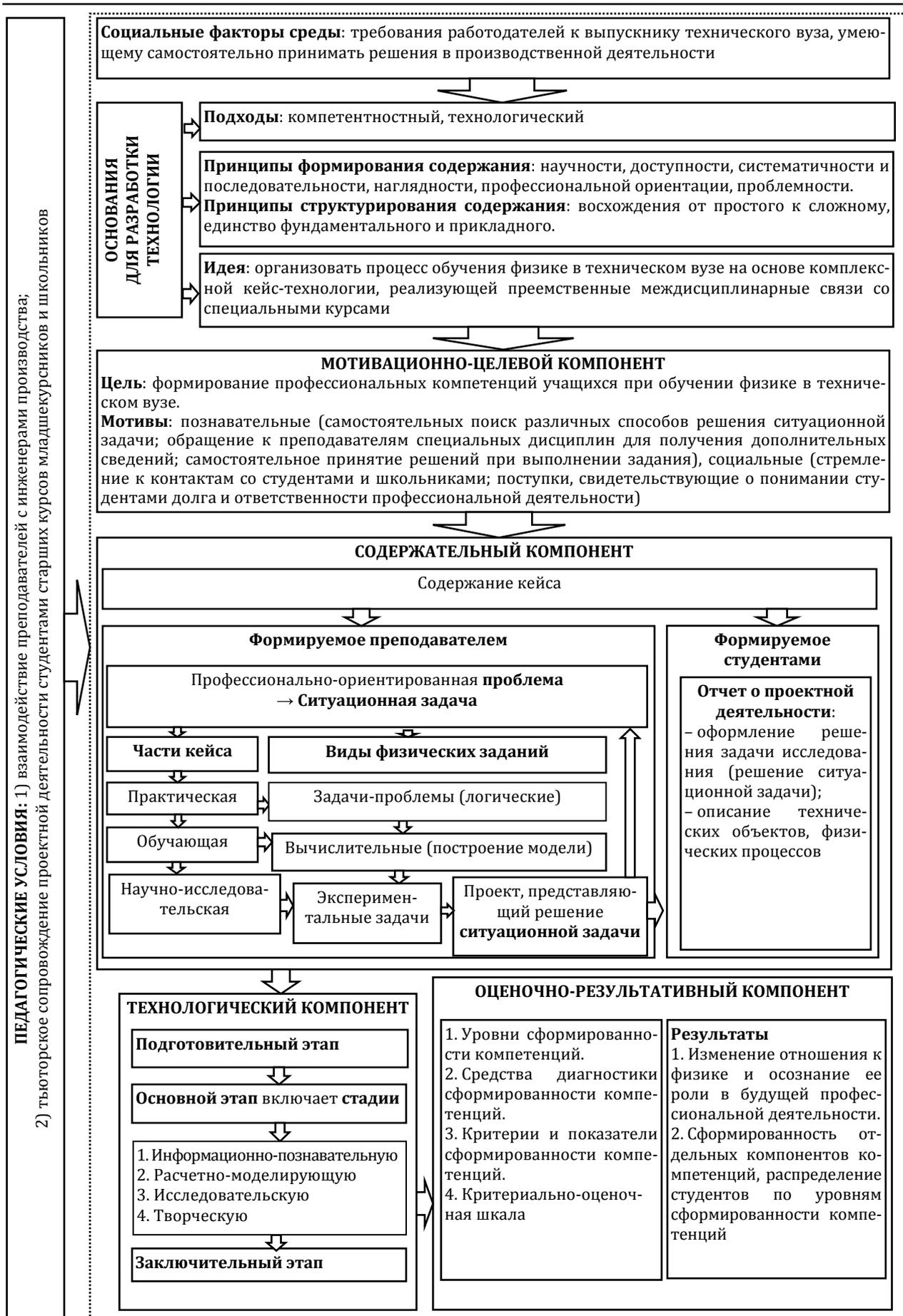
Таким образом, основной этап комплексной кейс-технологии реализует пошаговое прохождение отдельных частей кейса, способствующих развитию умения разрешать профессионально ориентированные проблемы.

III этап – заключительный. Целью заключительного этапа служит подведение итогов творческой проектной работы учащихся.

Дебрифинг – процесс, обратный инструктажу. Его цель – извлечь информацию из анализа занятия, участники должны определить, чему же они научились. Достоинством дебрифинга является установление связи между первоначальными целями и окончательными результатами [2].

Этот этап позволяет студентам оценить значимость полученных результатов исследования, обобщить знания, полученные при решении ситуационной задачи, для возможного дальнейшего решения других подобных профессионально значимых задач в курсе общей физики технического вуза. Такие студенты могут участвовать в тьюторском сопровождении других учащихся вузов и школ с целью осуществления проектной деятельности, основанной на разрешении схожих профессионально ориентированных проблем.

Методика реализации комплексной кейс-технологии при обучении будущих бакалавров производства представлена в виде структурной модели.

Структурная модель методики реализации комплексной кейс-технологии при обучении физике студентов технических вузов

Главная задача студента – приобрести умения логически мыслить, строить математические модели, овладевать экспериментальными умениями и знаниями по общему курсу физики по изучаемой теме, добиться осознанности в принятии решений при разрешении профессионально направленных проблем и научиться решать профессионально ориентированные ситуационные задачи, что, в свою очередь, приводит к сформированности профессиональных компетенций.

Примечания

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования / М-во образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2010.
2. *Смолянинова О. Г.* Информационные технологии и методика CaseStudy в профессиональном обучении студентов педагогического вуза // Труды II Всероссийской научно-методической конференции «Образование XXI века: инновационные технологии, диагностика и управление в целях информатизации и гуманизации», Красноярск, май 2000 г. Красноярск, 2000.

Notes

1. The federal state educational standard of higher education/Ministry of science and education of the Russian Federation. Moscow: Prosveshchenie, 2010.
2. *Smolyaninova O. G. O. G.* *Informacionnye tekhnologii i metodika SaseStudy v professional'nom obuchenii studentov pedagogicheskogo vuza* [Information technologies and CaseStudy technique in a vocational education of students of pedagogical higher education institution]//Works II of the All-Russian scientifically methodical conference "Formation of the XXI century: innovative technologies, diagnostics and management for informatization and a humanization", Krasnoyarsk, May, 2000 Krasnoyarsk, 2000.

УДК 37

Т. Ю. Трефилова

Балльно-рейтинговая система как способ реализации компетентностного подхода в среднем профессиональном образовании

Важнейшим направлением реформирования среднего профессионального образования является повышение качества образования. В статье рассматривается балльно-рейтинговая система как способ реализации компетентностного подхода в среднем профессиональном образовании в свете требований новых образовательных стандартов и возможность использования балльно-рейтинговой системы, которая нацелена на качество образования с учетом требований потребителей. Проверка и оценивание «качества образования» – необходимое условие оптимизации процесса обучения, поэтому необходим иной подход к оценке достижений учащихся. Введение балльно-рейтинговой системы делает более объективной оценку успеваемости студентов в целом. Она позволяет оценить совокупные академические успехи студента и дать более глубокий анализ результатов обучения, оценить те области деятельности студента, которые не может охватить академическая оценка, и акцентирует внимание студента по наиболее важным видам деятельности.

The major direction of the reform of vocational education is to improve the quality of education. The article discusses the score-rating system as a way to implement the competency approach in secondary vocational education in the light of the requirements of new educational standards and the use of points-rating system that focuses on quality education to meet the requirements of consumers. Testing and evaluation of the “quality of education” – a necessary condition for optimizing the learning process, therefore, requires a different approach to the assessment of student achievement. Introduction score-rating system makes a more objective assessment of the performance of students in general. It allows us to estimate the total student academic success and give a deeper analysis of learning outcomes, evaluate student performance areas that can not cover the academic assessment and focuses students on the most important activities.

Ключевые слова: балльно-рейтинговая система, компетентностный подход, компетенции, стандарт, среднее профессиональное образование, учебный процесс, колледж.

Keywords: point rating system, competence approach, competence, standard, professional secondary education, educational process, College.

В связи с модернизацией системы среднего профессионального образования изменяются требования к качеству образования и соответственно к системе его оценки. Компетентностный подход (определяющий сегодня общую идеологию организации образовательного процесса) акцентирует внимание на практико-ориентированных результатах обучения. Предметом оценки становится не сумма полученной информации, а способность ее использовать.

Соответственно приоритетом учреждений среднего профессионального образования является создание условий для приобретения студентами умений и навыков, способствующих формированию их самостоятельного мышления, умений принимать решения, результативно и бесконфликтно выходить из сложных жизненных ситуаций, что позволяет выпускникам быстро адаптироваться к условиям жизни после окончания колледжа, находить своё место в новой социальной среде.

Студенты образовательного учреждения среднего профессионального образования должны иметь представление о том, какие компетентности они должны развивать и формировать у себя в процессе обучения, иметь достаточно высокий уровень самоопределения, уметь осуществлять самооценку и самоанализ, развивать в себе профессионально важные качества личности, а также овладевать содержанием и технологиями формирования профессиональной культуры [1].

Необходимо отметить, что компетентностный подход позволяет решить такую важную задачу как актуализация у обучающихся спроса на образование и обеспечение тем самым высокого качества подготовки специалистов в системе развивающегося профессионального образования [2]. Важно, чтобы обучающийся с самого начала был настроен на результат обучения, т. е. получение определенных компетенций в результате освоения профессиональных модулей в рамках учебной образовательной программы своей специальности.

В литературе под обучением, основанным на компетенциях, понимается обучение, которое строится на определении, освоении и демонстрации умений, знаний, типов поведения и отношений, необходимых для конкретной трудовой деятельности/профессии [3].

Компетентность специалиста со средним образованием – это проявление им на практике стремления и готовности реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт), личностные качества для успешной творческой деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость её постоянного совершенствования. Полагаем, что немалую роль в достижении названных результатов играет система оценивания, используемая на данном этапе обучения [4].

Вопросам контроля обучения всегда уделялось значительное внимание. Это отражено в работах психологов Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьевой, В. В. Давыдова и др. Методы и формы контроля знаний рассматриваются в трудах отечественных (Ю. К. Бабанский, М. И. Зарецкий, В. М. Полонецкий и др.) и зарубежных педагогов (А. Анастаси, Н. Кронлунд, А. Хьюгс и др.). Одним из условий реализации новой парадигмы является изменение оценки достижений учащихся (И. В. Гладкая, А. П. Тряпицына, И. С. Якиманская и др.). Внимание многих авторов обращается к рейтинговой накопительной системе оценивания (Н. Г. Баженова, А. И. Голубева, С. И. Денисенко, Н. Е. Перевошикова, Б. Е. Фишман и др.), для оценки знаний при модульном обучении современного колледжа (Ж. А. Геворкянц).

Любая система оценки качества знаний выполняет две функции: контролирующую и организующую по отношению к учебному процессу. При этом обе функции должны гарантировать развитие индивидуальных способностей студента. В наибольшей степени эти задачи позволяет решить рейтинговая система, которая основана на индивидуальном кумулятивном индексе или рейтинге. Рейтинг студента – это сумма баллов, которую он набирает или зарабатывает в течение семестра и учебного года за все виды учебной и внеучебной деятельности.

Мы разделяем мнение специалистов [5] о том, что балльно-рейтинговая система может являться основным инструментом оценки работы студента в процессе учебно-производственной, научной, внеучебной деятельности и определения рейтинга выпускника на выходе [6].

Рассмотрим возможность использования балльно-рейтинговой системы, которая нацелена на качество образования с учетом требований потребителей.

Целью рейтинговой системы обучения является комплексная оценка знаний и умений студентов в процессе освоения ими программ среднего профессионального образования, повышение качества среднего профессионального образования [7].

Рейтинговая система принципиально изменяет цели работы педагогического коллектива. Работа педагогов по данной методике требует от них мастерства и постоянного творческого поиска, от студентов рейтинговая система требует систематической и вдумчивой учебы для перехода к следующему этапу образования. Рейтинговая система заведомо повышает значение любой познавательной деятельности студентов, так как от этого зависит оценка конечного результата учебы, поэтому повышается их активность. Данная система позволяет свести к минимуму случайность при сдаче зачетов и экзаменов, так как оцениваются все учебные результаты, накопленные в течение периода обучения. В настоящее время профессиональное образование должно рассматриваться как комплексная система, которая включает профессиональную ориентацию, обучение, повышение квалификации. Из анализа литературы следует, что в вузах и колледжах в условиях традиционного обучения достижения учащихся оценивались пятибалльной оценкой. Внедрение в учебный процесс объективных (рейтинговых) показателей оценки при обучении студентов в среднем профессиональном учебном заведении улучшает качество учебной деятельности студента, повышает уровень организации учебного процесса, мотивирует студентов к постоянному самоконтролю.

Успешность обучения во многом зависит от правильной организации контроля учебной деятельности. Проверка и оценивание «качества образования» – необходимое условие оптимизации процесса обучения, поэтому необходим иной подход к оценке достижений учащихся. В качестве «плюсов» введения балльно-рейтинговой системы необходимо отметить следующие позиции:

1. Наличие шкалы оценок конкретизирует требования.
2. Студент получает возможность сдать сессию досрочно по совокупности полученных баллов.
3. Увеличивается объективность оценки работы студентов.
4. Учебный процесс становится прозрачным.

Хотелось бы дать некоторые комментарии по поводу этой последней позиции. «Изменения, происходящие в современном обществе, определяют новые черты образования, среди которых важной характеристикой является открытость» [8].

Мы разделяем позицию авторов Т. Г. Галактионовой, Е. И. Казаковой о том, что «открытость образования» можно понимать «как интеграцию различных способов освоения человеком мира, свободное пользование информационными системами, личностную направленность процесса обучения, а также открытость самих субъектов образовательного процесса, которая проявляется в соответствующей готовности к изменениям и образовательной мотивации» [9]. Именно открытость является одним из основных принципов перехода к балльно-рейтинговой оценке знаний учащихся.

Не случайно в материалах Болонского процесса [10] этим вопросам уделяется серьезное внимание. Подчеркивается актуальность ее использования для оценки учебно-производственной, научной, внеучебной деятельности и определения рейтинга выпускника на выходе. Это обусловлено тем, что балльно-рейтинговая система позволяет активизировать учебную и внеучебную работу студентов, помогает стимулировать их познавательную активность, планировать учебное время.

Таким образом, балльно-рейтинговая система может рассматриваться как эффективный и перспективный способ реализации компетентностного подхода в среднем профессиональном образовании.

Примечания

1. Болонский процесс. Компетентностный подход. URL: www.socio.msu.ru
2. Кондратьева Э. В. Модульно-компетентностный подход в среднем профессиональном образовании Российской Федерации. ФГОУ СПО Армавирский машиностроительный техникум. URL: <http://www.informio.ru/main>; Демина Е. Н., Ветрова О. Н. Реализация компетентностного подхода при подготовке специалистов в среднем профессиональном образовании; Курманов А. В. Становление понятий «модель» и «моделирование» в современной науке и практике // Среднее профессиональное

образование. 2012. № 1. С. 33–47; Модульно-компетентностный подход и его реализация в среднем профессиональном образовании / под общ. ред. А. А. Скамницкого. М., 2006. С. 276.

3. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.

4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. 2010. 23 июля. URL: www.edu.ru.

5. Байденко В. И. Указ. соч.; Бурчакова И. Ю. Обеспечение современного качества профессионального образования студентов колледжа на основе компетентностного подхода // Среднее профессиональное образование. 2012. № 1. С. 48–54.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. 2010. 23 июля.

7. Болонский процесс. Компетентностный подход. URL: www.socio.msu.ru; Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. 2010. 23 июля. URL: www.edu.ru; Реформы образования: Аналитический обзор / под ред. В. М. Филиппова. М.: Центр образовательной политики, 2003. С. 82.

8. Галактионова Т. Г. Теоретическое обоснование социально-педагогического взаимодействия как сущностной черты приобщения к чтению в условиях открытого образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 14–20.

9. Галактионова Т. Г., Казакова Е. И. Об отражении понятия «Открытое образование» в педагогической теории и практике. Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2012. № 3. С. 1752. Полный текст доступен на внешнем сайте <http://www.emissia.org/>

10. Болонский процесс. Компетентностный подход. URL: www.socio.msu.ru

Notes

1. Bologna Process. Competence-based approach. Available at: www.socio.msu.ru (in Russ.)

2. Kondratyeva E. V. *Modul'no kompetentnostnyj podhod v srednem professional'nom obrazovanii Rossijskoj Federacii*. [Module-competence-based approach on the average professional education of the Russian Federation]. FGOU SPO Armavir machine-building technical school. Available at: <http://www.informio.ru/main>; Dyomina E. N., Vetrov O. N. *Realizaciya kompetentnostnogo podhoda pri podgotovke specialistov v srednem professional'nom obrazovanii* [Realization of competence-based approach at training of specialists on the average professional education]; Kurmanov A. V. *Stanovlenie ponyatij «model'» i «modelirovanie» v sovremennoj nauke i praktike* [Formation of the concepts "model" and "modelling" of modern science and practice] // *Srednee professional'noe obrazovanie - Secondary professional education*. 2012, No. 1, pp. 33-47; *Modul'no kompetentnostnyj podhod i ego realizaciya v srednem professional'nom obrazovanii* [Module-competence-based approach and its realization on the average professional education] / under a general edition of A. A. Skamnitsky. Moscow. 2006. P. 276.

3. Baydenko V. I. *Kompetencii v professional'nom obrazovanii (k osvoeniyu kompetentnostnogo podhoda)* [Competences of professional education (to development of competence-based approach)] // *Vysshee obrazovanie v Rossii - Higher education in Russia*. 2004, No. 11, pp. 3-13.

4. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego professional'nogo obrazovaniya* [Federal state educational standard of secondary professional education]. 2010, July 23. Available at: www.edu.ru.

5. Baydenko V. I. Spec. work; Burchakova I. Yu. *Obespechenie sovremennogo kachestva professional'nogo obrazovaniya studentov kolledzha na osnove kompetentnostnogo podhoda* [Ensuring of modern quality of professional education of students of college on the basis of competence-based approach] // *Srednee professional'noe obrazovanie - Secondary professional education*. 2012, No. 1, pp. 48-54.

6. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego professional'nogo obrazovaniya* [Federal state educational standard of secondary professional education]. 2010, July 23.

7. Bologna Process. Competence-based approach. Available at: www.socio.msu.ru (in Russ.); *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart srednego professional'nogo obrazovaniya* [Federal state educational standard of secondary professional education]. 2010, July 23. Available at: www.edu.ru; *Reformy obrazovaniya: Analiticheskij obzor* [Education reforms: The state-of-the-art review] / under the editorship of V. M. Filippov. Moscow: Centr obrazovatel'noj politiki Publ. 2003. P. 82.

8. Galaktionova T. G. *Teoreticheskoe obosnovanie social'no pe-dag-gicheskogo vzaimodejstviya kak sushchnostnoj cherty priobshcheniya k chteniyu v usloviyah otkrytogo obrazovaniya* [Theoretical justification of social-pedagogical interaction as intrinsic line of familiarizing with reading in the conditions of open education] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena - News of the Russian state pedagogical university of A. I. Herzen*. 2008, No. 59, pp. 14-20.

9. Galaktionova T. G., Kazakov E. I. [About reflection of the concept "Open Education" of the pedagogical theory and practice. Letters in Issue. Offline (The Emissia.Offline Letters)]: electronic scientific magazine. 2012, No. 3, p. 1752. The full text is available on an external site <http://www.emissia.org/> (in Russ.)

10. Bologna Process. Competence-based approach. URL: www.socio.msu.ru. (in Russ.)

Причины низкой эффективности действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств и методические направления по ее совершенствованию

В статье дан анализ действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств. Определены мнения ученых о ее эффективности. Установлены цель и задачи системы физической подготовки в силовых ведомствах, принципы, отражающие закономерности обучения, и требования по их реализации, средства, методы и формы занятий.

Выявлены недостатки, проблемы и противоречия действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств, негативно влияющие на решение ее цели и задач – достижение необходимого уровня физической подготовленности сотрудников силовых ведомств для повышения качества их профессиональной деятельности.

Определены основные научно-теоретические факторы, обуславливающие низкую эффективность действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств и отрицательно влияющие на их физическую подготовленность.

Обоснована необходимость совершенствования содержания действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств.

Определены методические направления по совершенствованию действующей системы физической подготовки в силовых ведомствах.

This article provides an analysis of the current system of physical training of the employees of law enforcement agencies. Opinions of scientists on its efficiency are defined. The purpose aim and objectives of system of physical training of the employees of law enforcement agencies, principles, reflecting patterns of training, and requirements for implementation, means, methods and forms of occupations are established.

Weaknesses, challenges and controversies affecting of system of physical training of the employees of law enforcement agencies affecting the decision of its aim and objectives are revealed – to achieve the required level of physical fitness of the employees of law enforcement agencies to improve the quality of their performance.

The major scientific-theoretical factors which are causing low efficiency of the current system of physical training of the employees of law enforcement agencies and negatively influencing their physical readiness are defined.

Need of improvement of the maintenance of the current system of physical training of the employees of law enforcement agencies is proved.

The methodical directions are determined by improvement of system of physical training in the law enforcement agencies.

Ключевые слова: система физической подготовки сотрудников силовых ведомств; физическая подготовленность; факторы, обуславливающие низкую эффективность действующей системы физической подготовки; методические направления по совершенствованию действующей системы физической подготовки.

Keywords: system of physical training in the law enforcement agencies.; physical preparedness; factors, resulting in low efficiency of the current system of physical training; methodical directions to improve the current system of physical training.

Физическая подготовка занимает одно из ведущих мест в системе профессиональной подготовки сотрудников силовых ведомств Российской Федерации (под сотрудниками силовых ведомств в данной статье понимаются сотрудники органов МВД, ФСБ, ФСО, ФСИН, ФСКН, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность). Именно высокий уровень физической подготовленности сотрудников силовых ведомств способствует поддержанию сопротивляемости организма к воздействию неблагоприятных факторов профессиональной деятельности, обеспечивает их адаптацию к работе в неблагоприятных условиях (психоэмоцио-

нальный стресс, утомление, монотония, др.), оптимизирует профессиональное здоровье и увеличивает профессиональное долголетие [1].

Анализ литературных источников, а также результатов исследований показал, что мнения ученых об эффективности действующей системы физической подготовки в силовых ведомствах, направлениях оптимизации и развития ее содержания зачастую расходятся. Выявлен ряд существующих в настоящее время недостатков, проблем и противоречий.

С. Б. Михайлов [2] отмечает, что общее содержание физической подготовки как военнослужащих Вооруженных сил, так и сотрудников органов безопасности и правопорядка недостаточно эффективно разработано, не способствует поддержанию физической подготовленности и развитию профессионально значимых физических качеств. Более того, оно на протяжении многих лет не изменяется, что, в итоге, негативно влияет на результативность выполнения служебно-боевых задач.

Н. И. Кашиным [3] установлено, что содержание физической подготовки на начальном этапе профессиональной подготовки сотрудников силовых ведомств призвано обеспечить выравнивание уровня физической подготовленности обучаемых, ориентировано на слабо подготовленных военнослужащих. Данный фактор, по убеждению ученого, явно не способствует повышению уровня физической подготовленности занимающихся.

Установлено, что действующая система физической подготовки как в Вооруженных силах, так и в правоохранительных органах (МВД, ФСИН, др.), не в полной мере способствует повышению уровня физической подготовленности сотрудников к действию в экстремальных ситуациях [4]. Одной из причин этого, по мнению А. Г. Попова [5], является большое количество времени (79,6%) учебных занятий по физической подготовке, проводящихся в стандартных условиях и ситуациях.

Ряд авторов отмечает, что в решении вопросов организации физической подготовки военнослужащих и сотрудников силовых ведомств наблюдается много формализма и недостатков. Недостаточное внимание уделяется обоснованию содержания физической подготовки с учетом особенностей и условий служебной деятельности. Часто отсутствует или слабо выражена профессиональная направленность физической подготовки, ее связь с психологическим и функциональным видами подготовок [6].

Оценка уровня физической подготовленности сотрудников пограничных органов ФСБ производится по результатам выполнения нормативов из общих разделов физической подготовки. Это не только не позволяет оценить уровень сформированности профессионально важных прикладных двигательных умений и навыков, но и способствует снижению мотивации к их овладению [7].

Во многих силовых ведомствах существуют серьезные проблемы, связанные с невозможностью проведения занятий по лыжной подготовке, прикладному плаванию из-за отсутствия учебно-спортивной базы и полноценного бюджетного финансирования [8]. Например, в территориальных органах, расположенных в Южном и Северокавказском федеральных округах, обычно не проводятся занятия по лыжной подготовке. В большей части это связано с метеорологическими и климатическими условиями, в ряде случаев с отсутствием материально-технической базы. Таким образом, приходится констатировать, что существуют допустимые отклонения от «идеальной» программы.

О. Б. Волков (2008) отмечает, что современные требования, которые оперативно-служебная (профессиональная) деятельность предъявляет сегодня сотруднику силового ведомства, должны определяться профессиограммой – «система признаков и особенностей, описывающих ту или иную профессиональную деятельность, включающую в себя нормы и требования, предъявляемые этой профессией или специальностью к работнику, которые позволяют ему эффективно выполнять требования профессии». Профессиограмма может описывать физические, психологические, медицинские, гигиенические и другие особенности специальности или профессии [9]. Однако в доступной литературе профессиограмм сотрудников силовых ведомств найдено крайне малое количество. Научных и методических публикаций, диссертационных и монографических работ по вопросам разработки данного вопроса в ряде силовых ведомств (ФСБ, ФСО, ФСИН, ФСКН) не обнаружено.

Изучение нормативных документов и анализ научно-методической литературы позволили смоделировать действующую систему физической подготовки сотрудников силовых ведомств, раскрыть ее содержание и проанализировать эффективность (см. рис. 1).

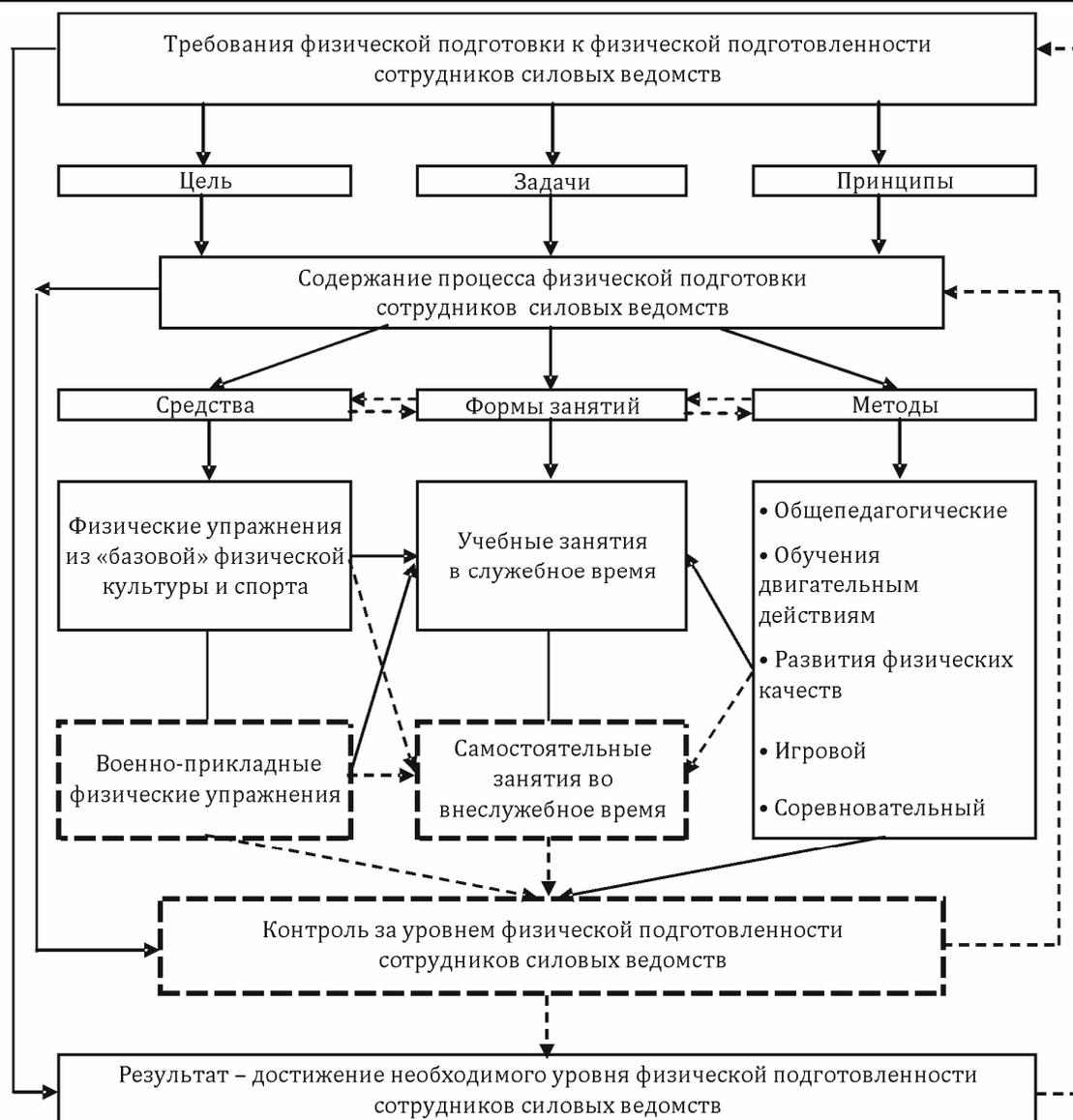

Рис. 1. Действующая модель системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств

Целью существующей системы физической подготовки в силовых ведомствах является постоянное совершенствование физической подготовленности сотрудников, выработка у них навыков формирования необходимых физических и других качеств [10].

Достижение цели физической подготовки сотрудников силовых ведомств осуществляется за счет решения следующих задач:

- 1) повышение уровня боеготовности и боеспособности военнослужащих;
- 2) развитие основных физических качества (сила, выносливость, быстрота);
- 3) овладение прикладными навыками ускоренного передвижения, в том числе на лыжах, рукопашного боя, плавания;
- 4) воспитание психической устойчивости, уверенности в своих силах, целеустремленности, смелости и решительности, выдержки и самообладания;
- 5) укрепление здоровья, повышение устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов, готовности к преодолению длительных физических и психических нагрузок.

Цель и задачи системы физической подготовкой в силовых ведомствах реализуются в соответствии со следующими методическими принципами, отражающими закономерности обучения:

1. Принцип непрерывного и комплексного воздействия на военнослужащего на различных формах занятий по физической подготовке

Суть принципа – обеспечивает непрерывность процесса физической подготовки занимающихся на различных формах занятий (учебные занятия в служебное время и самостоятельные занятия во внеслужебное время) и с учетом индивидуальных потребностей и интересов занимающихся.

Эффективность реализации принципа возможна при соблюдении следующих требований:

1) логическая и содержательная взаимосвязь и взаимовлияние всех форм занятий физическими упражнениями;

2) участие занимающихся во всех формах занятий;

3) все формы занятий преимущественно должны быть направлены на комплексное развитие и формирование профессионально значимых физических, психических и других качеств занимающихся;

4) ответственность в организации занятий заинтересованных лиц (специалист и внештатный инструктор по физической подготовке, а также занимающиеся) за непрерывность педагогических воздействий, организацию и проведение занятий физической подготовкой.

2. Принцип систематичности и последовательности педагогических воздействий

Суть принципа – предусматривает регулярность выполнения занимающимися физических упражнений, определенную последовательность педагогических воздействий (поэтапное построение процесса физической подготовки, последовательность действий ответственных должностных лиц (специалист и внештатный инструктор по физической подготовке) по контролю над процессом обучения военнослужащих).

Эффективность реализации принципа возможна при соблюдении следующих требований:

1) систематичность (регулярность) использования всех форм занятий по физической подготовке;

2) поэтапное и последовательное построение процесса физической подготовки с учетом уровня физической, психологической и другой подготовленности занимающихся;

3) методически грамотная последовательность использования средств и методов физической подготовки в ходе различных форм занятий;

4) рациональная периодичность управленческих воздействий на занимающихся и контроля ответственных должностных лиц (специалист и внештатный инструктор по физической подготовке) над учебным процессом.

3. Принцип индивидуализации

Суть принципа – индивидуальный подход к организации занятий, предполагающий изменение содержания занятий учебного процесса, постоянное варьирование его методов и организационных форм с учетом общих и личных качеств занимающихся для обеспечения как всестороннего, так и индивидуального их развития.

Эффективность реализации принципа возможна при соблюдении следующих требований:

1) нагрузку, трудность задания следует планировать, исходя из индивидуальных особенностей занимающихся, самочувствия в данный момент, уровня физической подготовленности;

2) индивидуальное использование средств физической подготовки и выполнение физических упражнений по интересам с целью развития профессионально значимых физических, психических и других качеств.

В качестве основных средств в системе физической подготовки в силовых ведомствах в рамках учебной программы «Физическая подготовка» используются комплексы физических упражнений из числа тех, которые сложились в «базовой» физической культуре и спорте, а также военно-прикладные применительно к особенностям служебной деятельности.

В системе физической подготовки в силовых ведомствах используются следующие методы: общепедагогические, обучения двигательным действиям, методы развития физических качеств, а также игровой и соревновательный.

Основной формой занятий по физической подготовке сотрудников силовых ведомств являются учебные занятия, проводимые в служебное время в течение всего календарного года. Дополнительной формой занятий по физической подготовке являются самостоятельные занятия физической подготовкой во внеслужебное время, например в секциях по индивидуально избранным видам спорта.

Сотрудниками кадровых подразделений осуществляется контроль за уровнем физической подготовленности сотрудников.

Как видно из рис. 1, существующая система физической подготовки в силовых ведомствах направлена на следующий результат – достижение необходимого уровня физической подготовленности сотрудников, который должен отвечать требованиям профессиональной деятельности.

Однако изучение и анализ содержания современных программ, концепций и методик по организации занятий по физической подготовке в силовых ведомствах позволил сделать вывод о том, что действующая система физической подготовки далеко не совершенна и имеет недостатки. На наш взгляд, это обусловлено рядом причин, выявленных в ходе анализа содержания процесса физической подготовки:

1) самостоятельные занятия физической подготовкой во внеслужебное время практически не организованы;

2) физические упражнения из «базовой» физической культуры и спорта, а также военно-прикладные упражнения малоэффективно используются или практически не используются на самостоятельных занятиях физической подготовкой, фактически не используются как на учебных, так и на самостоятельных занятиях физической подготовкой профессионально-прикладные физические упражнения;

3) отсутствует содержательная взаимосвязь между средствами физической подготовки, формами занятий и методами обучения;

4) низок (формален) контроль за уровнем физической подготовленности военнослужащих.

Данные обстоятельства, по сути, не удовлетворяют требованиям системы физической подготовки, что, в конечном итоге, не обеспечивает решение поставленной цели и задач действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств – достижение необходимого уровня физической подготовленности сотрудников силовых ведомств для повышения качества их профессиональной деятельности.

Также установлены основные научно-теоретические факторы, обуславливающие низкую эффективность действующей системы физической подготовки в силовых ведомствах и отрицательно влияющие на физическую подготовленность сотрудников (рис. 2).

Рис. 2. Основные научно-теоретические факторы, обуславливающие низкую эффективность действующей системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств

К основным научно-теоретическим факторам относятся следующие:

- 1) разобщенность различных научных теорий о системе физической подготовки;
- 2) незавершенность изучения условий, особенностей и требований профессиональной деятельности сотрудников и их учета при организации процесса физической подготовки;
- 3) незавершенность научного обоснования профиограмм, а также развития и формирования ее компонентов (профессионально значимых требований, в том числе к физической подготовленности) в повышении качества профессиональной деятельности;
- 4) отсутствие общепринятого представления о сущности и структуре физической подготовки сотрудников, влияния профессионально-прикладной физической подготовленности на качество профессиональной (оперативно-служебной) деятельности.

Выявленные научно-теоретические факторы низкой эффективности действующей системы физической подготовки указывают на необходимость ее совершенствования и устранения причин, негативно влияющих на уровень физической подготовленности сотрудников силовых ведомств. Устранение выявленных неблагоприятных факторов в значительной степени позволит повысить эффективность функционирования системы физической подготовки сотрудников силовых ведомств, уровень их физической подготовленности и как следствие качество профессиональной деятельности.

Теоретический анализ и обобщение литературных источников по выявленной проблеме обеспечили возможность определения методических направлений по совершенствованию действующей системы физической подготовки в силовых ведомствах, к которым относятся следующие:

- 1) процесс физической подготовки должен быть непрерывным;
- 2) методические принципы, отражающие закономерности обучения, должны содержательно адаптироваться к особенностям профессиональной деятельности сотрудников силовых ведомств;
- 3) определение содержания различных форм занятий должно проводиться по принципу индивидуализации средств и методов профессионально-прикладной физической подготовки;
- 4) для повышения уровня теоретических знаний, которые способствуют формированию положительного эмоционально-ценностного и мотивационного отношения к занятиям физической подготовкой, в содержание Программы по физической подготовке необходимо включить содержательно взаимосвязанные теоретические и организационно-методические занятия;
- 5) необходимо применять методические рекомендации по организации занятий физической подготовкой по месту жительства, в домашних условиях, учитывающие индивидуальные особенности и интересы сотрудников;
- 6) необходимо разработать профиограмму профессиональной деятельности сотрудников силовых ведомств конкретной специальности и на ее основе программу профессионально-прикладной физической подготовки с подбором средств и методов педагогического воздействия, преимущественно направленных на развитие профессионально значимых физических качеств, психических процессов, а также повышение работоспособности функциональных систем организма.

Примечания

1. Барчуков И. С., Назаров Ю. Н., Егоров С. С., Мауэр И. А., Сидоренко И. В., Алексеев Н. А., Маликов Н. Н. Физическая культура и физическая подготовка. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2009; Желтов Р. А. Физическая подготовка и совершенствование профессиональной компетенции сотрудников региональных учреждений уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011; Жолдак В. И., Красильников К. В., Куприянов А. В., Федий Н. М. Здоровый образ жизни и физическая подготовка военнослужащих образовательных учреждений Федеральной службы безопасности Российской Федерации: учеб.-метод. пособие. М., 2010. С. 40–184; Сущенко В. П. Физическая подготовка специальных подразделений / Воен. ин-т физ. культуры. СПб., 2005; Яценко Ю. Г. Педагогические особенности физической подготовки сотрудников подразделений криминальной милиции МВД РФ: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005; Михайлов С. Б. Оптимизация организационно-педагогических условий физической подготовки военнослужащих в местах постоянной дислокации: дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2007.

2. Михайлов С. Б. Указ. соч.

3. Кашин Н. И. Содержание и методика профессионально-прикладной физической подготовки курсантов вузов силовых ведомств на начальном этапе обучения: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.

4. Саракул А. Г. Психологическая подготовка личного состава подразделений специального назначения путем применения физических упражнений, сочетаемых с приемами психоэмоционального упражнения: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.

5. Попов А. Г. Профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов высших военных учебных заведений на основе моделирования условий боевой деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009.

6. Сущенко В. П. Указ. соч.; Кашин Н. И. Указ. соч.; Саракул А. Г. Указ. соч.; Шаповалов Е. Г. Комплексная методика развития профессионально значимых качеств у курсантов образовательных учреждений ФСБ России пограничного профиля с использованием средств гиревого спорта: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2012.

7. Шаповалов Е. Г. Указ. соч.

8. Барчуков И. С., Назаров Ю. Н., Егоров С. С., Мацур И. А., Сидоренок И. В., Алексеев Н. А., Маликов Н. Н. Указ. соч.

9. Волков О. Б. Совершенствование подготовки сотрудников спецслужб к профессионально-коммуникативной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2008.

10. Барчуков И. С., Назаров Ю. Н., Егоров С. С., Мацур И. А., Сидоренок И. В., Алексеев Н. А., Маликов Н. Н. Указ. соч.; Желтов Р. А. Указ. соч.; Жолдак В. И., Красильников К. В., Куприянов А. В., Федий Н. М. Указ. соч.; Сущенко В. П. Указ. соч.; Яценко Ю. Г. Указ. соч.; Михайлов С. Б. Указ. соч.; Попов А. Г. Указ. соч.; Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 6-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2008.

Notes

1. Barchukov I. S., Nazarov Yu. N., Egorov S. S., Matsur I. A. Sidorenok I. V., Alekseev N. A., Malikov N. N. *Fizicheskaya kul'tura i fizicheskaya podgotovka* [Physical culture and physical preparation]. Moscow: YuNITI – DANA. 2009; Zheltov R. A. *Fizicheskaya podgotovka i sovershenstvovanie professional'noj kompetencii sotrudnikov regional'nyh uchrezhdenij ugovolno ispolnitel'noj sistemy*. Dis. Kand. ped. nauk. [Physical preparation and improvement of professional competence of staff of regional institutions of criminally executive system: Cand. ped. sci. diss.] Moscow, 2011; Zholdak V. I., Krasilnikov K. V., Kupriyanov A. V., Fedy N. M. *Zdorovyj obraz zhizni i fizicheskaya podgotovka voennosluzhashchih obrazovatel'nyh uchrezhdenij Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [Healthy lifestyle and physical training of the military personnel of educational institutions of Federal Security Service of the Russian Federation]: tutorial. Moscow. 2010. Pp. 40-184; Sushchenko V. P. [Physical preparation of special divisions] / *Voен. in t fiz. kul'tury - Military Institute of Physical Culture*. Saint-Petersburg. 2005; Yashchenko Yu. G. *Pedagogicheskie osobennosti fizicheskoy podgotovki sotrudnikov podrazdelenij kriminal'noj milicii MVD RF: Diss. Kand. ped. nauk*. [Pedagogical features of physical training of staff of divisions of criminal militia of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2005; Mikhaylov S. B. *Optimizaciya organizacionno pedagogicheskikh uslovij fizicheskoy podgotovki voennosluzhashchikh v mestah postoyannoj dislokacii: Diss. Kand. ped. nauk* [Optimization organizationally the pekdakgokgikchskikh of conditions of physical training of the military personnel in permanent locations: Cand. ped. sci. diss.]. Malakhovka, 2007.

2. Mikhaylov S. B. Spec. work.

3. Kashin N. I. *Soderzhanie i metodika professional'no prikladnoj fizicheskoy podgotovki kursantov vuzov silovykh vedomstv na nachal'nom ehtape obucheniya: Diss. Kand. ped. nauk* [The contents and technique of professional-applied physical training of cadets of higher education institutions of power departments at the initial stage of training: Cand. ped. sci. diss.]. Saint-Petersburg. 2005.

4. Sarakul A. G. *Psihologicheskaya podgotovka lichnogo sostava podrazdelenij special'nogo naznacheniya putem primeneniya fizicheskikh uprazhnenij, sochetaemykh s priemami psihoehmocial'nogo uprazhneniya: Diss. Kand. ped. nauk*. [Psihologicheskaya preparation of staff of divisions of a special purpose by application of the physical exercises combined with methods of psychoemotional exercise: Cand. ped. sci. diss.]. Saint-Petersburg. 2005.

5. Popov A. G. *Professional'no prikladnaya fizicheskaya podgotovka kursantov vysshih voennykh uchebnykh zavedenij na osnove modelirovaniya uslovij boevoy deyatel'nosti: Diss. Kand. ped. nauk* [Professionalno applied physical training of cadets of the highest military educational institutions on the basis of modeling of conditions of fighting activity: Cand. ped. sci. diss.]. Volgograd, 2009.

6. Sushchenko V. P. Spec. work; Kashin N. I. Spec. work; Sarakul A. G. Spec. work; Shapovalov E. G. *Kompleksnaya metodika razvitiya professional'no znachimykh kachestv u kursantov obrazovatel'nyh uchrezhdenij FSB Rossii pogrannichnogo profilya s ispol'zovaniem sredstv girevogo sporta: avtoref. diss. Kand. ped. nauk*. [Complex methodology of development of professionally significant qualities at cadets of educational institutions of FSB of Russia of a boundary profile with use of means of kettlebell sports: Cand. ped. sci. autoref. diss.]. Saint-Petersburg. 2012.

7. Shapovalov E. G. Spec. work.

8. Barchukov I. S., Nazarov Yu. N., Egorov S. S., Matsur I. A. Sidorenok I. V., Alekseev N. A., Malikov N. N. Spec. work.

9. Volkov O. B. *Sovershenstvovanie podgotovki sotrudnikov specslozhib k professional'no kommunikativnoj deyatel'nosti: Diss. Kand. ped. nauk* [Improvement of training of staff of intelligence services to professionally communicative activity: Cand. ped. sci. diss.]. Saratov, 2008.

10. Barchukov I. S., Nazarov Yu. N., Egorov S. S., Matsur I. A., Sidorenok I. V., Alekseev N. A., Malikov N. N. Spec. work; Zheltov R. A. Spec. work; Zholdak V. I. Krasilnikov K. V., Kupriyanov A. V., Fedy N. M. Spec. work; Sushchenko V. P. Spec. work; Yashchenko Yu. G. Spec. work; Mikhaylov S. B. Spec. work; Popov A. G. Spec. work; Holodov Zh. K. Kuznetsov V. S. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta* [Theory and technique of physical training and sports]: tutorial for students of higher education institutions. 6th ed. Moscow: Akademiya Publ. 2008.

УДК 74.267.5:74.005.54

Т. Л. Караваева

Методический подход к совершенствованию физической подготовки учащихся профильных медицинских классов

Статья посвящена анализу системы физической подготовки учащихся профильных медицинских классов, выявлению причины низкой эффективности действующей системы физического воспитания и обоснованию педагогических подходов к ее совершенствованию.

The article is devoted to the analysis of the system physical training students specialized medical classes, identify the reasons for the low efficiency of the current system of physical education and to the rationale pedagogical approaches to its improvement.

Ключевые слова: учащиеся профильных медицинских классов, физическая подготовка, профессионально-прикладная физическая подготовка, причины низкой эффективности действующей системы физической воспитания.

Keywords: students specialized medical classes, physical training, professionally applied physical training, the reasons for the low efficiency of the current system of physical education.

Формирование личности специалиста начинается в школьные годы. Сегодняшнее образование нацеливает выпускника школы не только на то, чтобы он вышел в жизнь достаточно физически подготовленным, но и с развитым функциональным и двигательным потенциалом применительно к конкретным видам трудовой деятельности [1].

Развитие общества, научно-технический прогресс сопровождаются не только социальными и техническими достижениями, совершенствующими образ жизни современного человека, но и оказывают воздействие на природу самого человека, предъявляя разнообразные требования к определенным качествам индивида, в том числе его физическому развитию, оптимальной работоспособности, трудоспособности.

По мнению И. А. Медведева, основная идея обновления общего образования на старшей ступени общеобразовательной школы – это её переориентирование на профильное обучение и создание специализированной подготовки старшеклассников с учетом их индивидуальных способностей и познавательных интересов [2].

И. К. Латыпов отмечает, что профильное обучение предусматривает отбор и профессиональную ориентацию школьников на будущую профессиональную деятельность и будет способствовать профессиональному самоопределению учащихся в соответствии с профилем избранной специфики и индивидуальными особенностями. По мнению автора, профиль обучения предопределяет профессиональный выбор учащихся, от которого в немалой степени зависят успешность учения в старших классах, подготовка школьников к переходу на следующую образовательную ступень, а в целом – и к будущей профессиональной деятельно-

сти. Чем точнее будет самоопределение, тем больше вероятность того, что общество получит хорошего специалиста – профессионала [3].

По мнению С. Н. Чистяковой, П. С. Лернер, Н. Ф. Родичева, О. В. Кузиной, С. О. Кропивянской, целью школьного образования становится социальная зрелость выпускников школ любого типа как важнейший параметр развития личности и сохранения индивидуальности. Авторы считают, что профильное обучение берет на себя функцию коррекции содержания общего среднего образования, которое отстает от задач обеспечения профессионального выбора молодежи и одновременно сохраняет некоторую академическую заданность преподавания «основ наук» [4].

Как считают И. К. Латыпов, В. И. Лукина, цель профильного обучения – повышение качества общего образования, а также обеспечение углублённой специализированной довузовской подготовки учащихся старших классов с учётом их индивидуальных склонностей. Основным содержанием этой работы является формирование профессиональной направленности личности учащихся различными средствами, в том числе и средствами физической культуры. В старших классах школы необходимо создать базу функциональной и двигательной подготовленности учащихся, которая позволит быстро адаптироваться и успешно осваивать выбранную профессию [5].

Таким образом, можно утверждать, что профильное обучение играет существенную роль в профессиональной подготовке, если профиль обучения будет восприниматься как совокупность видов деятельности, присущих данной профессии, а обучение в профильном классе станет началом профессиональной карьеры.

По данным С. М. Погудина, к числу наиболее важных задач профилированного воспитания старшеклассников относятся создание базы прикладной физической и функциональной подготовленности; становление системы прикладных двигательных умений и навыков; воспитание потребностей в области профессионально-прикладного совершенствования и самосовершенствования; целенаправленное развитие психомоторных способностей и психических процессов прикладного характера; формирование потребностей в непрерывном физическом совершенствовании с учетом индивидуально значимых видов профессиональной деятельности [6].

Учебному предмету «Физическая культура» присвоен статус базовой общеобразовательной дисциплины, и в соответствии с положением о профилизации содержания образования на старшей ступени общеобразовательной школы данный предмет включен в перечень самых важных учебных дисциплин федерального компонента, которые должны иметь место в учебных планах любого из профилей независимо от их специфики. Физическая культура оказывает опережающее влияние на профиль обучения наличием уникального по своей природе и мощнейшего по содержательной сути общеобразовательного потенциала для формирования специальных знаний, практико-методических умений, способов познания собственного организма и целесообразного воздействия на его функции [7].

В системе физического воспитания одним из основополагающих должен быть принцип связи физической культуры с практической жизнью общества. Следовательно, решая конкретные задачи физического воспитания, нужно отдавать предпочтение тем средствам, которые формируют жизненно важные двигательные умения и навыки прикладного характера. Учащимся необходимо приобрести, возможно, больше разнообразных двигательных умений и навыков и получить разностороннее развитие физических способностей. Эти задачи решает профессионально-прикладная физическая подготовка. В то же время профессионально-прикладная физическая подготовка не может быть изолированной, оторванной от общей физической подготовки. Наоборот, её эффективность возможна лишь на базе общей физической подготовки, только их тесная взаимосвязь и позволит осуществлять разностороннее физическое воспитание школьников [8].

Современная медицина характеризуется повышением сложности и интенсивности труда, быстротой и точностью решений двигательных действий человека, а также высокой концентрацией внимания. По мнению М. М. Бобыревой, врач должен быть всесторонне физически и духовно развитой личностью, способной активно действовать в условиях глобального кризиса и медицины катастроф [9].

Б. А. Ясько отмечает, что врачебная деятельность относится к сложным видам труда, требующего от человека разносторонней образованности, непрерывности процесса профес-

сионализации, выполнения различных структурированных видов деятельности, операций и манипуляций, предъявляющих специфические требования [10].

Дополнительную нагрузку оказывают работа на полторы – две ставки, нерегулярные выходные и отпуска, вследствие относительно низкой оплаты труда врачей. В классификации профессий по «критерию трудности и вредности» профессия медицинского работника относится к профессии высшего типа – по признаку необходимости постоянной внеурочной работы над предметом и собой [11].

Профессиональная подготовка будущих медицинских работников предъявляет высокие требования к физической подготовленности и является важнейшей задачей профессионального становления будущих врачей. Физическая подготовка как основная категория профессионально-прикладной физической подготовки будущих медицинских работников – результат профессионального обучения, позволяющий компетентно действовать в любой ситуации. Профессия медицинского работника требует всестороннего развития силы рук, выносливости мышц плечевого пояса и спины, вестибулярной устойчивости, быстроты реакции, точности воспроизведения усилия, значительного напряжения внимания и мышления.

В то же время в профессиональной деятельности медицинского работника требуется проявление не только физических качеств, но и способности человека противостоять неблагоприятному воздействию на организм условий работы. По данным В. Г. Артамоновой, Н. А. Мухина, к неблагоприятным факторам рабочей среды и самого трудового процесса относятся вредные химические вещества и биологические агенты, ионизирующие излучения, шум, вибрация, канцерогены, высокое нервно-психическое напряжение, вынужденное положение тела во время работы, перенапряжение анализаторных систем и др. [12]

Также негативно влияет на организм медицинского работника использование во время операции рентгеновских лучей, введение наркоза больным, наркотических веществ и их наличие в воздухе операционной [13].

Появление на фоне напряженной трудовой деятельности медицинского персонала двух или более вредных производственных факторов (химических, физических и др.) характеризует условия их труда как условия наиболее высокой степени опасности развития профессиональных заболеваний и роста общей хронической заболеваемости [14].

В. Г. Артамонова, Н. А. Мухин отмечают, что по риску развития профессиональных заболеваний некоторые отрасли здравоохранения могут сравниться с ведущими отраслями промышленности. Существует мнение о том, что медицинская профессия является едва ли не самой опасной для здоровья и жизни из всех «интеллигентных» профессий [15].

М. М. Авхименко полагает, что профессиональные заболевания медицинских работников имеют тенденции к росту и основными причинами их появления являются неблагоприятные условия труда и ухудшающееся состояние материально-технической базы. Все вышеперечисленные факторы снижают эффективность профессиональной деятельности врачей и в совокупности определяют значительно меньшую продолжительность их жизни, по сравнению с пациентами, сокращая ее на 10–20 лет [16].

Научные исследования показывают, что профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП) существенно влияет на повышение качества профессионального обучения и сокращение сроков овладения трудовыми навыками, создание предпосылок для устойчивой и высокой работоспособности. ППФП организуется и проводится на этапе, предшествующем освоению сложных видов профессиональной деятельности, повышает устойчивость организма к неблагоприятным воздействиям производственной среды, снижает заболеваемость и способствует профессиональному долголетию [17].

Именно средства ППФП, с одной стороны, должны быть эффективными и обеспечивать развитие профессионально значимых физических и личностных свойств, а с другой – должны быть интересными и формирующими личностную физическую культуру учащегося [18].

Так, по данным М. Н. Шкурпит, Т. П. Вериной, профессионально-прикладная физическая подготовка будущих специалистов должна быть направлена не только на развитие физических качеств и формирование у них двигательных умений и навыков, необходимых для выбранной профессии, но и обеспечивать приобретение специальных знаний об использовании средств физической культуры для профессионального становления личности [19].

Несмотря на большое количество исследований, посвященных изучению профессионально-прикладной физической подготовки, необходимо отметить, что данные исследова-

ния направлены на подготовку к профессиональной деятельности учащихся высших учебных заведений.

Так, М. М. Бобыревой разработана методика, объединяющая спортивную игру, аэробику и йогу в единое целое [20].

В. П. Плотников, Т. С. Миронова, М. М. Рыжак считают, что для профессии врача важен опыт спортивной деятельности [21].

Г. А. Хацаев предлагает комплексную программу стимуляционных воздействий с применением средств мануальной ловкости в сочетании с гимнастикой пальцев кистей рук [22].

С. А. Моисеенко рекомендует ритмическую гимнастику в сочетании с бегом, ходьбой на лыжах и атлетической гимнастикой [23].

В. И. Павлов применял физические упражнения, направленные на развитие моторной памяти и совершенствование мышечно-двигательных ощущений в условиях тренажерного зала [24].

А. В. Доронцев добавил специализированный лекционный курс с применением методико-практического и элективного материала [25].

С. В. Салько разработана программа по физической культуре с оздоровительно-реабилитационной направленностью [26].

Е. Н. Селюжицкая применила модель формирования мотивов физкультурной деятельности и развития физических качеств [27].

У О. А. Брейкиной основными элементами методики являлись блок теоретического материала, комплекс заданий, рейтинговая оценка физической подготовленности [28].

Т. Г. Ефремова предлагает реализацию модульной методики, обеспечивающей сопряженное решение задач формирования общей и профессионально-прикладной физической культуры [29].

В. И. Павловым разработаны восстановительно-профилактические комплексы из упражнений с предметами, в равновесии, на координацию, метание и ловля мяча, упражнения для мелких мышечных групп [30].

Н. Н. Нежкина, О. В. Исаева, Ю. В. Чистякова, Т. В. Авдеева, С. В. Булова включили дифференцированную программу психофизической тренировки [31].

В. Д. Прошляков, А. В. Иванов, А. Ю. Лутонин, Л. М. Кушнер, Т. И. Семенкина внедрили в учебный процесс методику оценки студентами своего физического состояния и для повышения мотивации – метод, определяющий состояние опорно-двигательного аппарата [32].

В. Б. Мандриков проводил занятия с использованием элементов оперативного контроля и управления параметрами нагрузки [33].

В то же время необходимо обозначить, что несмотря на положительное влияние средств профессионально-прикладной физической подготовки, применяемых в медицинских учебных заведениях, они не нашли применения в системе физического воспитания учащихся профильных медико-биологических классов. Тем не менее раздел «Профессионально-прикладная физическая подготовка юношей и девушек 10–11-х классов» был включен в Комплексную программу физического воспитания учащихся общеобразовательных школ 1985–1987 гг., но не использовался на практике.

Анализ литературных источников показал, что на сегодняшний день научно-методическое обеспечение содержания профессионально-прикладной физической подготовки учащихся профильных классов общеобразовательной школы нуждается в существенной доработке с учетом современных научных данных, в основе которых лежат общие принципы теории и методики физического воспитания.

Исходя из опыта работы в медицинских вузах, можно определить методические подходы к совершенствованию действующей системы физического воспитания в профильных медико-биологических классах.

Анализ доступных литературных источников по проблеме профессионально-прикладной физической подготовки будущих медицинских работников позволил выявить следующие **противоречия**:

1. Между постоянным повышением требований к качеству профессиональной деятельности медицинских работников и недостаточным использованием для этого средств и методов физического воспитания.

2. Между современными требованиями нормативных документов к организации систематических занятий физическими упражнениями медицинскими работниками и отсут-

ствием научно обоснованных методик организации таких непрерывных занятий с целью повышения качества профессиональной деятельности будущего медицинского персонала.

Обозначенные противоречия позволили определить научную проблему исследования, которая актуальна и заключается в разработке экспериментальной модели и Программы профессионально-прикладной физической подготовки и методики использования её педагогических средств и методов на различных формах занятий по физическому воспитанию в профильных медицинских классах с целью создания условий для опережающего улучшения и качественного освоения профессиональной деятельности будущими медицинскими работниками.

Для реализации данной проблемы мы используем следующий методический подход:

1. Учет содержания профиля обучения с целью определения принципов и оптимальных средств и методов физической подготовки учащихся профильных медицинских классов.

2. При организации занятий необходимо соблюдение следующих принципов:

- принцип опережающего педагогического воздействия;
- принцип непрерывного и комплексного воздействия на различных формах занятий;
- принцип профессионально-прикладной направленности;
- принцип систематичности и последовательности педагогических воздействий;
- принцип целенаправленного и индивидуального подхода.

3. Реализация экспериментальной Программы профессионально-прикладной физической подготовки учащихся профильных медицинских классов:

- проведение теоретических занятий (уроков-лекций);
- применение комплексов упражнений профессионально-прикладной физической подготовки на уроках физической культуры;
- введение специализированных уроков ППП;
- включение самостоятельных индивидуальных домашних занятий;
- подбор средств и методов профессионально-прикладной физической подготовки целесообразно применять с учетом профессионально важных качеств медицинских работников и с учетом низких показателей физической, функциональной и психологической подготовленности учащихся профильных медико-биологических классов.

Структура и содержание Программы с применением данного методического подхода позволяет в полном объеме использовать средства и методы физической культуры для достижения должного уровня подготовленности учащихся к будущей профессиональной деятельности.

Примечания

1. Худолева О. В. Подготовка школьников к будущей профессии // Физическая культура в школе. 2007. № 1. С. 53–56.

2. Медведева Е. Н., Григорьева О. П. Технология прикладной физической подготовки студентов на основе учета специфики профессиональной деятельности менеджеров // Теория и практика физической культуры. 2010. № 6. С. 29–31.

3. Латыпов И. К., Лукина В. И. Урок в современной школе. Проблемы и реальные возможности // Физическая культура в школе. 2010. № 7. С. 2–10.

4. Чистякова С. Н., Лернер П. С., Родичев Н. Ф., Кузина О. В., Кропивянская С. О. Профильное обучение и новые условия подготовки // Школьные технологии. 2002. № 1. С. 101–108.

5. Латыпов И. К. Подготовка учащихся спортивно-педагогических классов к профессиональной деятельности в сфере физической культуры и спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2009. № 1. С. 17–19.

6. Погудин С. М. Задачи непрерывного профессионального направленного физкультурного образования учащихся // Физическая культура в школе. 2012. № 7. С. 18–20.

7. Лукьяненко В. П. Основные заблуждения в понимании проблем школьной физической культуры // Физическая культура в школе. 2012. № 2. С. 46–50.

8. Худолева О. В. Указ. соч.

9. Бобырева М. М. Совершенствование методики профессионально-прикладной физической подготовки студентов медицинского вуза: дис. ... канд. пед. наук. Алматы, 2008.

10. Ясько Б. А. Экспертный анализ профессионально важных качеств врача // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 71–81.

11. Бобрецова С. В., Плаксин В. А. Здоровый образ жизни: теория и практика // Медицинская сестра. 2010. № 8. С. 31–33.

12. Артамонова В. Г., Мухин Н. А. Профессиональные болезни: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. (Учеб. лит. для студ. мед. вузов.), ил. М.: Медицина, 2004.
13. Пономарева В. В. Физическая культура и здоровье: учеб. М.: ГОУ ВУНМЦ, 2001.
14. Баев М. В., Полянский В. В. Гигиена труда медицинских работников: учеб.-метод. пособие для самост. подготовки студ. к практ. занятию. Пенза, 2003.
15. Артамонова В. Г., Мухин Н. А. Указ. соч.
16. Авхименко М. М. Некоторые факты риска труда медика // Медицинская помощь. 2003. № 2. С. 25–28.
17. Иваненко Я. В. Значение физической культуры в подготовке будущего специалиста к трудовой деятельности // Материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Белгород: ИПК, 2011. Ч. 1. С. 235–237.
18. Ильинич В. И. Физическая культура студента: учеб. М.: Гардарики, 2007.
19. Шкурпит М. Н., Верина Т. П. Упражнения профессионально-прикладной направленности // Физическая культура в школе. 2010. № 8. С. 20–23.
20. Бобырева М. М. Указ. соч.
21. Плотников В. П., Миронова Т. С., Рыжак М. М. Нервно-психическое состояние и мотивация спортивной деятельности студентов медицинского вуза // Теория и практика физической культуры. 2001. № 5. С. 26, 39–40.
22. Хацаев Г. А. Формирование комплекса профессионально-прикладных средств стимуляции работоспособности молодых врачей стоматологов-ортопедов: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2007.
23. Моисеенко С. А. Совершенствование процесса физического воспитания студентов медицинских вузов на основе дополнительных занятий профессионально-прикладной направленности: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2006.
24. Павлов В. И. Педагогическая система многоуровневой физической подготовки врача-стоматолога: дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2000.
25. Доронцев А. В. Формирование у будущих врачей навыка профилактики заболеваемости средствами физической культуры и спорта: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2006.
26. Салько С. В. Формирование умений здорового образа жизни у студентов медицинского колледжа в индивидуальной и профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2006.
27. Селюжницкая Е. Н. Методика повышения физического состояния студенток медицинского вуза, имеющих низкий уровень мотивации к физкультурной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2008.
28. Брейкина О. А. Оценка эффективности методики формирования у студентов медицинских специальностей, теоретических знаний методико-практических умений использования средств физической культуры в профессионально-профилактической деятельности // Материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Белгород: ИПК, 2011. Ч. 1. С. 144–155.
29. Ефремова Т. Г. Формирование физической культуры студентов медицинских колледжей на основе интенсификации самостоятельной работы: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2011.
30. Павлов В. И. Профилированные учебные модули по физической культуре в условиях медицинского образования // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7. № 4. С. 984–988.
31. Нежкина Н. Н., Исаева О. В., Чистякова Ю. В., Авдеева Т. В., Бузова С. В. Дифференцированные программы физического воспитания подростков 16–17 лет, обучающихся в медицинском вузе // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. С. 159–163.
32. Прошляков В. Д., Иванов А. В., Лутонин А. Ю., Кушнер Л. М., Семенкина Т. И. Оценка и самооценка физического состояния студентов в учебном процессе по физическому воспитанию // Материалы всерос. науч.-практ. конф. М.: Междунар. акад. наук пед. образования, 2008. С. 172–176.
33. Мандриков В. Б. Методология профилирования физического воспитания студентов в медицинских вузах: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002.

Notes

1. Hudoleeva O. V. *Podgotovka shkol'nikov k budushchej professii* [Training of school students for future profession] // *Fizicheskaya kul'tura v shkole - Physical culture at school*. 2007, No. 1, pp. 53-56.
2. Medvedev E. N., Grigoryeva O. P. *Tekhnologiya prikladnoj fizicheskoy podgotovki studentov na osnove ucheta specifiki professional'noj deyatel'nosti menedzherov* [Technology of applied physical training of students on the basis of the accounting of specifics of professional activity of managers] // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury - Theory and practice of physical culture*. 2010, No. 6, pp. 29-31.
3. Latypov I. K., Lukina V. I. *Urok v sovremennoj shkole. Problemy i real'nye vozmozhnosti* [Lesson at modern school. Problems and real opportunities] // *Fizicheskaya kul'tura v shkole - Physical culture at school*. 2010, No. 7, pp. 2-10.
4. Chistyakova S. N., Lerner P. S., Rodichev N. F., Cousin O. V., Kropivnyanskaya S. O. *Profil'noe obuchenie i novye usloviya podgotovki* [Profile training and new conditions of preparation] // *Profil'noe obuchenie i novye usloviya podgotovki - School technologies*. 2002, No. 1, pp. 101-108.

5. Latypov I. K. *Podgotovka uchashchihsya sportivno pedagogicheskikh klassov k professional'noj deyatel'nosti v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta* [Training of pupils of sports-pedagogical classes to professional activity in physical culture and sport sphere]// *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka - Physical culture: education, education, training*. 2009, No. 1, pp. 17-19.
6. Pogudin S. M. *Zadachi nepreryvnogo professional'nogo napravlenno go fizkul'turnogo obrazovaniya uchashchihsya* [Problems of the continuous professional directed sports education studying]// *Fizicheskaya kul'tura v shkole - Physical culture at school*. 2012, No. 7, pp. 18-20.
7. Lukyanenko V. P. . *Osnovnye zabluzhdeniya v ponimanii problem shkol'noj fizicheskoy kul'tury* [The main delusions in understanding of problems of school physical culture]// *Fizicheskaya kul'tura v shkole - Physical culture at school*. 2012, No. 2, pp. 46-50.
8. Hudoleeva O. V. Spec. work.
9. Bobyreva M. M. *Sovershenstvovanie metodiki professional'no prikladnoj fizicheskoy podgotovki studentov medicinskogo vuza: Diss. Kand. ped. nauk* [Improvement of a technique of professionally applied physical training of students of medical school: Cand. ped. sci. diss.]. Alma-Ata, 2008.
10. Yasko B. A. *Ekspertnyj analiz professional'no vazhnykh kachestv vracha* [Expert analysis of professionally important qualities of the doctor]// *Psihologicheskij zhurnal - Psychological magazine*. 2004, Vol. 25, No. 3, pp. 71-81.
11. Bobretsova S. V., Plaksin V. A. *Zdorovyj obraz zhizni: teoriya i praktika* [Healthy lifestyle: theory and practice]// *Medicinskaya sestra - Nurse*. 2010, No. 8, pp. 31-33.
12. Artamonova V. G., Mukhin N. A. *Professional'nye bolezni* [Professional diseases]: textbook. 4th ed. rev. and add. (Study literature for the students of medical higher education institutions) ill. Moscow: Medicina. 2004.
13. Ponomareva V. V. *Fizicheskaya kul'tura i zdorov'e* [Physical culture and health]: textbook. Moscow: VUNMTS Public Educational Institution. 2001.
14. Bayev M. V., Polyansky V. V. *Gigiena truda medicinskih rabotnikov* [Occupational health of medical workers]: study-methodological tutorial for the self-prep. of students to practical studies. Penza. 2003.
15. Artamonova V. G., Mukhin N. A. Spec. work.
16. Avkhimenko M. M. *Nekotorye fakty riska truda medika* [Some facts of risk of work of the physician]// *Medicinskaya pomoshch'- Medical care*. 2003, No. 2, pp. 25-28.
17. Ivanenko Ya. V. [Znachenije of physical culture in training of future expert for work]// *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Materials of Int. sci. conf.: in 2 p. Belgorod: IPK, 2011, p.1, pp. 235-237. (in Russ.)
18. Ilyinich V. I. *Fizicheskaya kul'tura studenta* [Physical culture of the student]: textbook. Moscow: Gardariki. 2007.
19. SHkurpiti M. N., Verin T. P. *Uprazhneniya professional'no-prikladnoj napravlennosti* [Exercises of a professional and applied orientation]// *Fizicheskaya kul'tura v shkole - Physical culture at school*. 2010, No. 8, pp. 20-23.
20. Bobyreva M. M. Spec. work.
21. Plotnikov V. P., Mironov T. S., Ryzhak M. M. *Nervno psihicheskoe sostoyanie i motivaciya sportivnoj deyatel'nosti studentov medicinskogo vuza* [Nerve-mental state and motivation of sports activity of students of medical school]// *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury - Theory and practice of physical culture*. 2001, No. 5, pp. 26, 39-40.
22. Hatsayev G. A. *Formirovanie kompleksa professional'no prikladnykh sredstv stimulyacii rabotosposobnosti molodykh vrachej stomatologov ortopedov: avtoref. dis. Kand. med. nauk* [Formation of a complex of professionally applied means of stimulation of efficiency of young doctors-dantists-orthopedists: Cand. med. sci. autoref. diss.]. Moscow, 2007.
23. Moiseenko S. A. *Sovershenstvovanie processa fizicheskogo vospitaniya studentov medicinskih vuzov na osnove dopolnitel'nykh zanyatij professional'no prikladnoj napravlennosti: Diss. Kand. ped. nauk* [Improvement of process of physical training of students of medical schools on the basis of additional classes of professionally applied orientation: Cand. ped. sci. diss.]. Khabarovsk, 2006.
24. Pavlov V. I. *Pedagogicheskaya sistema mnogourovnevoj fizicheskoy podgotovki vracha stomatologa: dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical system of multilevel physical training of the doctor of the stomatologist: Cand. ped. sci. diss.]. Saratov, 2000.
25. Dorontsev A. V. *Formirovanie u budushchih vrachej navyka profilaktiki zaboлеваemosti sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta: Diss. Kand. ped. nauk* [Formation at future doctors of skill of prevention of incidence of means of physical culture and sport: Cand. ped. sci. diss.]. Volgograd, 2006.
26. Salko S. V. *Formirovanie umenij zdorovogo obraza zhizni u studentov medicinskogo kolledzha v individual'noj i professional'noj deyatel'nosti: Diss. Kand. ped. nauk* [Formation of abilities of a healthy lifestyle at students of medical college in individual and professional activity: Cand. ped. sci. diss.]. Omsk, 2006.
27. Selyuzhitskaya E. N. *Metodika povysheniya fizicheskogo sostoyaniya studentok medicinskogo vuza, imeyushchih nizkij uroven' motivacii k fizkul'turnoj deyatel'nosti: Diss. Kand. ped. nauk* [Methodology of increase of a physical condition of students of the medical school having low level of motivation to sports activity: Cand. ped. sci. diss.] Khabarovsk, 2008.

28. Breykina O. A. [Evaluation of efficiency of a technique of formation at students of medical specialties, theoretical knowledge a technique of practical abilities of use of means of physical culture in professionally preventive activity]// *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Materials of int. sci. conf. : in 2 p.] Belgorod: IPK, 2011, p.1. pp. 144-155. (in Russ.)

29. Efremova T. G. *Formirovanie fizicheskoy kul'tury studentov medicinskih kolledzhej na osnove intensivizatsii samostoyatel'noj raboty: Diss. Kand. ped. nauk* [Formation of physical culture of students of medical colleges on the basis of an intensification of independent work: Cand. ped. sci. diss.]. Krasnodar, 2011.

30. Pavlov V. I. *Profilirovannye uchebnye moduli po fizicheskoy kul'ture v usloviyah medicinskogo obrazovaniya* [Profiled educational modules on physical culture in the conditions of medical education]// *Saratovskij nauchno medicinskij zhurnal - Saratov scientific-medical magazine*. 2011, vol. 7, No. 4, pp. 984-988.

31. Nezhkina N. N., Isayeva O. V., Chistyakov Yu. V., Avdeev T. V., Burov S. V. [The differentiated programs of physical training of teenagers of 16-17 years which are training in medical school]// *Materialy Mezhdunar. nauch. prakt. konf.* [Materials of Int. sci.-pract. conf.] Shuya: FGBOU VPO of "ShGPU", 2012, pp. 159-163. (in Russ.)

32. Proshlyakov V. D., Ivanov A. V., Lutonin A. Yu. Kouchner L. M., Semenkina T. I. [Evaluation and a self-assessment of a physical condition of students in educational process on physical training]//Materials of all-Russia sci.-pract. conf.] Moscow: *Mezhdunar. akad. nauk ped. obrazvaniya*, 2008, pp. 172-176. (in Russ.)

33. Mandrikov V. B. *Metodologiya profilirovaniya fizicheskogo vospitaniya studentov v medicinskih vuzah: avtoref. Dis. Dokt. ped. nauk* [Methodology of profiling of physical training of students in medical schools: Dr. ped. sci. autoref. diss.]. Moscow, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЗИЗОВА Ирина Юнусовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре методики обучения биологии и экологии РГПУ им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48, корп. 2.

E-mail: mobie@list.ru, azizova_i@mail.ru

АРТЕМЬЕВ Николай Семенович – доктор юридических наук, профессор по кафедре криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России, заслуженный работник высшей школы РФ. 390036, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: apu-fsin@mail.ru

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: science@vshu.kirov.ru

БЕЛОВА Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. 248023, г. Калуга, ул. Ст. Разина, д. 26.

E-mail: irina-25.01@mail.ru

ВЫЧУГЖАНИН Александр Леонидович – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, директор некоммерческого партнерства «Проект “Тюмень. Сквозь глубину веков...”», г. Тюмень.

E-mail: souzny@gmail.com

ГЕРШТЕЙН Илья Захарьевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603005, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, д. 2.

E-mail: zaharych77@mail.ru

ЗУБОВА Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры физико-математических дисциплин Трехгорного технологического института Научно-исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института, аспирант ЧГПУ (г. Челябинск). 456080, г. Трехгорный, ул. Мира, д. 17.

E-mail: na448@yandex.ru

КАРАВАЕВА Татьяна Леонидовна – старший преподаватель кафедры спортивных дисциплин и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_sd@vghu.kirov.ru

КОЛЕСНИКОВА Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор по кафедре издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kolesn2006@yandex.ru

КОРОТАЕВА Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: OA-Korotaeva@yandex.ru

ЛИЦАРЕВ Михаил Юрьевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЛОДЫГИН Сергей Николаевич – студент IV курса юридического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lodygin.sergej@mail.ru

ЛОЖКИНА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: t-lozhkina@inbox.ru

МАСЛОВСКАЯ Елена Витальевна – доктор социологических наук, зав. сектором социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН. 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35.

E-mail: isras@isras.ru

НАБИЕВА Улькер Азад гызы – кандидат филологических наук, доцент по кафедре азербайджанского устного народного творчества Бакинского государственного университета. 1148, Азербайджанская Республика, г. Баку, ул. Захида Халилова, д. 23.

E-mail: bgu-ul@bk.ru

НАЙМУШИНА Анна Николаевна – аспирант кафедры философии права и социальной антропологии Ижевского государственного технического университета имени М. Т. Калашникова. 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 7.

E-mail: anna_runa@mail.ru

НЕЧАЕВ Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь – ГСП, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: mgn4@mail.ru

ОКУЛОВ Станислав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: okulov@fimif.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПОДЛЕВСКИХ Леонтий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: lgpod@yandex.ru

РАЗОВА Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной математики и информатики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: el_r@list.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

РЫБАЛЬЧЕНКО Валерия Анатольевна – ассистент кафедры философии и права Пермского национально-исследовательского университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: philosophy@pstu.ru

СЕМЕНО Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

СЫРОМЯТНИКОВ Олег Иванович – кандидат филологических наук, преподаватель Пермской духовной семинарии. 614036, г. Пермь, шоссе Космонавтов, д. 185.

E-mail: pani_perm@list.ru

ТОЛСТОБРОВА Людмила Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ТРЕФИЛОВА Татьяна Юрьевна – аспирант кафедры педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48.

E-mail: tanya-sergei62@mail.ru

ХАНЖИН Алексей Владимирович – аспирант кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: afk2@vshu.kirov.ru

ШЕВЕЛЁВА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: tatyana.n.sheveleva@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AZIZOVA Irina Yunusovna – Candidate of pedagogical sciences, the associate professor of the Department of methodology of biology and ecology teaching of Hertsen RSPU. 191186 Saint-Petersburg, Mojka embankment 48, structure 2.

E-mail: mobie@list.ru, azizova_i@mail.ru

ARTEMYEV Nikolay Semyonovich – Dr. of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminology and Organization of crime prevention in the Academy of the FPS of Russia, Honored Worker of Higher School of Russia. 390036, Ryazan, 1 Sennaya str.

E-mail: apu-fsin@mail.ru

BALYBERDIN Yuriy Alaksandrovich – Dr. of Historical Sciences, professor of research activity of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: science@vshu.kirov.ru

BELOVA Irina Borisovna – Candidate of Historical Sciences, the associate professor of the Department of domestic history of Tsiolcovsky Kaluga State University. 248023 Kaluga, S. Razin St., 26.

E-mail: irina-25.01@mail.ru

VYCHUGZHANIN Alexandr Leonidovich – Dr. of Historical Sciences, Candidate of Economics, director of non-commercial partnership “Tyumen Project. Through the depth of centuries...”, Tyumen.

E-mail: souzny@gmail.com

GERSHTEIN Ilya Zakharyevich – Candidate of Political Sciences, senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relationship of Lobachevsky Nizhegorodsky State University. 603005, N. Novgorod, Ulyanov St., 2.

E-mail: zaharych77@mail.ru

ZUBOVA Natalia Valerievna – Senior lecturer of the Department of physic-mathematical disciplines of Trechgorny Technological Institute of research nuclear institute of Moscow Engineer-physics Institute, graduate student of ChSPU (Chelyabinsk). 456080, Trechgorny, Mira St., 17.

E-mail: na448@yandex.ru

KARAVAEVA Tatjana Leonidovna – senior lecturer of the Department of sport disciplines and methodology of teaching of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail kaf_sd@vghu.kirov.ru

KOLESNIKOVA Olga Ivanovna – Dr. of Philology, professor of the Department of Publishing and Editing of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: kolesn2006@yandex.ru

KOROTAEVA Olga Anatolievna – senior lecturer of the Department of state-and-legal disciplines of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: OA-Korotaeva@yandex.ru

LITSAREV Mikhail Yuryevich – the graduate student of the Department of Domestic History of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

LODYGIN Sergey Nikolaevich – IV-year student of Juridical Faculty of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: lodygin.sergej@mail.ru

LOZHKINA Tatyana Evgenyevna – senior lecturer of the Department of state-and-legal disciplines of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: t-lozhkina@inbox.ru

MASLOVSKAYA Elena Vitalyevna – Dr. of Sociology, chief of the Deviance Sociology and Social Control Department of Sociologic Institute of Russian Academy of Sciences. 117218, Moscow, Krzhyzhanovskogo, 24/35.

E-mail: isras@isras.ru

NABIEVA Ulker Azad gyzy – Candidate of Philology, assistant professor of the Department of Azerbaijan Verbal Popular Creation of Baku State University. 1148, Azerbaijan Republic, Baku, zahid Khalilov St., 23.

E-mail: bgu-ul@bk.ru

NAIMUSHINA Anna Nikolaevna – the graduate student of the Department of Legal Philosophy and Social Anthropology of Kalashnikov Izhevsk State Technical University. 426069, Udmurt Republic, Izhevsk, Studencheskaya St., 7.

E-mail: anna_runa@mail.ru

NECHAYEV Michael Gennadievich – Candidate of Historical Sciences, associate professor of Perm National Research Polytechnic University. 614990, Perm – GSP, Komsomolsk Ave., 29.

E-mail: mgn4@mail.ru

OKULOV Stanislav Mikhaylovich – Dr. of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Applied Mathematics and Computer Science of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: okulov@fimif.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – Dr. of Philology, professor of the Department of Culturology and Advertisement of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

PODLEVSKICH Leonthy Gennadyevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, doctoral candidate of the Department of Philosophy and Sociology of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: lgpod@yandex.ru

RAZOVA Elena Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, chief of the Department of Applied Mathematics and Computer Science of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: el_r@list.ru

ROZUVAN Aleksey Mikhaylovich – dean of the Faculty of Law of VyatSHU, Honored lawyer of RF. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.

E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

RYBALCHENKO Valeriya Anatolyevna – lecturer of the Department of Philosophy and Law of Perm national-and-research university. 614990, Perm, Komsomolsky Ave., 29.

E-mail: philosophy@pstu.ru

SEMENO Andrey Valeryevich – Candidate of Historical Sciences, associated professor of the Department of State and Law theory and history in VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: law@vshu.kirov.ru

SYROMYATNIKOV Oleg Ivanovich – Candidate of Philology, teacher of Perm spiritual seminary. 614036, Perm, Kosmonavty Drive, 185.

E-mail: pani_perm@list.ru

TOLSTOBROVA Ludmila Vladimirovna – the graduate student of the Department of Russian and Foreign Literature of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

TREFILOVA Tatyana Yuryevna – the graduate student of the Department of Pedagogics of Hertsen Russian State Pedagogic University. 191186, Saint-Petersburg, Mojka embankment 48.

E-mail: tanya-sergei62@mail.ru

KHANZHIN Alexey Vladimirovich – the graduate student of the Department of Adaptive Physical Culture of VyatSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: afk2@vshu.kirov.ru

SHEVELEVA Tatyana Nikolaevna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Classical and Modern Literature of Kozma Minin Nizhegorodsky State Pedagogical University. 603950, Nizhny Novgorod, Ukyanov St., 1.

E-mail: tatyana.n.sheveleva@gmail.com

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4 (2014)

Подписано в печать 25.04.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 1000. Заказ № 80.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674